

САГДУЛЛА
КАРАМАТОВ

ДОРОГА
УХОДИТ
В ГОРЫ

Повести

*Перевод
с узбекского*

Издательство
ЦК ЛКСМ Узбекистана
„Ёш гвардия“
Ташкент—1979

Повесть «Дорога уходит в горы», давшая название книге, удостоена премии Министерства обороны СССР. Она рассказывает о подвиге молодого шофера Самандара — узбекского Маресьева. Вторая повесть — «Капля крови» — историко-революционная, посвящена молодым борцам за победу революции в Бухаре.

Печатается по изд: © Воениздат, М., 1973. Дорога уходит в горы.
Изд-во им. Г. Гуляма, Ташкент, 1971.
Капля крови.

© Издательство „Ёш гвардия”, 1979.

ЛЮДИ СИЛЬНОЙ ВОЛИ

Первые очерки и рассказы Сагдуллы Караматова появились в начале шестидесятых годов. Он писал о своих современниках, о людях различных профессий. Как газетчик Сагдулла Караматов стремился не только поднять важные проблемы, которые решались на больших стройках, на заводах и в колхозах, но и раскрыть характеры героев. Этим отличается документальная повесть «Улыбка гор», сборники очерков «Златые косы Аму», «Символ красоты», «Серебряный пояс».

К работе над художественными произведениями С. Караматов подходил неспешно, осторожно, постоянно пополнял запас материалов, стараясь тщательней выписать образы, лаконично, точно передать обстановку происходящего события.

В повести «Капля крови» писатель обратился к бурному времени Гражданской войны.

Герой повести Равшан — обыкновенный сельский парень. В юности он столкнулся с несправедливостью мира богатых и жестоких людей. У Равшана отняли все. Отняли дом, отца, любимую.

Равшан попытался бороться в одиночку. Однако он скоро понял, что это невозможно. И юноша становится одним из тех, кто вместе с народом, с Красной Армией уничтожал последнюю крепость старого мира — Бухарский эмират.

Мне довелось переводить эту повесть на русский язык. Порадовали многие страницы, оправданная смена настроений, хорошо выписанные сцены.

Людей сильной воли, упорных и настойчивых в осуществлении своих замыслов показал Сагдулла Караматов в повестях «Горная красавица», «Разлука», «Дорога уходит в горы».

Последняя из этих повестей выходила в переводе на русский язык в Москве и была удостоена диплома Министерства обороны СССР (1975 г.).

Сагдулла Караматов проследил в ней судьбу фронтовика, показал его жизнь, пусть в мирных, но нелегких условиях. Самандар, герой повести «Дорога уходит в горы», вначале даже не мечтает о любимом деле: в родной кишлак он вернулся на костылях.

Следует сказать, что в основу повести положены

действительные события. А прообразом героя послужил фронтовик, ныне рабочий одного из узбекских совхозов.

Следуя лучшим традициям многонациональной советской литературы в показе мирной героики, автор сумел правдиво показать человека сильной воли, которому и после войны надо было совершить подвиг: научиться ходить, научиться работать.

Однако ограничившись только этой сюжетной линией, автор не сумел бы раскрыть сложности послевоенных лет. Сагдулла Караматов познакомил нас с тружениками, которые живут в небольшом городке возле синих гор, водят машины по сложным трассам через крутые перевалы. В трудной работе, в борьбе с бюрократами, равнодушными делегами, проявляются высокие моральные качества Самандара и его друзей.

Герои этой повести, как и других произведений Сагдуллы Караматова, настойчиво стремятся к светлой цели, одерживая победы и в боях, и в труде.

БОРИС ПАРМУЗИН

ДОРОГА
УХОДИТ
В ГОРЫ

Повесть

*Перевод
с узбекского
Г. Семенихина*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Если бы вы знали, как прекрасен наш Дилькушо в декабре, когда весь он покрывается сплящим белым снегом! Острыми стрелами разбегаются во все стороны от центральной площади широкие улицы, на которых еще затемно начинают трудиться люди, разгребаящие снег. Белы верхушки гор. Кажется, будто целая стая облаков сорвалась с неба и осела на них. Когда зимнее солнце набирает силу, вершины начинают отсвечивать легкой голубизной. Не подумайте, что наш Дилькушо совсем маленький. Правда, ряды глинобитных дворов вдоль берега Анхора, спускающегося с гор, и напоминают кишлачные улицы, но в центре можно увидеть новые кварталы двухэтажных зданий, а над ними поднимаются в небо заводские трубы. Это в годы войны появились они, когда все оставшиеся в тылу должны были напряженно работать для фронта, не считаясь ни со временем, ни с усталостью. Но более года назад война победно закончилась, и заводы, выпускающие теперь мирную продукцию, растут и расширяются. Дилькушо стал многолюднее, шумнее. Многие его сыны уже вернулись и взялись за прерванные дела.

Поэтому, когда в один из таких сверкающих снегом дней на улицах Дилькушо появился человек в длинной солдатской шинели, опирающийся на костыли, на него сразу обратили внимание. Он шел с высоко поднятой головой, чувствуя на себе десятки взглядов. Просто любопытных, сочувствующих, сострадательных. Иногда прохожие спрашивали:

— Простите, вы Самандар?

Тогда солдат останавливался, опираясь на свои костыли, отвечал:

— Да. Самандар. — И теплая, немного грустная улыбка появлялась на его обветренных губах.

— Добро пожаловать, сынок, — приветствовали его. — Но почему же ты так припоздал с возвращением? Ведь уже год кончилась война!

— Был в госпитале, — коротко отвечал Самандар. И снова стучали по расчищенному тротуару костыли. Самандар шел по городу с таким видом, будто открывал его впервые. Словно не веря своим глазам, осматривался

он по сторонам, и, увидев знакомые дома и переулки, постепенно успокаивался. Пройдя базар, он уверенно свернул налево и, оступившись, уронил костыли. Взволнованный, он даже не сразу их поднял. «Крепись, солдат!» — подбодрил он себя и тяжело вздохнул. Самандар стоял на своей родной улице в нескольких шагах от дома, в котором родился и вырос. «Есть ли кто там?» — с болью подумал он и сам себе горько ответил: «Едва ли». Взгляд его скользнул по знакомым калиткам. Вот красные ворота, здесь жил его друг и одноклассник Абдушукур. В первую же неделю войны Абдушукур уехал на фронт, и с той поры они ничего не знали друг о друге. Как захотелось сейчас Самандару постучать в эти дорожные для него красные ворота и, как прежде, насколько хватит голоса позвать: «Абдушукур, выгоняй кур!» Но солдат с горьким вздохом подумал: «А вдруг он не возвратился с войны, и на шуточный зов дверь откроет его мать? Что я скажу ей тогда?»

Невдалеке от красных ворот площадка, где в беззаботные детские годы играли они в футбол. Все та же, не изменилась. Время гораздо быстрее меняет людей, чем то, что их окружает. Сделав несколько шагов, солдат присел на большой камень, лежавший напротив ворот, взглянул на правую ногу с подвернутой и подшитой штаниной, задумался. И опять шевельнулись невеселые мысли: «Одна нога искалечена, у другой нет ступни. Кому я нужен с этими культями, что смогу теперь делать?»

Тяжело опершись на костыли, Самандар поднялся и направился дальше, к своему дому. Вот те самые светло-голубые двери. Они теперь не сверкают, как прежде. Угловые кирпичи сместились, стены осыпались, дали трещины. А ведь раньше!..

Когда-то голубую дверь на солнечной стороне улицы знали почти все обитатели Дилькушо. Однажды отец Самандара, Каландар, сломал свой глинобитный дувал и заменил его кирпичным. Он отштукатурил новый забор и побелил. И вместо старых ворот появилась створчатая дверь. Каландар покрыл ее яркой светло-голубой краской. Кое-кто сначала расценил это как вызов древним традициям, но вскоре многие сами стали подобным образом украшать свои дворы. Каландар первым снял паранджу со своей жены и своими руками бросил в

огонь. И опять же многие последовали его примеру. Его жена первой среди дилькушанских женщин обучилась грамоте в новой школе, а потом стала медсестрой. Это вызвало разговоры: кто завидовал и пытался пустить темные слухи, кто откровенно восторгался. Однажды приехавший в Дилькушо из центра партийный работник с трибуны назвал имя матери как передовой женщины, и все зааплодировали.

Одним словом, в нашем Дилькушо Каландар стал человеком, по которому другие сверяли, что называется, и время, и свои поступки.

Самандар был единственным сыном в этой семье. Он уже заканчивал десятый класс и мечтал о том, как устроит свое будущее, когда страну захлестнула страшная весть: война. И хотя он, во многом еще непосредственный и наивный, лишенный жизненного опыта, не мог пока почувствовать, какой ужасный смысл стоит за этим коротким словом, внезапность случившегося наполнила его сердце тревогой. Он был в соседнем кишлаке, когда ранним утром из всех репродукторов хлынуло это известие. Самандар немедленно отправился домой. Был изумительно ясный день. Опрокинутое над горами голубое небо дышало зноем. Короткие тени ложились от кустов и деревьев на дорогу. Но юноше все вокруг предстало в черном свете. Ему казалось, что даже природа предвещает наступление чего-то ужасного. Он присел перевести дыхание на пень у тревожно журчащего арыка. Расстегнув пуговицы бязевой рубашки, обнажил грудь. Мысли его ни на чем не могли сосредоточиться, проносились обрывочно и сумбурно.

К завтраку Самандар дошел до родного Дилькушо. Его поразила тревожная тишина, сковавшая улицы и дворы. Люди говорили тихими голосами, и лица у них были суровы. Слова «враг напал без предупреждения» передавались из уст в уста. И юный Самандар понял, что жизнь его уже не будет безмятежно спокойной, какой она была вчера и позавчера.

Шла вторая неделя войны, когда мать Самандара подала заявление в военкомат с просьбой взять ее на фронт санитаркой. Он запомнил, как сгорбился отец, какими печальными глазами смотрел на нее.

— Ты сам научил меня быть такой, — гордо сказала ему мать, хотя отец ничего и не промолвил вслух. А

сына вдруг полосула по сердцу острая жалость, и ему показалось, что мать никогда больше не вернется домой, не откроет голубой створчатой калитки, не обнимет его. Когда на следующее утро он вышел умываться, отец молча ходил по двору из конца в конец. Остановившись, с грустью посмотрел на сына. Видно, рвались у него из самой души какие-то особенные слова, но в самое последнее мгновение он сдерживал себя и принимался снова шагать по двору. Самандар заметил, что глаза у отца красные, видно — не спал целую ночь. И вдруг тягостное их молчание нарушил спокойный голос матери:

— А ну, отец, зови сына пить чай, а то остынет.

Сколько воли понадобилось ей, чтобы вот так спокойно произнести эти слова! Они направились в дом. За столом отец ломал горячую лепешку и то и дело пристально поглядывал на мать. Видно, думал о том, что, может быть, навсегда расстанется с этими черными изогнутыми бровями, под которыми сверкали удивительно ясные глаза. И на вокзале в трудный час разлуки отец изо всех сил сдерживал себя. Но когда мать прижала к груди Самандара и заплакала, лицо его потемнело от горя. Протяжный гудок паровоза показался им воплем. Каландар протянул руки, но жены уже не было рядом. Стоя на подножке уплывающего вагона, она прощально махала косынкой. И тогда отец бессильно опустил плечи, глядя то на уходящий поезд, то на Самандара, буззвучно рыдавшего рядом. Еще один гудок паровоза — и состав скрылся за живой ярко-зеленой изгородью. Последний вагон блеснул солнечными отсветами окон, словно удаляющийся факел. Самандар поднял мокрое от слез лицо, сжал кулаки.

Так опустилась на их мирный дом первая тень войны.

На другой день за завтраком отец обратился к Самандару:

— Сынок, на днях пойдешь на завод. Положение тяжелое. Места тех, кто ушел воевать за нашу Родину, должны занять такие, как ты. Кончилось твое детство, сынок.

Каландар пригладил свои густые брови, вздохнул. Он всегда так делал, когда решал какой-нибудь трудный вопрос.

— Я тебя понимаю, папа, — тихо произнес сын. —

Встану к станку. Буду работать не хуже других и ничем не посрамлю ни тебя, ни маму!

Однако в день, когда надо было идти на завод, произошло непредвиденное событие. На рассвете отец вошел в комнату сына. Он явно волновался.

— Сын, мне надо с тобой поговорить. Идем.

— Хорошо, папа, — сказал Самандар, ни о чем не расспрашивая.

Была середина лета. Солнечные лучи усиливали блеск зеленых листьев. Анхор с шумом несся под уклон. Отец с сыном остановились на голом берегу, где, кроме верблюжьей колючки, ничего не росло. Зыбкое марево, уже струившееся над землей, вызывало какое-то неосознанное беспокойство. Кладбище невдалеке рождало думы о вечном трауре по тем, кого уже нет в живых.

— У нашего народа есть хорошая пословица, — произнес наконец Каландар: — «Кто слишком забылся, тому следует посетить кладбище».

— Зачем? — удивленно переспросил сын.

— Чтобы подумать о жизни. Человеку отпущено не так уж много времени на земле. Но жизнь свою он должен прожить так, чтобы не стыдно было о ней думать, умирая. — Отец оторвал свой взор от кладбища, отер лицо платком и продолжал: — Сынок, Самандар, настали трудные времена. Утром я слушал по радио речь Сталина. Над Родиной нашей нависла смертельная угроза. Это не туча над горами, которую разгонит ветер. Таковую угрозу можно отвести лишь мечом. — Взор Каландара устремился вдаль. — Что такое была наша мирная жизнь? Это солнце, которое на всех нас смотрело одинаково ласково. Когда произошла революция и победила Советская власть, я сразу сравнил ее с солнцем. Разве не так, сын мой?

— Так, конечно, — рассеянно ответил Самандар. Он все еще недоумевал, почему они не отправляются на завод.

Отец, заметивший, что он не слишком внимателен, строго перебил:

— Отвлекись от своих дум, сынок, и слушай, что я говорю. Так вот, я тоже хочу и буду драться с врагами за это солнце, как лев.

Каландар вдруг присел на корточки, взял горсть земли, приложил ее к щеке.

— Из-за любви к тебе пойду в бой, — голос его дрожал от волнения, — никакому врагу не отдам тебя, родная земля. — Затем печально посмотрел на Самандара. — Слышишь, сынок, твоя мать, хозяйка нашего дома, пошла на войну первой... А мы?

— Мы тоже не должны сидеть сложа руки, — глухо, как клятву, произнес Самандар.

— Верно, сынок! Ты понял меня. Завтра же подадим заявления. Пусть и нас причислят к тем, кто добровольно идет на фронт. А сейчас домой — готовить пожитки в суровую эту дорогу.

— Отец, спасибо! — воскликнул Самандар. — Ты в своих словах все мои мысли выразил!

...И вот он стоит перед родным домом, опираясь на костыли, не в силах от волнения постучать в родную калитку. Сейчас еще раз Самандар с острой болью в душе подумал о том, что за все эти тревожные годы не получил ни одного известия от родителей, и у него остановилось дыхание. «Неужели не возвратились?» — прошептал он и вдруг, сам не веря своей решительности, с силой ударил кулаком в калитку.

— Отец! — громко позвал Самандар. — Мама!

Никто не вышел из дому. Тогда он постучал снова. Тишина. Опираясь о косяк плечом, стал стучать в нее костылем. Услышав скрип соседней калитки, поднял голову. Оттуда вышла старуха в белом марлевом платке. Поверх синего ситцевого платья на ней была жилетка с крупными заплатками. Она подошла поближе. Слезающиеся глаза скользнули по лицу безногого солдата, и вдруг задрожавшим голосом старуха воскликнула:

— Боже мой, да не Самандар ли ты, сынок?! — и с жалостью окинула его взглядом с головы до ног.

— Да, — стынувшим голосом произнес солдат. — Самандар.

Старуха обняла его за плечи и заголосила на всю улицу:

— Пусть будет проклята эта война, пусть вымрут, как голодные шакалы, все палачи, наделавшие столько бед. Идем ко мне, сынок, в этом доме никто не живет, напрасно стучишься.

— А где же мои родные? — все же спросил Самандар, жадно вглядываясь в испещренное морщинами лицо незнакомой старухи.

Но та не спешила отвечать, лишь крепче его обняла.
— Мы только пять месяцев, как сюда переехали, родной мой. Идем ко мне. Подкрепишься горячим чаем, и я все тебе расскажу. Благослови бога, что живым остался, мой милый.

Самандар не тронулся с места, хотя и не желал обидеть эту незнакомую старуху.

Та поняла, что Самандару не терпится перешагнуть порог своего дома, что нет у него никакого желания заходить к ней пить чай.

— Подожди,— сказала она,— я сейчас принесу ключи.

У Самандара померкла последняя надежда. Все было ясно. Как только распахнулась голубая дверь, знакомый двор пахнул на него безлюдной пустыней. Стуча костылями, солдат перешагнул порог родного жилища. Миновав бугорки наметенного снега, сел на краешек супы. Смахнув наконечником костыля снег на другом конце супы, предложил сесть и старухе. Не проронив ни слова, Самандар уронил голову на руки, лежавшие на костылях. Нет ничего тяжелее и томительнее ожидания, лишеного надежды. Каждым своим нервом уже предчувствовал Самандар, какой тяжелый удар сейчас обрушится на него. И он его ждал, как ждал когда-то красной ракеты, по которой надо было подниматься в атаку, как ждал в госпитале мучительной операции. И вот сейчас в этом ожидании вновь оживал в Самандаре солдат, готовый к любым ударам судьбы. Сердцем поняв это, старуха медленно, старательно подбирая слова, заговорила:

— Милый сынок! Твоя покойная мать, говорят, первой ушла на войну из вашей семьи. На второй год пришла похоронная. А отец... Отец погиб позднее, под Сталинградом.— И она заплакала.

А он сидел оцепеневший, горло сдавил комок, и проглотить его было невозможно.

— Ты не плачь, сынок,— тихо утешала его старая женщина, а у самой так и текли по лицу слезы.— Все мы исстрадались, все до единого. Я тоже лишилась трех своих соколят. А у родного брата пятеро сироток осталось. В каждый дом несчастье война принесла.— Не сумев унять слез, она промолвила «сейчас» и ушла.

Оставшись один, Самандар с тоской осмотрел мол-

чаливый двор. Потом проковылял к запертой калитке сада, не без усилий открыл ее и сделал несколько шагов. Когда-то посаженные им яблони вытянулись, раскинули широко длинные ветви. Сейчас эти ветви под тяжестью снега словно бы кланялись ему, хозяину. Самандар приблизился к берегу Анхора. Заснеженные вершины гор отражались в нем. А еще отражалось яркое солнце, то, что светило сейчас всему Дилькушо. И вспомнил Самандар, как говорил отец о народной власти, сравнивая ее с солнцем.

Воспоминание это погасило в нем слабость. Солдат почувствовал, как мышцы его наливаются силой, глаза заблестели, как тогда, в сорок первом, когда слушал он страстные слова отца. И окрылила вдруг душу бодрость, надежда и уверенность вернулись к Самандару. И как клятву он зашептал: «Да, ты на костылях, тебе тяжело, но ты не имеешь права опускать руки и падать духом. Ты солдат и мужественно и стойко должен искать свое место в жизни».

Будто решив идти к самым горным вершинам, Самандар сделал несколько быстрых шагов и, поскользнувшись, с грохотом упал. Такое случалось с ним и раньше, когда в госпитале пытался ходить без костылей. Тогда обида жгла сердце, а сейчас неудача только ожесточила. Он медленно, но решительно поднялся. Соседка, появившаяся в эту минуту с чайником и дастарханом, испуганно бросилась к нему:

— Сынок, я помогу.

— Не волнуйтесь, тетушка,— усмехнулся Самандар,— я и сам справлюсь.— Он поднялся и задумчиво оперся на костыль.

— Конечно, так и будет,— твердо проговорил он.— Только так, и не иначе.

— Что, что? — удивилась старая женщина.

— Да это я так... Для себя,— усмехнулся солдат.

— Идем лучше пить чай, а то ты уже заговариваешься,— вздохнула соседка.

Однако побыть вдвоем им не пришлось. Двор быстро наполнился соседями, неизвестно откуда узнавшими о возвращении Самандара. Они окружили его плотным кольцом, но старушка все-таки сдержала натиск.

— Постойте, постойте, идемте лучше в дом. Я накрою дастархан и налью всем по пиале крепкого чаю.

До самого вечера в доме не переводились люди. Одни горевали о его погибших родителях, другие, вздыхая, смотрели на костыли, третьи старались подбодрить. Самандар рассеянно отвечал на все утешения и пожелания, а сам с тоской глядел то в затуманенное морозом окно, то на дверь. Он ждал кого-то еще. «Неужели она не придет?— тягостно думал он.— Зумрад, милая, почему ты медлишь? Почему я не слышу твоих шагов, почему ты не распахнешь калитки в осиротевший наш дом?»

Проводив последних гостей, он остановился у запертых ворот, долго держался рукой за дверное кольцо. Только она, Зумрад, могла сейчас утешить его по-настоящему в большом горе. Она не пришла, и никто из соседей не промолвил о ней слова. «Где же ее искать?» Он вернулся в уже натопленный соседями дом, прилег на застеленную кровать и предался воспоминаниям...

Это было в те дни, когда ждал Самандар отправки на фронт. Он сидел на берегу Анхора, проходящего по границе их сада. Нежный ветерок трепал волосы. Задумчиво смотрел юноша на заросли арчи, видневшиеся на склонах гор. Он был очарован окружающей его красотой и не сразу оглянулся на скрип калитки. Ему вдруг показалось, что там промелькнула легкая тень. Промелькнула и скрылась. У Самандара сладко заняло сердце. «Неужели это она? Нет, не может быть!» Он выскочил за калитку, но улица была пустынной.

Да, это было чудом. Образ девушки, порожденный пылкой юношеской фантазией, удивительно совпадал с образом той, которую он увидел наяву. Сдав последний экзамен, Самандар шел по школьному коридору и у самой лестницы почти столкнулся с девушкой в белом шелковом платье. Сверкнули черные глаза под изогнутыми бровями, с любопытством уставились на него. Самандар нечаянно задел руку девушки, словно хотел остановить ее. Девушка, вероятно, так и истолковала его нечаянное движение, потому что в ее красивых глазах появилось выражение обиды. Эти прекрасные глаза и нежная родинка под левым глазом словно обожгли юношу.

— Вы всегда поступаете так? — спросила она, не скрывая насмешки.

— Как?.. — растерялся Самандар.

— Пытаетесь сбить с ног.

— Простите,— забормотал он,— я же нечаянно...

Девушка звонко рассмеялась и быстро побежала вверх по лестнице. А он долго стоял, ощущая тепло ее руки на своей ладони. «Как она похожа на ту, что приходит ко мне в мечтах, — пылко думал Самандар. — Откуда она? Ведь раньше такой не было в школе. Или я просто не замечал». На следующий день он узнал от друзей, что это новенькая, что окончила она параллельный класс. Самандар стал искать с ней новой встречи, нередко видел, но удобного случая заговорить все не было. Если проходил день, в который он не видел Зумрад, это был потерянный день. Юноша бродил грустный и подавленный, молчаливо обходя своих веселых друзей. И вот когда до отправки на фронт оставались каких-то двое суток, он твердо решил, что вторая встреча обязательно должна состояться. «Разве могу я уйти на войну, не повидав Зумрад, не сказав ей о своих чувствах», — думал он, сидя на берегу Анхора. И вдруг снова скрипнула калитка, но нет, не от ветра. В нее проскользнул полосатый мяч, а за ним вбежала девчушка и в нерешительности остановилась.

— Дядя, а собак у вас нет?

— Ты чья, девочка? — улыбнулся Самандар. — Где твой дом?

Девчушка, всхлипывая, вскинула ручонки ввысь. Самандар засмеялся, легонько схватил ее за носик.

— Вай, хочешь сказать, что ты небесная девочка?

— Нет, — протянула девчушка, — я живу на той стороне Анхора.

Самандар присвистнул.

— И так далеко забрела?

— Нет. Я шла за мячиком. Это он все бежал и бежал.

— Ну да, — подмигнул юноша, — а теперь тебя дома ждут папа и мама.

— Нет, — покачала головой девочка, — они ушли в гости. Меня ждет дома сестра.

— И как же ее зовут?

— Зумрад.

— Зумрад?! — почти вскрикнул Самандар. — Это не вы ли приехали недавно в Дилькушо?

— Мы, мы, — обрадованно закивала девочка.

— Послушай, — взволнованно произнес Самандар, — давай я отведу тебя к сестре. Вот твой мячик, пошли.

Двор, где жила Зумрад, располагался по другую сторону канала, за мостом. Он весь был в зарослях виноградника. Ягоды кишмиша и «дамских пальчиков» золотились в лучах обжигающего солнца. Зумрад работала на винограднике, ее белое платье мелькало среди лоз. Девочка издали протяжно позвала сестру, а потом кинула ей навстречу свой полосатый мяч.

— Ой, что это? — воскликнула Зумрад, выходя из виноградника. — Ах, это ты, негодница! Где ты пропала?

Увидев вошедшего вслед за девочкой в калитку Самандара, Зумрад смутилась.

— Это вы... ее привели?

Он наклонил голову.

— Спасибо. Иначе бы она заблудилась. Ну, проходите, будьте гостем.

Взволнованный Самандар бросил благодарный взгляд на девушку. И сразу охватил этим взглядом ее всю, увидел и тапочки со срезанными задниками, тонкие кисти рук, лицо, от загара яркое, как гранат, и белое простенькое платье, подчеркивающее красоту лица, и взгляд удивительно нежных черных глаз, оттененных изогнутыми бровями. Они замолчали, не зная, как поступить дальше. Зумрад не повторяла больше своего приглашения, а юноша не трогался с места. Наконец он неловко произнес:

— Извините, что побеспокоил, Зумрадхон.

Она еле слышно ответила:

— Что вы, я и сама одна-одинешенька была, от скуки гуляла по саду.

Эти слова несколько приободрили юношу. Он приблизился к ней и, по-прежнему избегая ее взгляда, как бы оправдываясь, пояснил:

— Я бы не стал вас беспокоить. Честное слово, не стал. Но есть одна причина, и она все оправдывает.

— Какая же? — все так же тихо спросила девушка.

— Я уезжаю...

Самандар запинаясь, и его волнение неожиданно передалось ей.

— Куда? — девушка нерешительно подняла на него глаза.

— На фронт, Зумрадхон. Иду в военкомат вместе с отцом! — гордо ответил он.

— На фронт?! — повторила девушка и сделала шаг назад. Черные глаза ее наполнились тревогой. И вновь они замолчали. Зумрад внимательно рассматривала парня, словно художник, решивший нарисовать его портрет.

Каким представился ей он? Кроткие, как у послушного ребенка, глаза, грустившие о чем-то своем. Над верхней губой только-только начинали пробиваться усики. А когда ее взгляд упал на руки Самандара, она с тоской подумала о том, сможет ли воевать этот мальчик с такими тонкими и нежными пальцами.

Девушка закрыла ладонями лицо и невольно прошептала:

— Какая же она жестокая, эта война, если забирает даже таких мальчишек!

Самандар улыбнулся, почувствовав себя сильным рядом с тоненькой и хрупкой Зумрад.

— Не дождется Гитлер, чтобы я его испугался. Не огорчайтесь, Зумрадхон. Мы победим, и я обязательно вернусь.

— Я верю... — горячо заговорила было Зумрад, но голос ее вдруг сорвался, и она с плачем убежала к себе в дом.

«Милая Зумрад, — прошептал юноша, да ради тебя я готов сражаться с каким угодно врагом!» Сдавленный плач девушки доносился из-за двери. Самандар долго стоял у входа в дом, потом нежно погладил ладонью дверное кольцо, словно то была рука Зумрад...

Вот и все. Больше он так и не увидел ее. Но в тревожные фронтовые ночи, перед атаками и после атак, в минуты, что лежат между жизнью и смертью, он всегда думал о ней. И может быть, эти светлые мысли и помогли ему выжить.

Так почему же она не пришла? Самандар поднялся с постели, неспешно оделся. Одно твердое решение завладело им, заставило выйти из дому. Улица темным-темна, прохожих почти не видно, снежная поземка разогнала всех по домам. Однако стучали по тротуару костыли. Самандар упрямо шел вперед, не обращая

внимания на ветер, раздувающий полы его незастегнутой шинели. Он хорошо помнил этот длинный путь, путь к дому Зумрад. Только она властвовала сейчас над его думами и мечтами, звала к себе. На мгновение он остановился, чтобы перевести дыхание, и вдруг услышал за спиной скрип снега. Его кто-то догонял. Он невольно обернулся — и растерялся от неожиданности. Прямо на него надвигались две фигуры, слышались веселые голоса — мужской и нежный женский. Он узнал этот нежный голос. Самандар быстро, как только мог, спрятался за столб и весь похолодел от горькой мысли. «Это ее парень... А может, и жених». Черная пелена закрыла на мгновение глаза. «Так вот почему Зумрад не пришла». Они остановились под тускло светившим электрическим фонарем, почти у самой калитки, ведущей в ее двор. Парень, вертляво жестикулируя, что-то объяснял. Голос его был то умоляющим, то грубовато настойчивым. Не в силах больше сдержаться, Самандар вышел из укрытия и, собрав всю свою волю, сделал несколько шагов в их сторону. Девушка окинула его быстрым недоумевающим взглядом и поспешно скрылась. Только стук ее каблучков да скрип открываемой калитки нарушили тишину улицы. Оставшийся в одиночестве парень так же удивленно оглядел солдата и, безнадежно махнув рукой, зашагал прочь. А Самандар, шатаясь как пьяный, сделал еще несколько шагов и повис на костылях бесильным, отяжелевшим телом.

Самандар не помнил, сколько простоял он так. Упала звезда, на мгновение осветив небо ярким острым лучом, и погасла. Увидев огненную черту, солдат подумал: «Не слишком хорошая примета — падающая звезда. Так моя бабушка говорила». Он медленно побрел домой. Мысли о Зумрад терзали его сердце. «Вот и оборвалась песня первой любви. Не надо с ней больше видеться, не надо мешать чужому счастью». Этим решением он словно навсегда прощался с ней. Но принять решение легче, чем его исполнить. Идя домой, он думал только о ней, порой искал обстоятельства, вселяющие надежду, порой жестоко казнил себя. «Чего ты еще ждешь, наивный человек? Ведь Зумрад ушла, увидев твои костыли. Разве нужен ей калека, если ее окружают веселые молодые парни?»

Самандар вошел во двор, долго открывал замок озябшими руками. Вот оно, его одинокое заброшенное жилище. Стол да кровать, застеленная сердобольной соседкой. Несмотря на тепло, он, не раздеваясь, повалился на кровать.

Сколько времени провел в полузабытьи, он не мог бы сказать. Разбудил его громкий окрик: «Самандар! Самандар! Да открывай же скорее. Крепко же ты спишь!» И он сразу узнал, кто пришел к нему в трудный этот час.

Перешагнув порог, Абдушукур бросился к Самандару, крепко обнял его, расцеловал, помог осторожно опуститься на курпачу, и громкий голос его радостно раскатился в пустых комнатах.

— Жив-здоров, друг мой Саман! А я только сейчас услышал, что ты вернулся. Отпросился с работы и прибежал. Прости, что явился позже других, но, честное слово, не виноват. Вчера две смены оттрубил...

— Ничего, ничего,— успокоил его просветлевший мгновенно Самандар и после небольшой паузы осторожно спросил:

— Ну, а ты когда с войны пришел? Старики живы?

— Как видишь, здоров как бык, — рассмеялся Абдушукур, — если не считать... — Он показал глазами на простой левый рукав. — С родными тоже все в порядке.

Самандар тихо сказал:

— Когда?

— На третьем году войны. Ну да ладно. Хватит об этом.

— Эх, дружище, дружище, потерять руку или ногу на войне, это еще не самое страшное.— Самандар хотел что-то прибавить, но, убоявшись, что выдаст сейчас свою тайную боль, осекся.

— А тебя когда ранило?— спросил Абдушукур.

Самандар отодвинул надоевшие костыли.

— Уже весной сорок пятого. До победы оставались считанные дни, — медленно и неохотно начал он, но постепенно его рассказ разгорелся, как огонек свечи, что сначала бывает бледным и робким, а потом становится все ярче и ярче. — Рана как рана, солдатская, на поле боя. Помню, как ослепило. Взрыва я не услышал. Очнулся от сильной боли уже в госпитале. Сквозь окна солнечные лучи пробиваются, весенняя листва шумит. Как сейчас помню, настенные часы десять пробили. От-

крив глаза, увидел медсестру. Захотелось встать. Уперся локтями в матрац и стал поднимать голову, но девушка подбежала и за плечи прижала к подушке: «Успокойтесь, вы сейчас не должны шевелиться». Ласковый голос как-то успокоил, и я закрыл глаза. Представилось, что это не медсестра, а мать подходила ко мне в белом халате. Потом я снова открыл глаза и посмотрел на девушку, и она мне напомнила уже не мать, а знаешь кого, Абдушукур?

— Нет,— покачал тот коротко остриженной головой.

— Если говорить откровенно, нашу сверстницу Зумрад. Ты ее помнишь?

— Еще бы. Мой друг в свое время глаза на нее проглядел. А друга звали, если не ошибаюсь, Саман,— хитровато прищурился Абдушукур.

Самандар вспыхнул.

— Как? Неужели ты это замечал?

— Еще бы! Одному тебе казалось, что никто не замечает, как ты на нее смотришь.

Самандар смущенно усмехнулся.

— Неправда, Абдушукур. Аллах тебе судья.

— Пусть будет аллах, толко рассказывай дальше.

— А что дальше?.. Понял, что ни матери, ни Зумрад рядом нет, незнакомая девушка в белом халате смотрит на меня. Я спросил, что со мной, но медсестра молча отвела глаза. И тогда я понял, что со мной случилось что-то страшное, и с беспокойством ощупал колени. Они на месте. Но когда ладони опустились ниже... Глядя на свои ноги, я зарыдал. Кажется, и медсестра не выдержала моего отчаянья, отвернулась к окну. Потом она поднесла мне стакан воды, подложила свою руку под шею, чтобы мне было удобнее пить, и надломленным голосом проговорила:

— Успокойтесь, выпейте воды, пожалуйста.

Потухшими глазами обвел я комнату, выпил два глотка, как мне показалось, самой невкусной в мире воды и снова с рыданиями уткнулся головой в подушку.

— Ну вот, — с мягким укором поглядела на меня медсестра,— а мне говорили, что вы очень смелый парень...

— Смелый! — воскликнул я. — Так что ж, может

быть, я веселые песни должен петь оттого, что остался без ног?

И будто это сама медсестра была виновата в моем горе, я отвернулся от нее. Прошло несколько минут. Я чувствовал, что она рядом. Немного погодя девушка подошла неслышно к изголовью, положила мне на лоб влажную салфетку, и от этого стало немного легче.

«Что же делать, что же мне теперь делать? — думал я, без конца ощупывая свои ноги. — Ведь я же шофер». Передо мной предстали картины солдатской жизни. И даже дух захватывало, когда вспоминал, какие суровые испытания перенес в первые месяцы войны. Сначала попал я на курсы водителей. Через три месяца закончил их и получил направление в автобат. Не привыкший к свирепой зиме, я буквально дрожал от холода даже в тулупе. Тяжелыми были рейсы на передовую, и часто приходилось выполнять их одному. Застревала ли машина, переставал ли работать мотор — во всех случаях выходить из трудного положения надо было самому. А уж сколько раз приходилось разгружаться под минометным и артиллерийским обстрелом, попадать под бомбы, совершая поездки по открытой местности... Нелегко было уцелеть! Но человек, оказывается, привыкает ко всему. Аксиома, дорогой Абдушукур. Постепенно и я привык к холодам. Да и шофером опытным, правда, не без помощи друзей, также постепенно становился. Уже знал машину до винтика, на слух мог уловить любую неисправность в моторе и умел ее быстро устранить. Два раза был легко ранен и снова после госпиталя возвращался в родную часть. Так и шли военные годы. А ноги я потерял, когда последние рубежи до Берлина оставались. Мы тогда возили боеприпасы для дивизии, стоявшей на берегу Одера — последнего водного рубежа. Рейсы — один опасней другого. Фашисты здорово обстреливали восточный берег реки и дороги. Командир автобата майор Селютин был у нас парень brave. Косая сажень в плечах, кулачищи пудовые, а сам, как ребенок, добрый. Заботился о нас, что родной отец. Продовольствие для шоферов добывал отличное: трофейный шоколад, варенье, морковный сок, мясо. Один раз даже апельсины откуда-то раздобыл. Вот было у ребят радости! «Это, наверное, те самые, которыми Гитлер после парада на Красной площади вояк своих намеревался

угощать», — шутили наши остряки, а комбат только посмеивался. «Ладно, ладно, цицероны, — поговаривал он, — по работе вам и питание. Заслужили, ребяташки, ничего не скажешь». И действительно, мы работали как черти, не смыкая порой сутками глаз. Когда же усталость буквально валила с ног, командир заставлял немедленно выходить из кабин и делать зарядку. Здорово это помогало восстанавливать силы. Уважали и любили мы майора Селютина...

Абдушукур, позабыв обо всем, внимательно слушал друга, боясь пропустить из его рассказа хотя бы слово. Он придвинулся к Самандару, обнял его за плечи.

— Что было потом, Саман? Как все же случилось это? — Он кивнул на его ноги.

Самандар же, дойдя до главного, тяжело вздохнул. В его памяти оживали самые страшные воспоминания.

— Знаешь, дорогой Абдушукур, как говорят в народе? «Соринка всегда попадает в ухоженный глаз». В один из тех дней наша автоколонна везла артиллеристам снаряды. Уже несколько километров оставалось до батарей. И вдруг большая группа фашистских самолетов атаковала дорогу. Как и было заранее предусмотрено нашим командиром, мы повернули свои машины в разные стороны от дороги, пытались спрятать их под прикрытием деревьев. Весна вокруг уже бушевала вовсю, и зазеленевшие деревья могли бы стать надежной маскировкой. Водители первых машин, успев рассредоточиться, попрыгали в кювет и залегли. А я вел свой грузовик в конце колонны и этого сделать не успел. Рядом разорвалась бомба. Отбросило меня далеко в сторону, перед глазами вспыхнуло ослепительное пламя. Хорошо еще снаряды каким-то чудом не сдетонировали. Когда на мгновение пришел в себя, понял, что покачиваюсь на носилках. А дальше наступила темнота и пустота. И надолго. — Самандар исподлобья взглянул на Абдушукура, негромко прибавил: — Вот такие дела, приятель. Дважды я выбирался из госпиталя довольно-таки быстро. А на этот раз застрял больше чем на полгода. Потом меня отправили долечиваться в санаторий. Но что эти два месяца могли дать? — Самандар с отчаянием посмотрел на свои костыли.

— Оставь, Саман. Важно, чтобы душа была здорова.

мой друг. Тогда можно и гору стереть в порошок. Вот если ноги и руки целы, да душа искалечена, вот тогда горе тебе, человек! — Темные глаза Абдушукура сузились, под ними сбежались озорные морщинки, не способные состарить его лицо. Самандара тронула его искренность. Ему было приятно сейчас, в эти горькие минуты возвращения в опустевшее родное гнездо, чувствовать на плече сильную руку друга, слышать его ободряющий голос.

— Ты все такой же философ, Абдушукур, за словом в карман не лезешь. На все у тебя готов ответ, и всегда добрый.

Абдушукур заразительно расхохотался и продекларировал:

— «Вода в кувшине, а мы жаждем. Милая дома, а мы блуждаем по миру».

— Что ты хочешь этим сказать?

— Прежде всего не я, а поэт. А смысл таков: если слова есть у нас самих, стоит ли их занимать у других? Ты вернулся в родной Дилькушо, обрадовал друга. Главное, что ты жив. Теперь вместе мы непременно что-нибудь придумаем, Саман. Что скажешь?

— Скажу, что рад тебе от всего сердца. Всего час сидишь у меня дома, а эти стены уже не кажутся мне такими мрачными и молчаливыми, как в тот час, когда я перешагнул порог.

Самандар вздохнул и, желая перевести разговор на другую тему, спросил:

— Скажи, дорогой, где работаешь?

— Диспетчером на пятой автобазе. А ты что собираешься теперь делать?

— Пока ничего.

— Понимаю, хочешь немного отдохнуть. Ну, а потом?

— Потом хочу сесть за руль машины.

— Ты? — удивленно переспросил Абдушукур. — Но ведь у тебя... — прикусил язык. Самандар насмешливо косил на друга глаза:

— Хочешь напомнить, что я безногий.

— Да нет, — смешался Абдушукур. — Просто хотел сказать, что ты устал и сразу тебе будет тяжело...

Самандар погрозил ему пальцем.

— Я и сам знаю, что будет нелегко, но ведь ты, ка-

жется, только что заявил, что если душа здоровая, то горю можно стереть в порошок.

— Заявил.

— А теперь не веришь, что я снова смогу стать водителем.

— Почему не верю? Совсем наоборот...

Самандар поднялся и, опираясь на костыли, сделал несколько шагов.

— Если у человека нет главной цели в жизни и он не умеет бороться за ее достижение, человек ничего не стоит. А если цель ясна и ты к ней стремишься, то обязательно достигнешь того, чего добиваешься. Человек, живущий без цели, похож на заблудившегося в пустыне странника. Кому от этого польза?

— Верно говоришь, — оживился Абдушукур. — Такие люди и сами не живут, и другим жить мешают.

— У них одно на уме, — задумчиво прибавил Самандар, — лишь бы как-нибудь провести день. Ты знаешь, Абдушукур, по-моему отдельные люди хорошо усвоили свои права, но забыли о долге перед другими, перед землей, их взрастившей.

Абдушукур утвердительно кивнул головой.

— Да, Саман, верно ты говоришь. Такие забывают, что кроме них существует еще и общество и что служение этому обществу — наш священный долг.

Долго говорили друзья. Говорили и не могли наговориться. Вот и снова опустился вечер, второй вечер в родном Дилькушо. Наконец Самандар хлопнул товарища легонько по плечу, показал глазами на постель:

— Давай-ка ложиться спать. Ты, надеюсь, у меня сегодня останешься. Все-таки какая радость — наша встреча. Не хочу тебя отпускать.

— Ладно, — кивнул товарищ. — Разве сегодня оставишь тебя одного? До утра не наговоримся.

— Спасибо, друг, — растрогался Самандар, — ложись вот сюда, — и вдруг уронил подушку: он увидел, как веселый Абдушукур снимает с правой ноги протез.

— Добрый мой товарищ... У тебя, оказывается, еще и ноги нет.

— Как видишь.

— И ты ходишь без палки?

— Да, Самандар.

— Как же ты достиг такого?

— Благодаря ежедневным упражнениям.— Заметив, что Самандар опечаленно на него глядит, Абдушукур ласково прибавил:

— Не огорчайся, дружище, ты тоже будешь бегать. Я научу.

Но Самандар отрицательно покачал головой, вспомнив о том, как упал в саду, сделав только два шага без костылей.

— Нет, у меня так не получится.

— Получится,— резко ответил товарищ,— ты же сейчас сам говорил о своей мечте. А разве можно стать шофером, не научившись ходить без костылей? Ты разве хуже меня?

Самандар смущенно покраснел. И тогда, поудобнее укладываясь рядом с другом, Абдушукур стал рассказывать.

— У меня, Саман, тоже были тяжелые времена. Лишившись руки и ноги, я долго думал — возвращаться домой или нет. А потом твердо решил: нет. Научусь сначала ходить без костыля. Научусь еще здесь, в госпитале.

Госпиталь находился в Москве. Утром ходил я в лес, чтобы никто не был свидетелем моих неудач. Сколько раз падал, натирал протезом ногу до крови. Поднимался, скрипя зубами. Но ни разу не опускал рук, не поддавался малодушию. Помню, после одной из таких тренировок, вконец обессиленный, я очень рано лег спать. Вдруг в палату вошел профессор, откинул одеяло, посмотрел на мою ногу и спрашивает медсестру, отчего нога вся в крови. «Он учится ходить без палки»,— тихо ответила медсестра. Посмотрел профессор мне в лицо и коротко сказал: «Такой научится».

Когда выписался из госпиталя, тренировался ходить с грузом, а затем устроился грузчиком. Было тяжело, но я терпел, потому что видел — все получается. А однажды возвращаюсь с работы в свою комнату, а там жена и отец меня ждут. Кто-то сообщил родным, что я стыжусь показываться им на глаза инвалидом. Наверное, профессор и сообщил... Увезли меня в Дилькушо, к жизни вернули. А теперь! Пусть только попробует кто-нибудь назвать меня неполноценным.

Самандар ловил каждое слово друга. Он с уважением и гордостью думал о нем.

— Ты заснул, Саман?— спросил неожиданно тот.

— О нет, Абдушукур, я думаю о твоей необыкновенной силе воли.

— Что же здесь особенного... Просто я боролся, чтобы не потерять свое место в жизни, и только.

— Я тоже поступлю так, Абдушукур,— торжественно, как клятву, произнес Самандар.— Ты еще увидишь меня за рулем.

Перед ним вдруг всплыло и погасло задумчивое лицо Зумрад, и Самандар подумал: «Не спеши считать меня безнадежным калекой. Тот, от которого ты отвернулась, еще покажет, на что он способен».

— Пусть так и будет, Саман!— одобрительно воскликнул Абдушукур.

— Обязательно будет,— последовал ответ.

В комнате наступила тишина. За окном луна разливала свой призрачный свет. Полосы этого света лежали на широком ситцевом одеяле с красными цветами, которым укрылись бывшие солдаты. Крепкий сон быстро сковал их. Когда Самандар проснулся, Абдушукура уже рядом не было.

Самандар с детства любил утро, восход солнца. Часто на рассвете он выходил в сад и, очарованный, следил за тем, как солнце меняет свои краски: сначала полыхает розовым цветом, затем горит красным, всплывая над землей. Он всем сердцем чувствовал в такие минуты, что новый день несет ему радость и счастье. Но сегодня Самандар поднялся вялый и печальный. Слишком много горя свалилось сразу на его плечи. Он стремился мысленно примириться с тем, что разлучился навсегда с любимой Зумрад. Вспомнил погибшего отца, такого доброго и заботливого, думал о матери, которая гладила по утрам его волосы нежными своими руками, и это вливалось в него новые силы. Ох, как хотел бы он услышать сейчас их голоса! Но с войны вернулся он один, да и то неполноценным человеком.

Опираясь на костыли, Самандар тихонько вышел в прихожую. И вновь тоска царапнула его по сердцу, когда увидел, что и здесь все предметы остались на тех самых местах, на каких были перед его отъездом на фронт. Рядом с тазиком для умывания лежали туалетное мыло, зубная щетка и ножницы. Все почернело, покрылось пылью. В углу на сундуке сложена постель,

которую расстилала мать для самых дорогих гостей. Фиолетовое бархатное покрывало выцвело. Приблизившись к сундуку, Самандар старательно сбил с бархата пыль, провел по лицу мягким уголком покрывала. Потом он осторожно отворил дверь во двор. Воздух был прозрачным и чуть синеватым от холода. Абдушукур, голый по пояс, умывался снегом. Блеснув зубами, весело приветствовал друга:

— Проснулся, соня. Становись рядом.

— Сейчас,— с готовностью ответил Самандар, сбросил ремень, снял солдатскую гимнастерку и быстро стал натирать упругое тело снегом. Кожа мгновенно сделалась красной, он почувствовал облегчение, плохое настроение как рукой сняло. Пройдя через калитку в сад, Самандар долго смотрел на укутанные снегом горные вершины, полной грудью вдохнул ветерок, веявший с гор. От лучей поднимавшегося солнца все вокруг озарилось розовым светом. Когда он вернулся во двор, услышал, что в голубую калитку с улицы кто-то стучит.

— Кто меня тревожит в такую рань?— откликнулся Самандар в полной уверенности, что это кто-либо из соседей. И вдруг услышал голос, который он помнил все четыре года жестокой войны. Голос звонкий и нежный в одно и то же время.

— Самандар-ака, это я!

У солдата заколотилось сердце. «Зачем она пришла? Смягчить вчерашнее! Утешить калеку?» Даже дыхание замерло от волнения. А с улицы снова прозвучал тот же незабываемый голос, в нем уже слышались нетерпеливые нотки:

— Самандар-ака, да откройте же, это я, Зумрад!

Пальцы не слушались его, когда сбрасывал он щеколду. Едва послышался скрип открываемой калитки, в глазах потемнело. Зумрад в той же шубке с белым воротником, в которой была вчера вечером, бросилась к нему на шею и зарыдала. Он увидел ее лицо при ярком солнечном свете и замер потрясенный. До чего же она похорошела! Но обида снова поднялась в его душе, и Самандар решительно отвел от себя руки девушки.

— Оставьте, Зумрад,— сбивчиво заговорил он,— не надо мучить ни себя, ни меня. Вы правильно поступили... А мне не надо от вас милосердия. Не мучайте.

Зумрад, ничего не понимая, приблизилась к нему.

— О чем вы говорите, Самандар-ака, ведь это я, Зумрад. Неужели забыли за пять лет разлуки?— Голос ее дрогнул, и она стыдливо закрыла ладонями лицо. И этот дрогнувший голос только ожесточил Самандара, а слова о годах разлуки показались издевкой. Солдат горестно покачал головой и в холодной насмешке скривил губы:

— Зумрадхон, не обвиняйте меня в несуществующей забывчивости, не заставляйте страдать и без того исстрадавшееся сердце. Зачем вы меня мучаете, зная о моем положении.

— О чем вы?— недоуменно вскинула брови девушка, но Самандар холодно ее остановил, будто отделил от себя незримой чертой:

— Зумрад, прошу вас, оставьте меня в покое.

Глаза Зумрад мгновенно наполнились обидой.

— Я летела к вам, как на крыльях... А еще уверяли, что будете преданы своей любви. Я поверила тогда вам, каждому слову поверила. И все это время думала о вас. Жестоко же вы надо мной посмеялись.

— Я над вами посмеялся? Нет, дорогая Зумрад. Вы не имеете права говорить такие слова. Если бы вы знали, сколько я выстрадал в разлуке, вспоминая все. Но... зачем вам губить свою молодость, Зумрадхон? Я же безногий. Понимаете, безногий!— почти выкрикнул он.

Девушка резко отступила назад, черные глаза полыхнули огнем.

— Как вам не стыдно, Самандар-ака! Разве это препятствие для настоящей любви? Для честных людей, верящих друг другу?

Он вдруг вспомнил вчерашний вечер, торопливо шагавшего рядом с Зумрад парня, их оживленный разговор. «Зачем она лукавит?» — подумал он раздраженно.

— Не надо,— прямо посмотрел Самандар ей в глаза.— Вы должны меня забыть. Забыть, и точка. Такой я вам ни к чему.— Проговорив это, он, не оглядываясь, пошел в дом. А она осталась стоять у калитки, отвергнутая, смертельно обиженная, с трудом сдерживающая подступающие рыдания. Солдат, как только вошел в комнату, так и повалился на кровать, лежал, сомкнув тяжелые веки, чтобы не расплакаться у Абдушукура на глазах.

Сейчас про себя он произносил совсем не те сухие и черствые слова, которые услышала от него Зумрад.

Самыми ласковыми и нежными, какие лишь могло в себя вместить исстрадавшееся солдатское сердце, были эти слова. Он готов был бежать за девушкой, вернуть ее назад. Но снова, как иглой, пронзила его сознание мысль: «Калека!» И сердце сжалось от жестокой боли.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Автобаза, где работал Абдушукур, находилась на самой окраине Дилькушо, за железной дорогой. Гаражи и управленческий домик окружал красный кирпичный забор. У больших железных ворот снег был исполосован следами машин. Рядом с воротами небольшой флигелек — бюро пропусков и проходная. В проходной дежурит веселый и добродушный Мирзо-бобо. Подойдя к калитке, вы, прежде чем попасть на территорию автобазы, встретитесь с ним. Этот прямой белобородый старик обязательно предложит вам пиалу крепкого зеленого чая. Если вы не в духе, он постарается поднять ваше настроение веселыми прибаутками, а затем, пожелав успеха в работе, поднимет руки к лицу для краткой молитвы и пропустит вас внутрь. Что поделаешь, в Дилькушо многие аксакалы еще обращаются за помощью к аллаху, в существование которого сами давно уже не верят. Понять умом легко, а вот искоренить привычку куда труднее!

В дни, когда дежурил Мирзо-бобо, флигелек не пустовал. Те шоферы, у кого выдавалось хотя бы пять-десять минут свободного времени, приходили сюда послушать затейливые рассказы старика, попить горячего чаю. Не успев переступить порог проходной, Абдушукур окликнул:

— Мирзо-бобо, вы здесь?

— Разумеется, мой милый. Добро пожаловать.

— Ассалам алейкум, бобо!

— Алейкум ассалам, сынок, с добрым утром, все ли в порядке?

Как и всегда после приветствия, старик протянул юноше пиалу крепкого чая. Отхлебнув несколько глотков, Абдушукур бросил на старика вопросительный взгляд:

— Тура Салимович у себя?

Мирзо-бобо утвердительно кивнул седой головой:

— Где ж ему быть-то с утра? Шумит!

Абдушукур понял смысл этого восклицания. В тот день, когда у директора автобазы было плохое настроение, он всегда раздражался по каждому поводу и повышал на подчиненных голос.

— А что за причина?— усмехнулся Абдушукур.— Небось опять его сынок Мартык что-нибудь натворил?

Старик в ответ только пожал плечами. Абдушукур колебался: зайти сейчас к начальнику или нет. Он знал по опыту — когда у директора плохое настроение, серьезного вопроса с ним не решить. Однако его колебания были короткими. «Не съест,— решил он.— А тянуть с этим делом нельзя». Кивнув деду, он прошел на территорию автобазы. Под длинным навесом рядами стояли автомашины. Гаражей на всех не хватало. На снегу валялись гаечные ключи, заржавленные железные прутья, старые пружины от сидений. Один из шоферов расхаживал рядом с навесом и ворчал:

— Ну и автобаза, скажу я вам. Наверное, когда бог создавал на земле порядок, он ее обошел своим вниманием.

Усмехнувшись этим словам, Абдушукур повернул к управленческому домику. По приказу начальника к его кабинету недавно с солнечной стороны были пристроены коридор и две комнаты. Эта пристройка была названа Турой Салимовичем «первым шагом по благоустройству автобазы». Теперь к начальнику невозможно было пройти, не заручившись благословением секретарши. И еще ввел он одну особенность в обращении с подчиненными.

— Я вам «не товарищ директор», а Тура Салимович,— строго поправил он однажды обратившегося к нему шофера. Поправил своим тоненьким голоском, так не идущим к его тучной фигуре, солиднее которой, пожалуй, больше и не было в Дилькушо. Судя по всему, очень переживал директор, что обладает столь тонким голоском, сводящим на нет всю его представительность. Что и говорить, благородная седина и внушительная фигура придавали ему солидность, а вот тонкий голос... Но, что поделаешь, в жизни мы встречаемся и не с такими парадоксами. Много разнообразных историй рассказывалось

о Туре Салимовиче на автобазе. Абдушукур вспомнил одну из них. Осенью прошлого года сын директора Мартык (правда, настоящее имя его было Марат, Мартыком он стал себя называть сам, пытаясь выделиться среди таких же, как он, вертлявых молодых людей) работал кассиром в одной из городских парикмахерских. Рабочий день на автобазе заканчивался. У проходной директор разговаривал с шоферами Туклибаем и Джурой. Вдруг невесть откуда появился Мартык и, ни с кем не здороваясь, обратился к Туре Салимовичу:

— Вай-вай, отец. Я сбился с ног, разыскивая вас. У сына неприятности, а вас не найдешь!

— Ха-ха,— осклабился директор,— какие же неприятности могут быть у моего сына?

— Я пригласил товарища в ресторан, а денег нет,— надул губы Мартык.

— Велика ли беда!— Директор запустил руку в карман.— Держи-ка, сынок.— И протянул ему пять пятирублевков. Но Мартык почесал длинным ногтем за ухом и с презрением уставился на родителя.

— Только и всего!— издевательски воскликнул он.— Нечего сказать, щедрый у меня папочка! Разве с такими деньгами пойдешь в ресторан? Что подумает обо мне друг?

Тура Салимович стыдливо закричал:

— Бери, сынок, не обижай отца. Завтра я тебе дам больше.

— Зачем мне завтра!— взвизгнул Мартык.— Мне сегодня нужно. Если у самого нет, так одолжите у кого-нибудь.

Шоферы разошлись под всякими предлогами, чтобы не быть свидетелями родительского позора.

...Абдушукур вошел в приемную. Секретарши не было за столом. «Э-э, черт с ним,— подумал он,— бог не выдаст — свинья не съест».

Он решительно отворил дверь в кабинет директора. Тура Салимович сидел за своим столом, перебирая какие-то папки с делами. В ответ на приветствие закивал головой:

— Алейкум ассалам! Ну-ка, садись. Что привело так рано сегодня тебя ко мне? Слушаю.

Тура Салимович уставился на неожиданного посетителя блеклыми подозрительными глазами. Хотя Абду-

шукур иного приема и не ожидал, ему все же стало не по себе, и недавняя решительность поколебалась.

— Как бы вам это сказать...

— Давай, не стесняйся, в чем дело?— нетерпеливо заерзал директор.

— Вы как-то говорили, что автобаза испытывает недостаток в хороших водителях...

— Ну, говорил, так что?

— В Дилькушо возвратился мой товарищ. Фронтовик, шофер второго класса. Я пришел попросить вас, если такая возможность есть, устроить его пока в ремонтную мастерскую. А со временем он перешел бы и на водительскую работу.

Начальник удивленно выкатил глаза.

— Ничего не могу понять. Если он шофер второго класса, зачем ему идти в мастерскую? Может быть, он потерял документы? Или автоинспектор ГАИ сделал ему «чик-чик»?— пошевелил директор толстыми пальцами, словно в них были инспекторские щипчики, которыми делают прокол за нарушение правил.— Ты не скрывай. Если парень толковый, мы для него что-нибудь придумаем.

Тура Салимович произнес все это не без ехидства и посмотрел испытующе на посетителя. «Дружка небось хочет устроить,— решил директор про себя,— а у дружка-то, видно, рыльце в пуху». Он встал из-за стола, прошелся по своему просторному кабинету и снова сел, все так же испытующе глядя на Абдушукура. Абдушукур не совсем понял своего начальника, но иронию в директорском голосе уловил.

— Да нет, Тура Салимович,— возразил он,— мой друг парень дисциплинированный. Одно плохо — у него нет ног.

— Ног?!— Тура Салимович подскочил в кресле, будто на него кто-то вылил ведро холодной воды. Затем, опершись кулаками о стол, откинулся на спинку и принялся хохотать:— Ну и насмешил, честное слово, насмешил.

Абдушукур, растерявшись от такой выходки начальника, сначала опешил. Но через мгновение лицо его поблагровело от возмущения, он гневно взглянул на самодовольного начальника.

— Над этим не смеются, товарищ начальник.— Он

намеренно не назвал его по имени-отчеству. Тот умолк, но в его выпуклых глазах все еще светилась усмешка.

— Ладно, изволь. Если ты говоришь серьезно, то и я отвечу серьезно. Неужели ты думаешь, что человек без ног способен водить машину?

— Он солдат, Тура Салимович.

Начальник забарабанил в раздумье пальцами по столу. Он был достаточно хитрым, чтобы сообразить, что это не тот случай, когда можно грубо прервать пустой, по его мнению, разговор.

— Знаешь что?— вкрадчиво начал он.— Если этот парень — твой друг, зачем тебе собственными руками подводить его под неприятности? Ты ведь знаешь, как-то водить тяжелую машину по нашим горным дорогам. А тому, у кого нет ног? Он может погибнуть даже в самом обычном рейсе. Что скажешь на это?

Абдушукур и представить не мог, что директор так искусно увернется от прямого ответа на его вопрос. Парень понял, что и ему надо продолжить разговор тоньше, чем он его начал.

— Вы высказали очень обоснованные опасения, Тура Салимович. Я бы даже сказал мудрые опасения. Но поверьте мне. Мой друг много тренировался, и я уверен, что неприятностей ни вам, ни всему нашему коллективу, которым вы руководите, он не доставит.

Но и эта хитрость не помогла. Директор стал нетерпеливо расхаживать по кабинету. Подойдя к юноше, положил, как будто дружески, руку на плечо, озабоченно вздохнул:

— Ох молодость, молодость. Сколько горячности! А вот логики и здравого смысла и не хватает вам, милый мой Абдушукур. Не хотите вы считаться с тем, какими печальными могут быть последствия. Безногий человек не способен стать шофером.

Абдушукур посмотрел в холодные глаза директора, понял, что говорить дальше бесполезно, и со вздохом покинул кабинет. Тура Салимович насмешливо посмотрел ему вслед. У него всегда, когда удавалось победить в споре своего противника, поднималось настроение. А сегодня это было особенно важно, потому что таких, как Абдушукур, он относил к категории людей назойливых и беспокойных, лишь усложняющих жизнь. Раздумывая над этим, он несколько раз нажал кнопку звонка, совсем

позабыв, что секретарши в приемной нет. В это время в кабинет вошел его любимчик Тукли. Сидя в приемной, он слышал весь разговор и поспешил показать директору свою преданность.

— Здорово вы задали ему перцу. Отчитали тонко и мудро. Просто удивляешься таким, как он. Мало, что сам шумит, так еще и других вокруг себя собирает, неблагодарный. Если говорить правду, хозяин, — Тукли нагнулся к столу и, будто собираясь выдать большую тайну, торопливо продолжал: — Этот парень никогда не будет придерживаться вашего курса. Да, да. Как-то на днях был я немного навеселе, захотел выехать на машине, а он меня остановил и спрашивает: «Куда?» Я попробовал объяснить, что еду по вашему указанию, но он и слушать не стал. Весь побледнел, открыл дверцу кабины, кричит: «А ну, выходите! От вас спиртным попахивает. Немедленно сдайте путевку, мне в данном случае директор не указ». Попробуй я возразить, он бы за горло меня р-раз, и все. Вы ему тогда дали нагоняй за самоуправство, да впрок не пошло.

— Почему так думаешь? — прищурился директор.

Тукли еще ниже склонил голову.

— А потому, что выходит он сейчас из вашего кабинета злой, как черт, а я ему тихонько на ухо: «Ай, моська, знать она сильна, козь лаёт на слона!» А он мне знаете что в ответ? «Подожди, — говорит, — придет время, мы из этого слона котенка сделаем». Выгнали бы вы его с треском, хозяин, да и точка на том.

Тура Салимович тяжело вздохнул.

— Торопиться все, Тукли, — сказал он с осуждением. — Ну сколько раз тебе можно объяснять, что в делах надо быть предусмотрительней. Абдушукур инвалид Великой Отечественной войны, орденоносец. Его просто так, голыми руками, не возьмешь. Надо осторожнее быть с ним.

Тукли понял, что этот его ход не увенчался успехом, но он тоже был достаточно коварным шахматистом и тут же попытался поставить своему начальнику шах.

— Хочу предупредить, — проговорил он тихо и для пущей важности оглянулся по сторонам.

— О чем? — мрачно выдавил директор.

— Он не просто вас не любит. Он жаловаться на вас собирается.

— Что? Жаловаться?!— вскричал директор, задетый за живое. Эти слова подействовали, точно керосин, подлитый в огонь. Грузная фигура начальника нависла над столом.— Повтори, что ты сказал.

— Я правду сказал... Так многие у нас на базе утверждают.

— Я покажу ему, как жаловаться!— взвизгнул директор.— Ишь ты, герой. Жаловаться на человека, поставленного на этот пост государством. Нет, я не оставлю такую угрозу без внимания. Мы еще посмотрим. Надо что-то придумать, Тукли.

Тукли подобострастно захихикал и развел одобрительно руками:

— Вот теперь-то я слышу речь аксакала, а не юнца, хозяина. Не забывайте, что я ваш самый бескорыстный друг. Да мы так повернем дело, что все будет шито-крыто, и этот строптивый молокосос получит по заслугам.

— Вот это уже умный разговор, Тукли,— одобрил директор.— Подножку противнику надо ставить незаметно, как говорится, чисто. В этом и заключается достоинство всякого дипломата. Улавливаешь?

Тукли, убедившись, что директор смягчился и сейчас полностью на его стороне, сказал:

— Еще бы, Тура Салимович. Я вас всегда с полуслова пойму, только намекните.— Приложив к сердцу ладонь, Тукли почтительно поклонился директору и неслышными шагами направился к выходу.

— Будь осторожен, Тукли,— раздался вслед ему сдавленный голос директора.

Берясь за дверную ручку, Тукли негромко ответил:

— Будьте спокойны. Вы у власти, значит, я как у бога за пазухой.

Пока его шаги не стихли в коридоре, Тура Салимович, буквально не дыша, прислушивался к ним. «Скользкий человек,— думал он с тревогой.— Но что поделаешь, если в некоторых случаях без таких не обойдешься».

А Тукли сразу же перешел к активным действиям. Выйдя из директорских апартаментов, он направился прямо в диспетчерскую. Тукли был тощ и высок ростом. Его смуглое лицо от частого пьянства стало морщинистым, веки опухли. Его все узнавали издали по разболтанной походке и угодливо гнущейся фигуре. В общении

с. сослуживцами он изо всех сил старался выдавать себя за человека бескорыстного и веселого. Но в маленьких прищуренных глазках его всегда тлел затаенный коварный огонек. Он вечно норовил кого-то с кем-то поссорить, а когда его выводили на чистую воду, деланно удивлялся и отделялся легким смешком.

Издали увидев Тукли, Абдушукур брезгливо поморщился и встал. Хотел было уйти, но Тукли знаком остановил его. Обнажая в улыбке желтые зубы, льстиво проговорил:

— Дорогой Абдушукур, здравствуйте!

— Будьте здоровы,— холодно ответил Абдушукур и принялся перебирать бумаги, которыми был завален диспетчерский столик. Но Тукли и не думал, оказывается, прекращать разговор.

— Я знаю о вашем разговоре с директором,— прямо-таки с дружеским откровением, понизив голос, продолжал Тукли.— Скажите на милость, сам ведь он говорил, если будут хорошие шоферы, сообщайте, а теперь ушел, как заяц в кусты.

Не отрываясь от бумаг, Абдушукур недоверчиво пожал плечами. Но Тукли, не обращая внимания на холодный прием, горячо развивал свою мысль:

— Ну и дал же я ему сейчас жару. Прямо в лицо сказал: вы не хозяин своему слову, вы не прислушиваетесь к совету нашего лучшего работника, бывшего фронтовика. Поверите ли, он от злости почернел, точно старый пень. Я знаю, как с ним надо обращаться!— разошелся Тукли и поднял вверх указательный палец.— Как-то на днях он на меня с бранью напустился. А я бросил ключ к его ногам. «Если не угоден, могу уйти». Тогда он сразу шелковым стал: «Туклибай, что с тобой, я пошутил». «Шутки шутками, а меру надо знать, начальник»,— отрезал я ему.— Тукли искоса поглядел на Абдушукура, прежде чем переходить к основной теме своего разговора.

— Чего доброго, и вас он начнет после сегодняшнего разговора обижать. Неужто хотите этого дожидаться? Я бы, на вашем месте, пожаловался.

— Я не привык жаловаться, Тукли-ака,— вскинул голову Абдушукур,— пусть он у собственной совести спросит, прав был или нет.

— О-о, вы слишком высоко его цените. Он не из тех.

Если бы совесть у него была в порядке, не стал бы он обижать инвалида Великой Отечественной войны. Мне-то что, братишка Абдушукур... Как говорится, моя хата с краю, но все же добрый совет я вам дать готов. Если не жаловаться, то хотя бы парторгу доложили. Нельзя же оставлять без последствий такое бюрократическое отношение. Вот будет собрание, вы и выступите. Ну-ка, возьмите путевку, распишитесь. Я поехал. Счастливо оставаться, дружок.

Абдушукур сердито посмотрел на заболтавшегося Тукли и, чтобы поскорее от него отвязаться, подписал ему путевой лист.

Весь этот день мучили Абдушукура неприятные мысли. Он ни с кем не хотел говорить, а тем, кто обращался к нему за делом, отвечал коротко и односложно и сразу же возвращался к своим раздумьям. Надо сказать, что был Абдушукур не только беспокойным, но и настойчивым, и если какое-то дело ему не удавалось, он не успокаивался до тех пор, пока не доводил его до конца. Разговор с директором мучил его всю неделю, вплоть до той пятницы, в которую он встретился с Зумрад. А эта встреча поставила перед ним еще одну новую проблему.

Вечером после работы, идя к базару, он вдруг услышал за своей спиной звонкий голос:

— Абдушукур-ака! Ассалам алейкум!

Он обернулся и увидел грустно улыбающуюся девушку.

— А, это вы, Зумрадхон!

Зумрад торопливо сунула руку во внутренний карман шубки и, достав оттуда синий конверт, протянула ему.

— Если не трудно, передайте это Самандару,— попросила она смущенно.

— Разве что-нибудь случилось?— поинтересовался он.

Девушка внезапно отвела лицо, кончиком платка смахнула наворачнувшиеся слезы. Потом, взяв себя в руки, рассказала Абдушукуру о своей встрече с Самандаром.

— Да...— протянул Абдушукур.— Вот, оказывается, что у вас был за разговор.— Он положил письмо к себе в карман и, желая успокоить девушку, пообещал:

— Не беспокойтесь, Зумрадхон, я с ним по-свойски поговорю. Как солдат с солдатом.

Девушка благодарно кивнула головой.

...Переделав после работы много домашних дел, поздним вечером Абдушукур вышел на улицу. Погода начинала портиться. Так уж бывает в горных районах. В одно мгновение чистое небо заволокут черные тучи, ветер, поднявшийся на востоке, принесет с собою обильный снегопад, а то и проливной дождь. Абдушукур участил шаги. Самандар приветливо встретил друга, помог ему сбросить промокшее пальто, усадил на курпачу. За пиалой крепкого чая Абдушукур как бы невзначай поинтересовался:

— Зумрад к тебе еще не приходила?

Самандар подозрительно покосился на друга, но, не сумев ничего прочесть на его лице, нехотя ответил:

— Приходила.

— Поговорили?

— Поговорили.

— И что же ты ей сказал?

— Ничего особенного, — пожал плечами Самандар, чувствуя, что за словами друга что-то кроется. — Просто так разговорились.

Абдушукур отхлебнул чаю и решительно оставил расписную пиалу.

— Просто так, говоришь? Так почему же Зумрад ходит с заплаканными глазами?

Самандар не ожидал такого оборота и смущенно опустил глаза. Долго молчал, вспоминая подробности той горестной, первой после его возвращения с войны, встречи с Зумрад. Кровь ударила ему в голову. Он хотел вначале выложить другу, но, подумав, сдержал себя. Не поднимая глаз, выдавил:

— Ты знаешь, если говорить честно, я не пара ей, Абдушукур.

— Почему?

— Да какое я, калека, имею право губить жизнь красивой девушки!

— Ах, какая чувствительность и какое благородство! — усмехнулся Абдушукур.

— Тебе легко смеяться, друг, мне труднее. То, что я калека — это одно. Но есть и еще одно обстоятельство...

— Какое? — насторожился Абдушукур.

Друг его опустил беспомощно плечи.

— Лучше бы ты допрашивал не меня, а ее.

Абдушукур широко раскрыл глаза.

— А что такое она сделала?

— Не сыпь соль на мою рану, спроси лучше у нее.

— Зачем же у нее, если она далеко, а ты рядом?— недовольно заметил Абдушукур. Самандар махнул невестело рукой, и жест этот, очевидно, означал — ладно, слушай.

— Ты со мной говоришь, как прокурор.

— Не как прокурор, а как солдат с солдатом,— строго поправил Абдушукур.

— Ну так слушай. В первый день своего приезда я видел ее с каким-то парнем.

— А Зумрад заметила тебя?

— Зумрад уставилась на мои костыли, а потом бросилась прочь.

— Ты уверен, что она узнала тебя?— с сомнением покачал головой Абдушукур.

— Был поздний вечер,— пробормотал Самандар.— Но как она могла не узнать...

— Конечно, как бы это она посмела не узнать... это же ты,— иронически произнес Абдушукур. Самандар, уловив насмешку, вспыхнул. А друг продолжал:— я попросту удивляюсь, как это человек, прошедший такую жизненную школу, не подумал о том, что девушка, не выдавшая парня пять лет, могла и не узнать его. Особенно, если учесть, что за эти годы ты здорово изменился.

После этих отрезвляющих слов Самандар было задумался, но потом снова зрямямился:

— Да, но ведь она была не одна.

— Дурак,— без всякой злости сказал Абдушукур.— А если тот парень всего-навсего провожал ее в поздний час. В чем же Зумрад виновата? Или она должна носить паранджу и не разговаривать с мужчинами?— Проговорив это, Абдушукур на мгновение задумался.— Постой, постой, а что за парень? Как он выглядит? Худощавый с красивыми бархатными бровями и маленьким шрамом над правым глазом?

— Какое мне дело — красивый он или некрасивый!— вспылил Самандар.— Можно подумать, только тем я и занимался, что разглядывал в темноте его красоту. В общем-то он худой, высокий.

— Ах, вот как,— рассмеялся Абдушукур,— да это, по всей видимости, Марат.

— Что еще за Марат?

— Сын директора нашей автобазы,— облегченно вздохнул Абдушукур,— ну, этого на дуэль вызывать не придется. Так... шалопайчик... Он твой ровесник. Разболтанный парнишка без определенных занятий. Девчонкам проходу не дает. Бесстыжий, назойливый. Не знаю, на что он в жизни только надеется? Скорее всего, на карман своего тучного папаша. Я слышал, он в каком-то институте начинал учиться, да за неуспеваемость был отчислен. Благодаря хлопотам отца увильнул от воинской службы. Теперь временами работает, а в основном бездельничает. Знаешь, парня даже иной раз жалко. Выбить бы из него дурь, глядишь, одним человеком стало бы больше.

— Смотри-ка,— недоверчиво усмехнулся Самандар,— всю биографию рассказал. Откуда его так хорошо знаешь?

— Марат с полгода на нашей автобазе работал. Две автомашины за это время угробил. Его из шоферов — долой, а дело замяли.

Самандар задумчиво гладил пальцами расписной бок пиалы.

— Какое дело девушкам до этих его приключений... Важно, что он красивый. А любовь, она часто слепая.

— Да, красивый,— подтвердил Абдушукур. — Но Зумрад серьезная. Разве она могла бы полюбить бездельника? Многим парням она дала от ворот поворот, видно по всему, тебя ждала. Закончила вуз. Сейчас в школе преподает литературу. Да что я тебе все это говорю, ты ведь уже принял решение.— Последние слова Абдушукур произнес со злостью.

Самандар низко опустил голову.

— Я, конечно, виноват...

— Перестань,— оборвал его Абдушукур,— шубы из твоих оправданий не сошьешь. Ты давай не оправдывайся, а прочти лучше вот это письмо.

Самандар схватил синий конверт и вышел в прихожую. Прислонившись к холодной стене, жадно читал строки, написанные ее рукой.

«Уважаемый Самандар-ака!

Хоть Вы отказались меня выслушать, но по велению сердца и требованию совести я обращаюсь к Вам еще раз. Любовь, поселившаяся в моем сердце, чиста и бес-

крайна, как небо над Дилькушо. Я никого не любила до Вас и считала свое чувство чистым и вечным, как наши горы. Говорят, что настоящая любовь — это первый листок в тетради человеческой жизни. Как бы там ни было, но это великое и сильное чувство очищает душу. Оно завладело и мной, когда я впервые увидела Вас. Как садовник бережно ухаживает за только что посаженным деревцем, так и я берегла ростки первой любви. Защищала их от ураганов и бурь. А когда сердце болело, сучая по любимому, я желала ему терпения и стойкости. В горестные дни разлуки в думах своих я всегда была вместе с Вами, жила дорогими воспоминаниями о Вас, мечтами о нашем общем будущем. Да, наше с Вами прошлое не богато свиданиями. Но вообразите, что я ваша любимая и что я попала в беду. Как бы Вы поступили тогда? С нетерпением жду Вашего ответа. Зумрад».

Рука Самандара дрожала. Только сейчас он понял, каким искренним был порыв пришедшей к нему Зумрад и как отвратительно он вел себя.

— Что теперь делать? Что теперь делать?— шептали похолодевшие губы.

— Вот так-то лучше,— сказал удовлетворенно Абдушукур, появившийся на пороге.— Я вижу, самокритики ты не лишен.

— Тебе бы все подшучивать.— Самандар бережно свернул письмо.

— Да нет, не шучу я на этот раз. Одно скажу, если твоя любовь настоящая, не становись ее рабом. Иначе она парализует и руки, и ноги, ослепит глаза, затуманит сознание. Если у тебя крепкая воля, не паникуй по пустякам и, главное, не сомневайся в любимой. Вот так-то, солдат.

Самандар признательно посмотрел на него:

— Спасибо, друг. Ты принес мне это письмо и облегчил душу. Помог мне еще выше оценить Зумрад, помог поверить в себя. Я должен исправить совершенную ошибку. И я исправлю ее!— Он отыскал бумагу, карандаш. Присел к столу.

«Дорогая Зумрад!

Послушайте, что отвечу я на Ваш вопрос. Пусть никогда и ни с кем не случится несчастье, какое случилось со мной. Пусть никогда беда не опустится на крышу Вашего дома. Но если бы вдруг Вам стало худо, я бы на

крыльях прилетел к Вам. Я всю бы жизнь лелеял и берег нашу любовь.

С нетерпением ожидающий встречи с Вами Самандар».

Он протянул товарищу конверт.

— Абдушукур, если тебе будет не трудно...

— Передам,— покосился тот на конверт,— но при одном условии.

— Каком же?

— Если скоро будет свадьба. Договорились?

Друзья крепко обнялись, и Абдушукур посмотрел на часы.

— Ого! Я и не заметил, как пробежало время за беседой. Мне пора!

Самандар проводил друга до конца улицы и долго смотрел вслед. Дождь давно утих. Лужи, скованные морозцем, поблескивали корочкой льда. Звездный купол мерцал над головой. Легко дышалось прохладным горным воздухом ободренному Самандару.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В нашем Дилькушо весна бурно заявляет о своем приходе. Ручьи, стремительно сбегаящие с гор, смыкаются в единый широкий поток, и он с грохотом мчится вниз. Долины быстро одеваются в ослепительно-зеленую одежду. Утром встанешь — и не поверишь, что земля, еще вчера грязно-пестрая от проталин и рыхлого снега, неожиданно стала изумрудной, радующей глаз. Ласточки, возвратившиеся с юга, как бы приветствуя вас, то взмывают стаями в поднебесье, то опускаются до самой земли. Журчит вода в арыках, пересекающих город во всех направлениях. В эту пору Дилькушо наводнен не только веселыми горными ручьями, но и звонкими головами. На улицы и площади высыпают ребятишки. Опьяненные весной, они поднимают такой гам, что способны порой привести в содрогание даже горы.

Услышав радостные детские крики, Самандар не мог усидеть спокойно в своем доме. Словно волны, наплывали ликующие голоса и откатывались, затихая. Когда он вышел на улицу, ребятишки были уже далеко. Сожалея,

что не смог поговорить с ними, Самандар собрался снова вернуться во двор, когда на их улице появилась еще одна стайка малышей. Самандар приветственно помахал им. Этого было достаточно. С криком «Ура, Самандар-ака!» они бросились к нему. Солдат поднес к губам два пальца, словно желая сказать: «Тише». Мальчишка, бежавший впереди, перешел на шаг и крикнул товарищам: «Эй, замолчите!» Приблизившись к Самандару, он сказал:

— Самандар-ака, а мы нашли ту железку, о которой вы говорили. Длинная и на концах колеса. Она валялась во-о-он там. Чтобы никто не взял, мы прикрыли ее ветками. Идемте, посмотрите.

— Идемте, идемте,— загалдели остальные, и Самандар псвиновался.

— Ладно,— весело сказал он.— Согласен. Только вы немного подождите, я схожу на минутку к мастеру.

Вот уже три месяца работает он в артели. Быстро овладев сапожным делом, Самандар стал шить простую обувь без подсказки мастера. Заработки были неплохие, и денег хватало не только на каждодневные расходы, но и на то, чтобы откладывать. Самандар мечтал приобрести подержанную машину. Он настойчиво готовил себя к тому, чтобы сесть за баранку. Стал ходить только с одним костылем, перенося основную тяжесть на ноги. Это давалось нелегко. От сильной режущей боли порою темнело в глазах. Тогда он прислонялся к стене и, обессиленный, отдыхал. Но солдатское упорство брало свое. Через пять минут дилькушане снова могли видеть его бредущим с одним костылем. Начал он с тренировок в собственном дворе. Потом стал ходить по родной улице, а когда показалось, что он кое-чего уже достиг, перенес тренировки в более трудные места, к подножию гор. Здесь его обычно обступали ребята, которым до всего было дело. Сначала дети его даже раздражали, потому что буквально следили за каждым шагом. «Ну и неугомонные же»,— думал он про себя. Но однажды солдат поскользнулся и упал. Дети подбежали к нему, распростертому на сырой земле, помогли встать, подали костыль. И тогда у него родилась мысль: а что если с помощью этих самых неугомонных ребятешек ходить вовсе без костылей? Рано утром, до начала рабочего дня, опираясь на плечи мальчишек, он упорно ковылял по изум-

рудной росистой траве, оставляя на ней следы от волочившихся ног.

Дети так привыкли к упражнениям Самандара, что составили расписание, по которому приходили по очереди, как на дежурство. Однажды Самандар прикатил на вытопанную площадку велосипед. Ребята изумленно уставились на солдата.

— Смотрите,— закричал один,— Самандар-ака камни привез!

— Вот это да!— с восторгом воскликнул другой.— Да в каждом из этих камней будет по пуду.

Самандар засмеялся.

— Спасибо, ребята. Вы научили меня ходить без костылей. А теперь я попробую передвигаться, держа в руке один из этих камней.

— А зачем вам второй?— полюбопытствовали мальчишки.

— А вы подумайте.

Парнишка, что стоял ближе всех к Самандару, радостно засверкал глазенками.

— Понял, понял. Вы потом будете с двумя камнями в руках.

— Угадал,— улыбнулся Самандар.— Это мне поможет укрепить икры. Ну-ка, подойдите ближе, мне нужны шестеро из вас.

Ребята, успевшие полюбить этого упрямого солдата, бросились к нему все.

— Да нет, всех мне не надо,— растроганно остановил их Самандар. Он отобрал шестерку самых крепких мальчишек и стал объяснять:— Трое идите слева от меня, вы подхватите камень, если я начну падать. А остальные должны поддержать меня самого. Ясно?

— Ясно, Самандар-ака.

Самандар взял в левую руку камень, чуть покачнулся и сделал несколько пробных шагов. Получилось. Трое ребят, шагая за ним, смотрели на камень, готовые его немедленно подхватить, другие наблюдали за самим солдатом. А те, что ожидали своей очереди, наблюдали за этим шествием издали. Когда Самандар сделал десять-двенадцать шагов, они даже закричали «ура». Но тут случилось непредвиденное. Самандар потерял равновесие, резко наклонился в сторону, так, что ребяташки не успели, и упал лицом вниз. Не на шутку

испугавшись, они окружили своего любимца плотной стайкой. Кто-то принес в тюбетейке воды и стал брызгать ему в лицо.

Поднявшись с земли, Самандар сел на пенек и стал снимать протез. Ребята деликатно столпились в стороне, молча наблюдая за его движениями. Как только солдат снял протез, лица их исказились от ужаса. Тонкая кожа лопнула, из раны сочилась кровь.

— Не пугайтесь, ничего особенного,— успокаивал их Самандар. Он вытащил из кармана пузырек с йодом и, приподняв пострадавшую ногу, привычным движением стал смазывать рану. Завершив эту процедуру, он забинтовал ногу, укрепил протез и смело ступил на землю. У ребят от сострадания и страха снова исказились лица.

— Самандар-ака, не надо,— умоляли они наперебой.— Вы бы немного полежали, пожалуйста, отдохните, милый Самандар-ака.

Но, увидев, что тот стоит совершенно уверенно и даже не морщится от боли, немного успокоились. На бледность и испарину на его лице они, конечно, внимания не обратили. Самандар опять сел на пенек и принялся перебинтовывать вторую ногу. Распахнулись полы шинели, и на тщательно отглаженной гимнастерке ребята увидели сверкающий орден.

— Самандар-ака, а трудно быть бойцом?— спросил один из его помощников.

— Вырастешь, узнаешь,— улыбнулся Самандар.

— Самандар-ака, а за что вы получили орден?— стал настойчиво спрашивать второй.— Вы подвиг, наверное, совершили?

Юноша перестал разматывать бинт и на мгновение застыл.

— Подвиг?— переспросил он.— Не знаю, был ли это подвиг, но товарища я действительно спас, ребята.

— Как же это было, Самандар-ака, расскажите, расскажите!— загалдели все сразу. Самандар задумчиво улыбнулся, и воспоминания тенью легли на его лицо.

— Вы вот часто спрашиваете, что для бойца главное,— заговорил он.— По-моему, главное — это находчивость. Благодаря ей из самого трудного положения выходишь живым. Было это уже за немецким городом

Франкфуртом, ребята. Мы с товарищем приближались к линии фронта. Он ехал впереди, я сзади. У каждого кузов доверху набит ящиками со снарядами. И вот, когда до места назначения осталось меньше десяти километров, на нас «фокке-вульфы» напали. Знаете, что это такое?

— Знаем, знаем!— хором ответили ребята.— Фашистские истребители.

— Вот-вот,— подтвердил Самандар.— Их тоже было два. Я успел свою машину повернуть с дороги и запрягать в густой лес, а товарищ нет. Его обстреляли сразу. Смотрю, остановилась машина, из шоферской кабины никто не выходит, а стервятники разворачиваются для новой атаки. И тогда я, нагнувшись, добежал до кабины, распахнул дверцу. Вижу, друг мой грудью на руль навалился, раненый, значит. Вытащил я его, на спину взвалил и пополз к опушке. Пули над нашими головами — «вжик, вжик». Только отполз с ним метров на триста и в воронку спрятался, как его машина — «бубух!»— и на воздух взлетела. Фашисты в кузов со снарядами попали. Рвались они минут десять... Потом посадил я друга к себе в кабину и до первого госпиталя довез. Жив он сейчас. В Куйбышеве. Федей Опрышко зовут.

Ребята молчали, восторженно глядя на своего старшего друга, а тот снова сосредоточенно бинтовал ногу. Затем надел протез и встал с пенька. Прежде чем расстаться с ребятами, попросил их найти железку.

В этом и была сегодня причина радости его маленьких опекунов. Когда Самандар вернулся от мастера, он весело повторил свой вопрос:

— Где же эта железка?

— Там, у подножия горы, мы ее спрятали в кустах.

Самандар шел чуть сзади, но уже без костылей, уверенно, по-солдатски — размахивая руками, весело подмигивал своим бескорыстным помощникам.

— Вот в том кусте, Самандар-ака,— торжественно сказал веснушчатый крепыш, показывая рукой вправо. Ось от тележки и в самом деле была такой, какую он искал: тяжелая, но удобная.

— Молодцы, ребята, вот это отличный подарок для меня,— похвалил он.

— Мы еще можем такую найти, если надо,— пообещал крепыш.

— Нет, друзья, спасибо,— поблагодарил Самандар, приподнимая железку, чтобы хотя бы примерно определить ее тяжесть.

— Тяжелая, Самандар-ака?

— Да, килограммов семьдесят наберется.

— У-у-у!— загудели одобрительно ребяташки.— А как вы ее будете поднимать, Самандар-ака? Тяжело ведь.

— Буду тренироваться,— пояснил Самандар, снова приподняв брус до уровня колен и опустив на землю.— Сразу не получится, разумеется. Но с вашей помощью и горы сдвинуть можно. Три месяца назад я и с костылями еле ходил. А вы помогли, и, видите, что вышло!

— Мы тоже станем сильными, если будем упражняться так же упорно, как вы,— сказал один из ребят, постарше, с восхищением глядя на него.

— Даже еще сильнее,— уверенно подтвердил Самандар и поинтересовался:— А вы знакомы с тяжелой атлетикой?

— А то как же,— ответил за всех веснушчатый крепыш, которого звали Аликом.

— Он спортивную секцию в школе посещает,— сказал не без зависти другой мальчишка.

— Ну, тогда остальные ребята будут заниматься со мной. За то, что вы помогли мне заново научиться ходить, научу всех вас поднимать штангу. В военной школе я очень увлекался этим видом спорта. Пока что спрячьте железку. С завтрашнего дня будем приходить сюда ежедневно. А теперь — марш готовить уроки.

...В сапожной артели Самандар проработал еще два месяца. В свободное время упражнялся с той самой железкой, которую отыскивали ребята. Нашли они подходящую «штангу» и для себя. Для мальчишек часы тренировок с солдатом стали самыми увлекательными. На каждом из таких занятий появлялись все новые и новые ватаги школьников, и вскоре почти все ребята Дилькушо знали Самандара-ака, своего надежного друга и советчика. Каждый из них мечтал вырасти таким же смелым и твердым, как этот солдат.

За два месяца тренировок Самандар научился свободно поднимать семидесятикилограммовый брус. Он даже рискнул принять участие в местных соревнованиях.

И вот когда твердо уверился, что в состоянии снова сесть за руль, сказал своему старому мастеру:

— Уста, вы меня обучили новому ремеслу, щедро отдали свой опыт. За это вам большое спасибо. Но теперь я окреп и снова научился ходить, как все люди. Хочу вернуться к работе, по которой тоскует мое сердце, снова сесть за руль автомобиля.

Мастер задумался, а Самандар тем временем вынул из кармана заранее подготовленное заявление.

— Видно, тебя не переубедишь,— заметил мастер и наложил резолюцию.— Будь здоров, сынок, пусть тебе повезет и в шоферском деле. А если что не получится, возвращайся обратно, у нас ты всегда найдешь работу.

Облегченно вздохнув, Самандар вышел на улицу. Он уже выработал план действий. Первым делом направился в городской комитет партии. Три месяца назад он здесь уже побывал у заведующего отделом Тухтаева, поделился своими мечтами, рассказал о том, как собирается тренироваться, просил совета.

— Можно?— спросил он, открывая дверь.

Тухтаев сразу же узнал посетителя и обрадованно поднялся навстречу.

— А, это ты, солдат! Ну, заходи, заходи! О, что я вижу! Да ты пришел без костылей. Поздравляю с успехом, дорогой.— Тухтаев подошел к Самандару и одобрительно потряс его за плечи.— Ого! Да и мускулы стали потверже.

Выслушав внимательно Самандара, Тухтаев пригладил густые каштановые волосы, вырвал из блокнота листок, быстро написал на нем несколько строк.

— Вот эту бумажку,— сказал он,— передашь Туре Салимовичу. Думаю, все будет в порядке.

— Спасибо, не знаю, как вас и благодарить,— начал было Самандар, но заведующий отделом неожиданно положил записку обратно на стол.

— Да, совершенно забыл. А как отнеслись врачи к твоему желанию стать водителем?

Рука Самандара так и повисла в воздухе. Запинаясь, он признался:

— Говорили, чтобы через два месяца пришел, а там подумают.

— И ты был?

— Нет еще, товарищ Тухтаев.

— Это уже хуже,— поднял на посетителя строгие глаза Тухтаев. Но он не любил менять принятого решения и потому сказал:— Ладно, пусть эта записка останется у тебя, но, прежде чем явиться к директору автобазы, сходи к врачам и получи разрешение.

У потерявшего было надежду Самандара радость вспыхнула на лице. Но заведующий отделом опять его остановил. «Сейчас попросит вернуть записку»,— тревожно подумал юноша. Тухтаев понял его состояние и усмехнулся.

— Я уже по другому поводу тебя задержал, товарищ Муслимов. Ты молодой коммунист и должен будешь активно включиться в работу партийной организации автобазы. Понял?

По лицу Самандара пробежала широкая улыбка. Если работник горкома произнес такие слова, значит, он твердо верит, что Самандар будет работать на автобазе.

— Обязательно, товарищ Тухтаев. Все силы отдам.

— Вот это уже хорошие слова,— засмеялся его собеседник.— Ну, всего доброго.

В поликлинике Самандар уверенно открыл дверь с табличкой «Хирург».

— Можно?

— Входите, я вас слушаю,— откликнулся суховато молодой человек в очках, сидевший за столом, покрытым белой клеенкой.

— Вы, кажется, меня не узнали?— тихо спросил Самандар.

— Каждый день десятки посетителей. Разве всех упомнишь?— проворчал молодой врач.

Самандар без обиняков перешел к делу.

— Я шофер. Приходил к вам за разрешением работать по своей специальности.

— Ну и что же?

— Вы тогда сказали, чтобы я потерпел месяца два-три и снова зашел, — продолжал юноша менее уверенно,

— Ах, ваша фамилия Муслимов,— протянул равнодушно врач, сделав вид, что с большим трудом его узнает.— Припоминаю, припоминаю. Но что поделаешь, помочь вашему желанию не в силах.

— Как же так!— воскликнул Самандар.— Я столько времени тренировался, без костылей давным давно обхожусь.

Врач развел руками.

— Я не рискую брать на себя такую ответственность. Вы можете искалечить себя. Что тогда?

— Но ведь я шесть месяцев тренировался!— упрямо повторил Самандар, готовый от злости и отчаяния разрыдаться.

— Все это так,— стоял на своем хирург,— но работа водителя — это не клоунада. Она требует большой физической подготовки, крепких нервов, ног, рук, мускулов. А вы инвалид.

Он помолчал и, видимо, прочитав на лице юноши отчаяние и обиду, нерешительно прибавил:

— Впрочем, единственный совет, который могу дать: идите в областную поликлинику. Если там разрешат...

Из поликлиники в поисках своего друга Абдушукура Самандар направился в сторону автобазы. Дойдя до железнодорожной насыпи, с облегчением увидел, что приятель идет навстречу.

— Вот здорово!— обрадовался Самандар.

Ничего не понимающий Абдушукур уставился на Самандара.

— Что случилось, дружище?

— Да все в порядке, а шел я к тебе с одной просьбой: нужна машина, чтобы доехать до областного центра.

— Так ведь ежедневно по расписанию ходит автобус.

— Нет, мне нужна грузовая.

— Почему именно грузовая?

— Груз у меня.

— Какой еще?

— После узнаешь, не допрашивай.

— Ну парень,— хлопнул его по плечу Абдушукур,— действуй!

Он знал, что в такие минуты друга лучше не расспрашивать. Пока не осуществит задуманное, не скажет.

— Ладно, пойдем. Кажется, Джура-шутник собирался ехать в областной центр.

Когда они приблизились к воротам автобазы, Джура уже выезжал. Сев к нему в кабину, Самандар попросил водителя заехать за железным брусом. Потом машина выехала на широкую асфальтированную дорогу и помчалась, словно ветер. Джура искоса поглядывал на своего неожиданного спутника. Упрямо сжатые губы го-

ворили о решительности этого незнакомого парня, а все его широкое лицо сохраняло веселое и доброе выражение. «Видно, хороший человек»,— решил про себя Джура и коротко окликнул:

— Как зовут-то тебя?

— Самандар.

— А отца как?

— Каландар.

— А деда?— спросил Джура и засмеялся.— Ладно, не отвечай, коли забыл.

Самандар сразу повеселел:

— А вдруг помню?

— Вот как?— не унимался водитель.— Скажи на милость, может ты и прапрадеда помнишь?

— Нет, чего не помню, того не помню,— засмеялся Самандар и подумал: «Ну что за добродушный дядька! Вот бы все были такими!» Он вдруг представил приветливого Тухтаева, его доброжелательную манеру держаться с посетителями, но тут же вспомнил сухое лицо врача и его равнодушные глаза за стеклами очков. «Всеякие бывают люди,— решил про себя Самандар,— важно, чтобы хороших было больше». Тем временем шутник Джура задавал новые вопросы:

— Ты почему молчишь? Если человек, севший в кабину моей машины, молчит как рыба, мне становится прямо-таки тошно. Ну, скажи хоть слово.

— О чем?— вопросительно посмотрел на Джуру Самандар.

— Вот тебе на!— присвистнул тот.— А хоть про ту железку расскажи, что в кузове по твоей милости трясется. Куда ты ее везешь?

— К доктору везу,— улыбнулся юноша.

— Железку-то?— По всему лицу Джуры побежали веселые морщинки.— Заболела, что ли?

— Да.

— И местные доктора не могли ее вылечить?

— Залечить ее хотели, а не вылечить.

— Гм... забавный ты собеседник, одно могу сказать.

Джура нажал на тормоз и, показывая пассажиру на двухэтажное белое здание, сказал:

— Вот то, что ты спрашивал. Ну-ка, забирай теперь свою большую железку.

— Пусть она еще немного полежит в кузове, а я

сейчас вернусь, Джура-ака,— попросил Самандар и направился к белому зданию.

В хирургическом кабинете сидела немолодая женщина в белом халате, в марлевом колпаке. Глаза у нее были добрые и внимательные.

— Проходи, сынок, садись,— мягко сказала она.

Даже растерявшись от такого ласкового и приветливого обращения, Самандар подумал, что эта женщина ничего общего не имеет с давешним молодым человеком. Сев на предложенный стул, он перевел дыхание и все как есть рассказал о себе.

— Да, нелегкая у тебя судьба, сынок,— покачала головой женщина.

Она тщательно осматривала ноги юноши, особенно в тех местах, где крепились протезы. Наконец, глубоко вздохнув, сказала:

— К сожалению, и я не могу тебя обрадовать, сынок.

— И вы...— простонал Самандар. После мучительной паузы он произнес:

— Но ведь я хожу сейчас, как все люди, могу даже таскать груз, штангу поднимаю.— Он умоляюще смотрел на врача.

— Ничего не могу поделывать, сынок,— вновь покачала головой женщина.— Одна я не могу взять на себя такую ответственность. Кроме того, у тебя нет никакого документа, поддерживающего твою просьбу быть шофером.

— А это разве не документ!— вскричал Самандар и стал ощупывать карманы.— Это же ответственный работник горкома партии написал.— Он развернул записку Тухтаева и положил ее перед врачом.

Пробежав глазами записку, женщина еще мягче повторила:

— Вот и здесь тоже написано: «Взять на работу шофером, если позволяет здоровье». А здоровье у тебя как раз....

Самандара вдруг охватила злость.

— Я хочу вернуться к своему любимому делу,— упрямо заговорил он.— Прежде чем прийти к вам, я столько тренировался! Научился ходить даже без палки. Я хорошо подготовился, чтобы снова сесть за руль. Если не верите, посмотрите.— Самандар буквально вылетел на улицу. В раскрытое окно женщина видела, как подбе-

жал он к автомашине, и с любопытством стала наблюдать, что же произойдет дальше. Увидев запыхавшегося Самандара, Джура начал шутить:

— Потихе, сынок, твоя железка жива-здорова.

Не ответив ему, Самандар открыл задний борт кузова.

— Милый Джура-ака, помогите мне ее притащить.

Шофер вначале подумал, что парень шутит, и сердито сказал:

— Ладно, ладно, хватит дурака валять, садись, а то я опаздываю.

— Да нет, я не шучу, Джура-ака,— чуть не расплакался Самандар,— помогите мне, очень прошу.

Джура взялся за один конец железного бруса, и они вместе затащили железку в кабинет хирурга. Брусок с грохотом упал на пол, испугав врача. Но женщина сдержалась и внешне спокойно спросила:

— В чем дело? Для чего это?

Во время всей этой сцены Джура стоял ошеломленный, не зная, оставаться ли ему в кабинете или от греха подальше уйти. Он бросал вопросительные взгляды то на своего пассажира, то на врача.

Несколько минут в кабинете царило молчание. И вдруг Самандар подошел к своей «штанге», крепко взялся за «гриф» обеими руками и медленно, медленно, как настоящий спортсмен, стал поднимать на высоту колен. Затем рванул его до уровня груди, выровнял дыхание и таким же стремительным рывком вскинул над головой. А потом осторожно опустил на пол и посмотрел на врача. Женщина в свою очередь с ужасом смотрела на него.

Тишину нарушил шутник Джура:

— Зачем же ты вез эту железку сюда из Дилькушо? Лучше бы в Дилькушо было привезти врача. Она бы там и убедилась, какой ты силач. А машине было бы легче.

Женщина, не вслушиваясь в болтовню Джуры, медленно приблизилась к Самандару, присев на корточки, как бы не веря сама себе, вновь стала ощупывать ноги пациента. Губы ее что-то беззвучно шептали.

У Самандара было такое чувство, будто он одержал победу над неуверенностью хирурга, развеял все ее сомнения.

— Молодец, сынок!— наконец воскликнула восхи-

щенная женщина и жестом приказала ему сесть напротив. — Это действительно потрясающе. Но одна я не могу решить этот вопрос.

— А кто может?! — настойчиво спросил Самандар.

— Надо собрать консилиум — ну, совет врачей. Но ты не падай духом, сынок. Постараюсь их убедить. Я — за тебя.

— Когда мне прийти за ответом?

— Наведайся дня через два.

Самандар шагнул было к двери, но Джура его остановил:

— Подожди, дружок, а кто заберет железяку?

Самандар, усмехнувшись, взялся за один конец бруса, Джура за второй, и они потащили его к выходу.

И снова надежда захлестнула радостной волной душу юноши. Он даже стал насвистывать какой-то марш, с победным видом поглядывая на примолкшего шофера. За окном мелькали одноэтажные и двухэтажные здания, проносились повозки и велосипедисты, но ничего этого Самандар не замечал. Не заметил и того, как подъехали к Дилькушо. На город опустился вечер. Идти на автобазу было бесполезно. Он подумал и отправился к подножию гор. Горный воздух приятно охлаждал разгоряченную голову. Самандар лег на валун под стволом старой раскидистой арчи и долго любовался вечерним синющим небом.

«Я все равно буду водить машину, — думал он. — Я все равно буду шофером!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Весной сразу несколько бед обрушилось на автобазу. Уже два месяца подряд не выполнялся производственный план. Кроме того, работавшая здесь комиссия обнаружила солидный убыток из-за частого простоя машин. Тура Салимович получил партийное взыскание. Он ходил мрачный, тяжело сопел, дело не дело — распекал подчиненных. Пострадали и главный инженер Гиясов с заведующим гаражом Шер-ака. С них было приказано удержать двухмесячный заработок. Не успело все это позабыться, как обнаружилась недостача запасных ча-

стей. Откуда-то пополз слухок, что мол диспетчер в этом виноват, с него и надо взysкивать.

подавляющее большинство шоферов, однако, запротестовали:

— Ерунда, Абдушукур честный человек. Это кто-то ему ловушку подстроил.

Водители обратились за разъяснениями к инженеру Гнясову и начальнику гаража Шер-ака. Но те ничего вразумительного сказать не могли, и тогда все хлынули к самому директору.

Молоденькая секретарша решительно остановила их на пороге.

— Тура Салимович занят и приказал никого не пускать. Он вообще не очень хорошо себя чувствует и нервничает.

— Смотрите, какая нервная персона,— усмехнулся Джура-шутник.— Ну мы и пришли полечить нашего начальника. Он наклонился к уху секретарши и нежно прошептал:— А теперь бегом к нему, моя хорошая, и скажи, что его хочет видеть рабочий класс, пятнадцать удалых шоферов.

Девушка, вздохнув, направилась к директору, но не успела открыть дверь, как из кабинета, воровато озираясь, вышел Тукли. Увидев целую толпу в приемной, он побледнел, но быстро справился с собой и с наигранной веселостью обратился к шоферам:

— Братцы, что-нибудь случилось?

Никто не проронил ни звука. Тукли не на шутку забеспокоился.

— Директор сегодня действительно сам на себя не похож,— засуетился он,— я вот заявление о помощи пришел к нему подписать, а он только рукой махнул... Если важный вопрос, лучше сегодня не заходите, он только запутает дело.

— Вот-вот,— насмешливо пробасил кто-то. Надоели нам эти путанные дела на нашей автобазе.

— А что?— засуетился Тукли.— Я как-никак тоже шофер, объясните...

— Сам знаешь, Туклибай,— заметил Джура,— дело все то же самое — запасные части. Ты же их с базы и привозил.

— Верно-верно,— подхватил Тукли. Зачем же по этому поводу беспокоить Туру Салимовича? Ведь у ме-

ня есть расписка Абдушукура, что он принял эти запчасти от меня. Тут все ясно.

— Где расписка?— уставился на него Джура.

— Э, нет, приятель. Дело это пахнет большим скандалом, если не хуже... Поэтому расписку не каждому показывать можно. Вот когда потребуют те, кому это положено, тогда и покажу.— Он многозначительно подмигнул. Джура и удалился с независимым видом.

Директор, слышавший перебранку сквозь неплотно закрытую дверь, неожиданно вырос на пороге, заносчиво вскинул подбородок, плоский, словно срезанный бритвой.

— Здесь вам что, конюшня или приемная?— визгливым голосом спросил он, обращаясь в основном к секретарше, а не к шоферам. Девушка до ушей покраснела, но Джура-шутник не дал ее в обиду.

— Совсем не конюшня, товарищ директор,— на сей раз серьезно ответил он,— а место, где решаются важнейшие производственные вопросы.

— Что вы хотите этим сказать?— высокомерно уставился на него директор.

— А то, что пора, наконец, разобраться. Слухи о том, что Абдушукур получил запчасти и куда-то их сбыв — наглая ложь. Тут какая-то хитрая махинация.

— Какая такая махинация? На что это вы намекаете?

Джура еще смелее атаковал начальника.

— Не намекаю, а требую. Пока до конца не разберут всей этой петрушки и не накажут истинного виновника, нельзя чернить и снимать с работы честного человека.

— А по какому праву вы требуете?— взвизгнул Тура Салимович.

— Не я, а коллектив автобазы,— отрезал Джура.

— Я здесь вижу только пятнадцать человек,— возразил директор.

— Это лишь делегация,— объяснил Джура, и Тура Салимович несколько мгновений озадаченно молчал, только его толстая шея побагровела.

— Я здесь хозяин!— рявкнул он.— И скажите коллективу, что подобные вопросы решаю я, а не коллектив. Кроме того, да будет вам известно, я не желаю работать с жуликом, который зарится на государственное имущество. Ясно вам или нет?

— Нет, не совсем, Тура Салимович,— спокойно подал голос пожилой шофер, старый член партии Уразов.— Не надо нас принимать за простачков. Все мы прекрасно знаем Абдушукура и готовы за него поручиться. Не мог бывший солдат посягнуть на социалистическое добро. Он его в огне от фашистов защищал. Советуем вам терпеливо все выяснить, а пока... вот решение месткома.— И он положил лист бумаги на стол секретаря. Почувствовав, что не в силах парировать этот неожиданный удар, Тура Салимович не проронил ни звука.

— До свидания, товарищ директор,— насмешливо сказал Джура,— ждут нас и другие дела, так что мы вас покидаем.— Он натянул шапку и во главе остальных направился к выходу.

У Туры Салимовича не было сил даже шевельнуться. Он только поднял руку, и секретарша, угадав этот жест, протянула ему листок с решением месткома. «Все пропало»,— испуганно подумал директор.

Ведь он даже не знал, как в действительности была разыграна история с пропажей запчастей. А было это так. Тукли возвращался из рейса. Подъезжая к воротам автобазы, стал усиленно сигналить, а около диспетчерской резко нажал на тормоз. Бросив квитанцию на стол Абдушукура, торопливо проговорил:

— Извини, дорогой. Распишись-ка вот здесь. Я привез запчасти и очень тороплюсь за новым грузом в областной центр.

Директором в свое время был отдан приказ, по которому в случае позднего возвращения на автобазу водители имели право сдавать груз диспетчеру. Абдушукур не стал пререкаться, лишь спросил:

— Сколько ящиков, Тукли-ака?

— Три ящика,— последовал ответ.

— Ладно, сгружай,— одобрил Абдушукур и углубился в составление месячного отчета.

Машина Тукли буквально вихрем вылетела за ворота автобазы. Диспетчер бросил беглый взгляд в окно и, увидев ящики, успокоился. Часа три он не вставал с места. В это время Тукли возвратился, быстро поставил в гараж машину и отправился домой. Закончив отчет, Абдушукур вышел во двор и заинтересовался ящиками, составленными у стены. Открыл крышку одного, второго, третьего. Ни одной запасной части. В ящиках до самого

верха насыпан песок. У Абдушукура заколотилось сердце: «Вот это да! Что же это за фокус такой!» Он бросился в диспетчерскую, протянул было руку к телефонной трубке, чтобы позвонить, но задумался... «Кому я буду звонить? Директору? А что скажу? Я у Тукли ящики принял, в чем и расписался, а что запчастей не существует — как докажу? Кто мне поверит?»

Абдушукур вспомнил свой недавний неудачный визит к директору, разговор с Тукли, и ему стало не по себе. Он принялся лихорадочно искать выход из создавшегося положения, возможность исправить свой промах, но так ничего и не придумал. Только решил посоветоваться с кем-нибудь, кто постарше, поопытнее. Наутро, как только Джура-шутник появился на работе, рассказал тому обо всем. И вовремя, видимо, это сделал, ибо, когда явился Тукли, молва тотчас же пошла гулять по автобазе. Директор пока ничего ему не говорил, но та же молва утвердила, что его уволят с позором. Абдушукур не раз глядел в глаза смерти, а тут совсем растерялся...

Вот какие дела происходили на базе, когда явился туда Самандар. Первым, кого он встретил здесь, был Джура-шутник.

— А, это ты, Самандар сын Каландара,— весело приветствовал тот солдата,— что ж ты не захватил свою знаменитую железяку, а то бы опять покатили с ней в областной центр, чтобы та почтенная врачиха упала в обморок при виде такого богатыря, как ты.

— Спасибо, Джура,— рассмеялся Самандар,— железяка уже выполнила свою задачу. Могу подарить тебе на память.

— Да нет, зачем же?— расплылся в улыбке Джура.— У меня слишком тесная квартира. Но чем она тебе помогла, если не секрет?

— Получил обещанную бумажку,— сияя, похвалился Самандар и показал Джуре разрешение медиков.

— Вот как!— удивленно вскричал тот.— Значит, ты теперь такой же полноправный водитель, как и мы! Поздравляю тебя, Самандар сын Каландара.

Самандар любил таких открытых людей и быстро с ними сходилась. А такие, что пытались важничать, разговаривать фальшивым, напыщенным тоном... Они его раздражали, и он сразу их отвергал всем сердцем. Джура-шутник с первого знакомства привлек к себе юношу,

и сейчас Самандар радовался, что будет работать вместе с хорошим человеком.

С таким настроением он вошел и в диспетчерскую, однако, увидев расстроенного Абдушукура, сразу посерьезнел.

— Что с тобой, друг? Клянусь, я редко видел тебя в таком состоянии. Что случилось?

Абдушукур настолько был занят своими мыслями, что не сразу заметил, как в диспетчерскую вошел его приятель. Он рассматривал какие-то бумаги, когда раздался голос Самандара. Не желая портить настроение товарищу, Абдушукур улыбнулся, словно ничего особенного не произошло. Он не стал рассказывать о своей беде и о том, как обращался к директору с просьбой принять Самандара на работу.

— Что ж, ступай,— сказал он другу,— только будь понапористее. А у меня так, ничего особенного...

Тура Салимович встретил Самандара вежливо, попросил присесть и вкрадчиво осведомился о цели прихода.

— Вот это вам товарищ Тухтаев передал.— Самандар протянул бумажку.

Тура Салимович быстро пробежал глазами записку и пожал плечами.

— Вы инвалид Великой Отечественной войны?— Он с головы до ног недоверчиво оглядывал Самандара.

— Так точно,— ответил юноша по-солдатски. Директор снова пожал плечами. «Ничего не понимаю»,— говорил его недоуменный взгляд.

Самандар опередил его последующий вопрос.

— На войне я лишился обеих ног,— пояснил он спокойно.

Тура Салимович почесал затылок.

— Пойдите, пойдите, не о вас ли мне говорил наш диспетчер?

— Не знаю,— удивился в свою очередь Самандар.

— Разве он вам не обещал поговорить со мной?

— Нет, товарищ директор.

— Интересно,— заключил Тура Салимович и настроенно посмотрел на Самандара. «Как бы тут не крылся какой-нибудь подвох. Может быть, это новый ход Абдушукура, собирающего вокруг себя своих сторонников?!»

Ничего не подозревающий Самандар, видя, что директор нахмурился, горячо продолжал:

— Вы не беспокойтесь, у меня есть разрешение медицинской комиссии. Я много тренировался. И горком вот тоже...

При слове «горком» Тура Салимович вспомнил о записке Тураева и выдавил сладкую улыбку, означавшую, что он страшно заботится о здоровье молодого человека.

— Все это хорошо,— медицинское заключение, ходатайство нашего уважаемого товарища Тураева, но я думаю и о другом, товарищ Муслимов.

— О чем же?

— О вашем здоровье, друг мой, в конце концов — о вашей жизни. Это, конечно, дело ваше, но я думаю, зачем вам подвергать свою молодую жизнь опасности. Вы ведь все-таки герой войны, проливали за нас кровь, сражались за Отечество. Разве не так, мой дорогой? Мы не имеем права забывать об этом.

— Вы так говорите, как будто хороните меня,— засмеялся Самандар.

Тура Салимович замахал руками.

— Ой, что вы, что вы, сто лет вам прожить, не меньше! У вас все впереди, дорогой. И жизнь, и дети, и внуки. Просто от души хотелось вас предостеречь. Работа здесь тяжелая. Людей не хватает, нередко шоферам приходится работать по две смены подряд, дороги горные...

— Напрасно волнуетесь,— прервал его разглагольствования Самандар,— я себя неплохо закалил и готов к любым испытаниям. У солдата слово твердое.

— Да, да, все это так,— вновь заулыбался директор, попавший в весьма затруднительное положение. С одной стороны, такие убедительные ходатайства, отклонить которые невозможно, с другой же — этот парень — друг Абдушукура,— судя по всему, такой же беспокойный и настойчивый, шайтан их всех поberi. При последней мысли директор автобазы почувствовал острую неприязнь к посетителю. «Как же так,— со злостью думал насупившийся директор,— ведь я же заявил Абдушукуру, что не возьму этого парня. А теперь приходится брать». Тура Салимович долго хранил молчание, со всех сторон обдумывая создавшееся положение, пока не понял, что иного выхода нет. С подавленным вздохом нажал он на

кнопку звонка и появившейся секретарше приказал звонить завгара, а сам углубился в бумаги.

Самандар тем временем не без интереса рассматривал просторный директорский кабинет. Огромный письменный стол покрыт ярко-голубым сукном. Директор сидит в широком кожаном кресле. По обеим сторонам другого стола, примыкающего к письменному, стоят простые старенькие стулья, на полу — большой красный ковер с золотыми лотосами. А на стенах почти нет свободного места: схемы машин, плакаты, лозунги, призывы досрочно выполнить пятилетку. Странное сочетание роскоши и деловитости.

Самандар посмотрел на Туру Салимовича. На отвислом подбородке директора чернела родинка, шея — красная, с глубокими жировыми складками. И странная при такой солидной фигуре суетливость движений. Он ни минуты не мог посидеть спокойно, хотя и делал вид, что погружен в очень важные бумаги. То глянет вниз или в окно, то выдвинет и задвинет ящик, то протянет руку к телефонной трубке, хотя в этом нет никакой надобности. Самандар вспомнил, как в детстве поругивал его отец за суетливость и строго внушал: «Да не ерзай, сынок, не суетись без надобности. Это только несерьезные люди суетятся. Деловой человек, он и в движениях экономен».

Тура Салимович, вероятно, еще раз нажал кнопку, потому что накрашенная девушка с модной челкой на лбу переступила порог и подобострастно уставилась на него.

— Чай,— отрывисто скомандовал Тура Салимович.

— Будет сделано.

Не успела девушка закрыть за собой дверь, как в комнату вошел высокий широкоплечий человек. На вид ему было за пятьдесят, под внимательными черными глазами лежали сеточки морщин, голова тщательно выбрита. В руках он комкал старенькую тубетейку.

— Звали, Тура Салимович?— спросил вошедший с достоинством, скользнув одновременно изучающим взглядом по незнакомому парню, сидевшему в кабинете.

— Гм-м... как дела?— протянул директор, не поднимая головы.

— Ничего... слушаю вас, Тура Салимович.

— Этого товарища к нам направил горком партии.

Есть у тебя какая-нибудь машина?

— Есть, Тура Салимович, машины, почему не быть. Даже новая, которую мы недавно получили, и та еще ни за кем не закреплена.

— Новую пока оставь,— поморщился директор.

Заведующий гаражом переступил с ноги на ногу.

— Есть еще трехтонка, текущий ремонт прошла недавно.

— Эта подойдет,— решил директор,— оформи товарища.

— Слушаюсь, Тура Салимович.

— И учтите,— холодно усмехнулся директор, глядя на Самандара,— у нас так вот, какая ни была бы работа — положено делать без разговоров.

Самандар настолько был рад успеху, что не уловил в речи директора издевки и радостно кивнул в знак согласия.

— Документы при себе?

— Так точно.

— Эту бумажку из горкома отдадите секретарю нашей партийной организации Гиясову, остальные документы пока оставьте у меня,— сказал Тура Салимович, возвращая Самандару направление о взятии на партучет.

Самандар покраснел и положил листочек в карман. В спешке он совершенно забыл, что не должен был показывать его директору. После этого Тура Салимович величественно кивнул головой. А Шер-ака, бросив приветливый взгляд на юношу, сказал:

— Ну что ж, пошли, товарищ.

Шер-ака подвел Самандара к стоящей в самом углу двора под навесом заброшенной трехтонной машине.

— Вот она, ваша красавица. Это очень хорошая машина, просто мировая машина!— прищелкнул он языком и с гордостью прибавил:— Раньше я сам ездил на ней. Ознакомьтесь с ней сегодня. Можете взять у Абдушукура путевку и часа два поездить. Все-таки лучше, если вы испытаете ее сначала.— И Шер-ака направился к диспетчерской.

Самандар остался один. Он так был рад своему назначению, что все вокруг казалось необыкновенным: и люди, и машины, и простенький навес над ними. Захле-

бываясь от счастья, он встал на подножку и в один миг очутился на черном сиденье. Смешанный запах нагретого металла и бензина был для него сейчас приятнее самого тонкого аромата. Смуглые руки сами собой легли на руль. Самандар раза два повернул его. Нажал на стартер. Мотор сначала чихнул, затем заработал ровно. Если бы Самандара в эту минуту спросили, есть ли на свете песня лучше песни мотора, он бы ответил: «Нет!» В этом, как ему казалось, торжествующем рокоте двигателя сплелось все: и радость осуществленной мечты, и готовность покорять любые расстояния, и будущие надежды. Была эта песня и нежной, как горный ветерок, освежающий лицо, и могучей, как шум водопада. Самандар включил скорость, дал газ. Машина мягко, без тряски тронулась с места. «Повинуется, она снова мне повинуется». От радости сердце его бешено билось, кровь стучала в висках, звенело в ушах. Самандар нажал тормоз и закрыл глаза. Он не смог бы ответить, сколько времени просидел вот так, в волнующем полузабытье. Открыв глаза, увидел пирамидальные тополя, листья, звенящие на ветру. Ласковый ветерок залетел под навес и будто шепнул одно слово: «Зумрад!» Вот бы увидела она его гордого и ликующего сейчас. Милая, ласковая Зумрад! Он вновь закрыл глаза и тотчас же представил ее чудесную улыбку и черные глаза. Ту улыбку, что сияла на ее лице в их последнюю встречу. Тогда, к подножию гор, пришла Зумрад в новом пальто с каракулевым воротником, на стройных ногах блестящие ичиги, голова покрыта цветастым шерстяным платком. Раскрасневшееся от горного ветра лицо было таким прекрасным и счастливым! Зумрад разговаривала с ним сердечно и ласково, словно и не было меж ними разговора...

— Саман, Саман, что ты там в кабине колдуешь? Тебя ищет Гясов.— Голос Абдушукура вернул его из мира мечтаний.

— Иду,— ответил Самандар и нехотя вылез из машины.

Секретарь парторганизации, главный инженер Гясов ждал его в небольшой комнате, служившей ему кабинетом. Над скромным рабочим столом висели схемы автомашины. В углу стоял массивный сейф. Гясов встал из-за стола и приветливо протянул руку:

— Присаживайтесь, товарищ Муслимов.

У парторга были выразительные, немного застенчивые глаза, добрая улыбка. Лицо выглядело молодым, но волосы заметно поредели, виски залило сединой.

Внимательно посмотрев направление о взятии на учет и партийный билет нового водителя, Гиясов задал ему несколько вопросов. Потом, улыбаясь, провел ладонью по своему гладко выбритому подбородку.

— Очень хорошо, родной мой.— Когда Гиясов разговаривал с людьми, ему понравившимися, он всегда добавлял «родной», словно открыто выражал им и симпатию, и доверие.— Одну минуточку — и мы занесем вас в свою мудрую учетную книгу.— Он достал из сейфа толстую тетрадь в черном переплете, не спеша записал фамилию, имя, отчество, номер партбилета Самандара. Не забыл отметить и правительственные награды, полученные на фронте.

— Вот теперь можно и по душам поговорить,— заключил он, захлопывая тетрадь.— О вас в городе добрая слава идет.

Самандар смутился и опустил глаза. И это его качество не ускользнуло от парторга.

— Среднюю школу вы закончили до войны?— мягко спросил Гиясов.

Самандар утвердительно кивнул:

— Да, до войны.

— А дальше учиться не хотите?

Самандар благодарно посмотрел на этого умного и доброжелательного человека. Ведь Гиясов словно читал его мысли.

— Есть у меня заветная мечта — хочу поступить на заочное отделение механического факультета в политехнический институт,— негромко проговорил Самандар.— Да вот не знаю, получится ли.

Гиясов одобрительно закивал головой.

— Обязательно поможем. Вы фронтовик, заслужили.

— Спасибо,— облегченно сказал Самандар.— Только я ничем не отличаюсь от других.

— Нет, отличаетесь,— вдруг возразил парторг горячо и твердо.— Вы для многих — пример. Пример мужества, веры, твердости в достижении цели. Но все это, как говорится, пришлось к слову. А у меня к вам большая просьба, товарищ Муслимов.

— Какая же?— с готовностью откликнулся Самандар.

— Помогать нам в партийной работе.

— Буду делать все, что в моих силах, товарищ Гясов, но я просто не знаю, с чего начать.

— На первый случай мы вас привлечем к организации культурно-массовых и бытовых мероприятий. Честно надо сказать, запустили мы эту важную сторону общественной работы. Вот и давайте вместе налаживать ее, родной.

— Я согласен,— кивнул Самандар.

— Вот и хорошо,— одобрил парторг.— А с завтрашнего дня приступайте к работе.

Самандар зашел в диспетчерскую. Вокруг Абдушукура — тесное кольцо людей, размахивающих руками, ожесточенно о чем-то спорящих. Самандар встал в створке, но его заметил Шер-ака и тотчас окликнул:

— Чего ждешь, солдат?

— Хотел взять путевку, чтобы опробовать машину.

— Подходи поближе, дадим тебе путевку без очереди, ты сегодня еще наш гость,— ответил, посмеиваясь, Шер-ака.

Абдушукур протянул другу путевку.

— Поздравляю тебя с первым выездом,— торжественно проговорил он, вставая со стула, и тише добавил:— Будь на первых порах осторожен.

Самандар кивнул и поспешил к своей машине.

Солнце поднялось высоко и нещадно палило пропитанную бензином землю вокруг навеса и гаражей. Когда он сел в машину, в ушах вновь чуть зазвенело от волнения. Запустив мотор, плотно захлопнул дверь кабины. Машина тронулась. словно во сне действовал Самандар и пришел в себя лишь тогда, когда выехал за ворота автобазы и направился к развилке дорог. Он нажал тормоз и сошел на землю. Мотор нагрелся от солнца. Самандар глубоко вздохнул и, словно гриву доброго коня, погладил ладонью горячий капот. Не удержался, погладил и номер автомобиля.

— Как хорошо!— воскликнул он, схватившись за голову от счастья.— Как хорошо!— И снова сел за руль.

Мотор загудел, машина стала уверенно подниматься с заросшей колючками дороги на возвышенность. Внизу лежала ровная, как ладонь, площадка. Несколько ре-

бятишек, игравших в футбол, расступились при виде автомобиля и, увидев за рулем Самандара, хором закричали:

— Самандар-ака, Самандар-ака, поздравляем! Ура!

— Милые мои мальчишки,— прошептал Самандар,— что бы я делал без вас!— У поворота он остановил машину и высунулся из кабины. В одно мгновение ее обступили дети.

— А ну!— приказал Самандар, и они с восторженным визгом полезли в кузов. Около часа катал ребят Самандар, а потом снова высадил на футбольной площадке. Затем он поставил машину в сторонке и с наслаждением растянулся на траве. Над ним раскинулось огромное бескрайнее небо. Трава, по которой ребята гоняли мяч, волновалась от теплого ветерка, как море. Горы, покрытые зеленым поясом от вершин до подножий, дрожали в знойном мареве. Самандар вдруг опять вспомнил про Зумрад и подозвал к себе мальчишку, которого звали Аликом.

— Дружок, ты знаешь Зумрад?

— Кто ее не знает? Мы все уважаем Зумрад-апа.

— Вот как! В таком случае, садись-ка быстро в кабину.

Заревел мотор, и машина, провожаемая дружными криками ребят, отправилась в Дилькушо. Самандар снова обратился к мальчику:

— А в какой школе она работает, ты тоже знаешь?

— А то как же. В нашей.

— Тогда действуем так,— засмеялся Самандар,— я поставлю машину в сторонке, а ты отправишься в школу, разыщешь Зумрад и скажешь: «Вас там какой-то шофер зовет». Понял?

— Понял.

— Вот и молодец. Тогда иди, выполняй приказание, маленький солдат.

— Есть выполнять приказание!

Не прошло и пяти минут, как из школьных дверей выскочил торжествующий Алик, а следом за ним торпливо шагала удивленная Зумрад. Солнечные лучи радугой переливались на ее атласном платье. Сколько дней и ночей ждал он этой минуты, минуты, когда любимая увидит его за рулем! И вот она настала, эта

минута, радостная, трепетная. Черные ласковые глаза встретились с его глазами.

— Это вы, Самандар-ака? — Голос Зумрад сорвался от волнения. — О, поздравляю вас... — Она улыбнулась сквозь слезы и протянула ему свою маленькую нежную руку.

Самандар крепко сжал ее ладонь. Он многое мог бы сейчас сказать. Но бывают минуты, когда молчание выразительнее самых красивых слов. Сейчас они переживали именно такие минуты. Наконец Самандар нарушил тишину:

— Спасибо, Зумрадхон. Если сказать по-честному, во всем этом ваша заслуга.

— Зачем вы так говорите, Самандар-ака, — растерялась девушка. — Я тут ни при чем.

— Э, нет. Моя любовь к вам дала мне силы, укрепила мою волю. И если б не вы...

— Я не знаю, — невпопад ответила девушка, — я, право, не знаю... — И голос у нее задрожал.

Глядя на любимого, она вспомнила ту давнюю их встречу перед уходом Самандара на фронт. Тогда он был еще более робким и нерешительным. Совсем мальчишка. А сейчас перед ней стоял возмужавший юноша. Налились силой когда-то тонкие руки. Брови стали гуще и почти срослись над переносьем. Глаза смотрят открыто и твердо. И сколько ясной чистоты в его добром лице! Зумрад смущенно поправила воротник своего легкого платья и провела по горлу, словно ей не хватало воздуха. Какая-то неведомая, большая и мудрая сила влекла ее к этому парню, и, как ни старалась Зумрад, не могла она сохранить спокойствие. Даже внешне. И Самандар понял ее состояние, понял, что он стоит перед ней, как перед пылающим костром, пламя которого не может его не опалить. Да и нужно ли этого опасаться, если ты сам готов броситься с головой в это всепобеждающее пламя первой любви.

Он сжал запястье девушки и сам от этого прикосновения вздрогнул. Теперь они стояли совсем близко друг к другу. Зной спадал, на Дилькушо опускался вечер.

— Зумрадхон... — прошептал Самандар.

— Что? — трепетно ответила девушка.

— Вы меня любите?

Тихий ветерок сбежал с гор и прохладной волной плеснул им в лицо.

— Почему вы молчите?

Девушка вместо ответа склонила голову ему на грудь. Сильные руки Самандара обвили ее талию, и она почувствовала, что отрывается от земли.

— Увидят же... — нежно прошептала Зумрад и счастливо засмеялась...

Рабочий день на автобазе давно кончился, но Тура Салимович еще не покинул своего кабинета. Тонким раздраженным голосом он отчитывал Абдушукура. В приемную из-за плотно прикрытой двери доносился время от времени и голос Шер-ака, произносившего монотонно одни и те же слова: «Верно. Слушаюсь». Голоса то вспыхивали, то замирали, Самандар несмело приоткрыл дверь кабинета:

— Разрешите войти, Тура Салимович?

— Ах, это вы, молодой человек? — язвительно спросил директор, нависая всей своей тучной фигурой над письменным столом. — Ну как? Прогулка закончилась?

Самандар развел руками.

— Сколько часов вы пропадали?

Самандар посмотрел на часы.

— Три!

— Отлично! — воскликнул директор. — Сколько километров можно проехать за три часа, я вас спрашиваю?

— Со средней скоростью приблизительно сто пятьдесят.

— Следозательно, сколько за этот путь бензина будет израсходовано?

И опять развел руками Самандар, не понимая, к чему клонит директор. Тура Салимович окончательно потерял терпение.

— Ах, вот что! Когда надо держать ответ, вы сразу становитесь немым. Бензин — это государственные деньги, а доверенная вам машина вовсе не лихой конь вашего деда, и посему скажите мне, кто вам дал право бросать на ветер государственные средства, расходовать дорогое горючее?!

Шер-ака попытался прийти на помощь Самандару:

— Тура Салимович, это я разрешил новичку погонять машину, чтобы она «разъездилась» после ремонта...

Директор выскочил из-за стола и забегал-засеменил по ковру.

— Разъездится она или не разъездится, мне до этого дела нет,— снова повысил он голос.— Завтра же составьте акт и подготовьте приказ, чтобы удержать из его зарплаты деньги за трехчасовую езду.

— Хорошо, Тура Салимович, — нехотя откликнулся Шер-ака.

— А вы, — обратился он к Самандару, — ни на какое заступничество не рассчитывайте. Вы поняли меня?

— Если бы вы не так громко кричали, понял бы гораздо скорее, — вспыхнул Самандар.

Ни с кем не прощаясь, Тура Салимович выскочил из кабинета. Оставшиеся услышали, как за окном хлопнула дверца его машины. Шер-ака покачал головой и мрачно сказал:

— Что тут поделаешь, начальство,— подчиняемся.— И, потрепав Самандара по плечу, вздохнув, прибавил:— Привыкай, парень.

Абдушукур все еще стоял безмолвный. Самандар хорошо знал привычку друга. Когда он чем-то взволнован, лучше его оставить в покое. Остынет — сам все выложит.

Уточнив, во сколько начинается здесь рабочий день, Самандар попрощался и вышел за ворота автобазы. «Черт возьми! — выругался он в сердцах, — не успел сесть за руль, а уже неприятность. Видно по всему, этому Туре Салимовичу никто не положил в карман лишнего доброго слова».

Самандар перебрал мысленно час за часом весь сегодняшний день. Он вспоминал лица людей, с которыми столкнулся. Спокойный и уравновешенный Шер-ака, только не слишком ли спокойный... Веселый, покоровивший его сразу Джура-шутник. Вновь перед ним возникли чуть усталые глаза секретаря парторганизации главного инженера Гиясова, в памяти ожили сердечные напутственные слова, и сразу стало как-то легче на душе. Глубоко дыша чистым вечерним воздухом, шел он по улицам Дилькушо. «Да, но что происходит с Абдушукуром? Друг его не таков, чтобы расстраиваться по пустякам. Значит, что-то серьезное происходит у него на работе. Что именно? Как помочь товарищу?»

Эти вопросы не давали Самандару покоя. Тревожным и беспокойным был в ту ночь его сон. Словно старик, он тяжело вздыхал, ворочался с боку на бок. Несколько раз вставал и смотрел в открытое окно. И лишь тогда, когда снова в памяти встало нежное лицо Зумрад, успокоились нервы, отступили прочь огорчения.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Директор был доволен, что смог найти повод отчитать Самандара. Он вырос в собственных глазах оттого, что открыто сказал этому Самандару, чтобы тот не рассчитывал на чью-либо поддержку. Понимать это надо было примерно так: «Я знаю, что вас рекомендовали из горкома партии, но если не будете выполнять моих приказаний, я ни на что не посмотрю. Хозяин на автобазе только я».

Абдушукур при этом молча наблюдал за директором, не отстаивал, как обычно, свою точку зрения. Зато как обычно вел себя заведующий гаражом. Человек честный, но робкий, Шер-ака не имел обыкновения перечить начальству, что бы ни случилось. Из-за этого некоторые считали его неисправимым подхалимом и формалистом. Иногда ему пытались доказывать, что распоряжение, которое он проводит в жизнь, нелепо или технически необоснованно. Но Шер-ака, в душе понимающий, что это действительно так, лишь вяло повторял:

— Этого требует порядок, тягаться с начальством не наше дело.

И спорившие с досадой отходили прочь. Со временем на автобазе свыклись с его слабоволием. Кроме того, заведующий гаражом был, безусловно, добр к людям и во всех вопросах, которые решал сам, поступал в общем честно и справедливо.

Но вот сегодня произошло событие, еще раз подтверждавшее бесхарактерность этого человека. Утром Джура-шутник отправился в трудный рейс и возвратился на автобазу лишь поздним вечером. Усталый вышел он из кабины, заранее предвкушая, как поужинает и немедленно завалится спать. Вдруг словно из-под земли вырос перед ним Шер-ака и смущенно забормотал:

— Подождите ставить машину на место, чуточку подождите, уважаемый. Тура Салимович вас искал, очень искал, поверьте мне.

— Чего ему надо?— мрачно пробормотал Джурашутник.

— Просил вас сразу к нему зайти, — отводя глаза в сторону, объяснил Шер-ака.

— Ну, а в чем все-таки дело?

— Простите, уважаемый,— развел заведующий гаражом руками,— у меня нет привычки переспрашивать, что к чему, когда начальник требует.

Мечта о заслуженном отдыхе рушилась. Джурашутник вяло зевнул и молча поплелся за Шер-ака.

Тура Салимович был в кабинете один. Нервно ходил из угла в угол. Увидев Джурашутника, он заметно повеселел, тонким льстивым голосом произнес:

— Пожалуйста, проходите, Джурабай. Как дела? Что-то редко вижу вас в последнее время. Не заглянете лишний раз к начальнику, не проведаете.

Джурашутник устало отмахнулся.

— Если бы в рейсы посылали реже, виделись бы чаще.

— Как вы сказали, Джурабай?— осклабился директор. — Хорошо сказали.

— Уж как умею.

Джурашутник настороженно наблюдал за директором. Уж кто-кто, а он-то хорошо знал нрав директора. Если Тура Салимович чересчур вежлив, значит, нужно ему что-то от тебя. Развивая свою мысль, Джура иронически прибавил:

— Если мы к вам сами не заходим, Тура Салимович, то зато вы время от времени проявляете внимание и посылаете за нами Шер-ака.

Оттого, что Джурашутник назвал его по имени-отчеству, директор удовлетворенно улыбнулся.

— Веселый вы человек, Джурабай, все шутите. А ну-ка, садитесь поближе да повнимательнее меня выслушайте. Дело на редкость деликатное.— Проговорив это, Тура Салимович фамильярно усадил Джурашутника на диван, сел с ним рядом и многозначительно спросил: — Кажется, вы уже ездили в Сарсан-шайтан?

При одном упоминании о Сарсан-шайтане у Джуры настроение вконец испортилось. С полгода назад ди-

ректор поручил ему отвезти большой узел председателю Кураминского райисполкома. Целый день прошел в поездке по таким кручам, на каких бы черт и тот ногу сломал. Да, недаром это место было названо в народе «Сарсан-шайтан», что означает «мытарь-черт». Вспомнив об этом невеселом путешествии, Джура-шутник нехотя промолвил:

— Ездил. Ну и что?

Директор наигранно рассмеялся.

— Успокойтесь, Джурабай, вас же не просят в трескучий мороз нырять в прорубь. Что вы так вздрогнули? Дело гораздо проще.

Джура-шутник исподлобья посмотрел на начальника и решил подождать, что будет дальше. Под грузным телом директора заскрипели пружины дивана. Тура Салимович доверительно хлопнул Джуру-шутника по коленке.

— Что приуныли, Джурабай? Ничего страшного. Просто вам придется съездить в это самое уже знакомое место.

— Когда? — устало посмотрел Джура-шутник на директора. Тот как можно беззаботнее ответил:

— Чем скорее, тем лучше. — И обратился к Шерака: — Полчаса на подготовку ему хватит?

Джуре-шутнику казалось, что все это происходит во сне. Разве может директор серьезно говорить о такой трудной поездке, да еще ночью, после того как он, Джура, уже провел за баранкой двенадцать часов?

— Уж не смеетесь ли вы надо мной, — произнес он тихо. — Ехать сейчас, в такое вот время?

— Да, в такое, — резко поднялся директор с дивана и отошел к столу, давая понять, что начальник-то здесь все-таки он, а Джура-шутник всего-навсего подчиненный. В голосе Туры Салимовича зазвучали повелительные нотки: — С кем вы разговариваете?

— С начальником, — процедил сквозь зубы уставший шофер.

— Ну, и о чем вас просит начальник?

— О поездке в Сарсан-шайтан.

— Спасибо, что хоть это поняли, — холодно усмехнулся Тура Салимович.

— Да, но вы знаете, что это такое, — схать туда ночью? — вспыхнул Джура-шутник.

Директор бросил на него примирительный взгляд.

— Что вы, Джурабай, я сам из тех мест. Поверьте, на такой отличной машине, как ваша, съездить в Сарсан-шайтан не столь уж и трудно.

— Но ведь я только что из рейса.

— Садитесь, Джурабай,— укоризненно заметил директор.— А как на фронте? Там водители и по двое суток не смыкали глаз.

— Да, но сейчас не война, — пробовал защищаться растерявшийся Джура.

— Мало ли что! — усмехнулся директор. — Бывают и в мирное время боевые задания. Считайте, что вы получили такое.

Поняв, что бесполезно возражать, Джура-шутник умолк. Директор протянул ему конверт и сказал еще строже и требовательнее:

— Вот это вы возьмете с собой, вручите адресату и подождете ответ. Ответ везите прямо мне на квартиру, дело срочное и отлагательств не терпит. Итак, отправляйтесь в дорогу.

Джура с надеждой посмотрел на завсудующего гаражом. Но тот, подавляя вздох, беспомощно развел руками.

— Что поделаешь, — пробормотал Шер-ака,— Джура действительно только что вернулся из рейса, но приказ есть приказ, и его надо выполнять. Как на фронте,— прибавил он, подражая директору.

Шофер молча вышел из кабинета. Спустя минуту за окном заревел мотор, и машина на большой скорости вылетела за ворота.

— Вот видите, как он злится, — нравоучительно поднял палец Тура Салимович. — Ему поручили выполнять государственное дело, а он беснуется. Ослаб у нас порядок на автобазе. Ослаб, Шер-ака. А кто во всем этом виноват? Вы, товарищ завгар!

Шер-ака послушно закивал.

— Очень верно говорите, Тура Салимович, исправим!

Усталый Джура выполнил директорский приказ. Но на обратном пути у него буквально слипались глаза. Чтобы не заснуть, чего он только не делал: и песни пел, и веселые истории самому себе рассказывать пробовал. Подъезжая к городу, шофер почувствовал огромное

облегчение и несколько ослабил внимание. Вот тут и случилась беда. На одном из городских перекрестков старик, переходивший улицу, вдруг остановился на самой ее середине и повернул назад, прямо под капот наезжавшей на него машины. Водитель резко крутанул руль, но все-таки крылом задел старика. Тотчас же затормозил и бросился к пострадавшему.

— Как вы себя чувствуете? Я немедленно отвезу вас в больницу! — побелевшими губами говорил Джура-шутник.

— Не надо, сынок,— поднимаясь, решительно отказался старик,— не сильно меня ударило, да и сам я виноват, вспомнил, что не все взял в аптеке, и повернул не вовремя...

Джура-шутник повез старика домой. Тот поблагодарил и сказал, что претензий к нему никаких не имеет. Однако догнавший их у самого дома милиционер, несмотря на все объяснения пострадавшего, доставил Джуру в отделение. На него завели дело и передали в автоинспекцию. Вернувшись на автобазу, Джура-шутник рассказал о случившемся Гиясову. Тот внимательно выслушал и удивленно повел плечами:

— Ничего не могу понять. Если вы, как утверждаете, едва ехали, неужели не успели нажать на тормоз?

— Сам поражаюсь, почему не сделал этого! — воскликнул Джура, чуть не плача.

Гиясов задумался.

— Ну-ка, дайте ключ, — потребовал Гиясов и сам сел за руль.

Только хотели выехать из ворот автобазы, как подошел Тура Салимович. Гиясов вышел из кабины, собираясь рассказать директору о происшествии, но тот, не слушая, обратился к водителю:

— Ну как, Джурабай? Сделали мое дело?

— Сделал, начальник, — со злостью в голосе ответил Джура-шутник. — И ваше обделал, и свое сотворил.

— Что это значит? — спросил Тура Салимович, глядя то на Джуру-шутника, то на Гиясова.

— Старика сбил при возвращении... крылом чуть-чуть задел.

— Что?! — взвизгнул Тура Салимович. — Сбил человека? Да ведь это же... Небось гнал машину, как

черт. За тобой это водится. Вот сам и отвечай! — распалился директор, тыча водителя пальцем в грудь.

— Конечно, сам отвечу, начальник, — огрызнулся Джура. — Стрелочник всегда виноват.

Рука директора повисла в воздухе, и он еще тоньше закричал:

— Беспорядок! Самоуправство! Уже до ЧП дошло! Я этого не потерплю. Нет на нашей автобазе порядка!

Сидевший в проходной сторож Мирзо-бобо, печально улыбаясь, покачивал головой.

— Ладно, хватит! — оборвал вдруг Гиясов. — Криком делу не поможешь. А ну-ка, Джура, в машину! Поедем на место происшествия.

И они выехали за ворота, оставив опешившего директора посреди двора. У перекрестка остановились. Джура показал на пешеходную дорожку.

— Вот здесь старик дошел до середины улицы, потом замешкался и повернул назад. Я держал скорость двадцать километров. Чепуховая. Было время, чтобы резко затормозить, а я этого не сделал. Понимаете, не сделал! В жизни такого со мной не бывало!

— Может, вы задремали за рулем?

— Нет.

— Но вы же очень устали?

— Не знаю. Но я как-то к усталости уже привык, втянулся в нее, что ли...

— Может, были чем-то расстроены?.. Ничего не пойму, — огорчался Гиясов, — такой опытный водитель — и вдруг... В чем же тогда причина?

Причину выяснили позднее, дней через пять, с помощью медиков. Оказывается, переутомившиеся шоферы часто впадают в состояние сонливости, при котором совершенно незаметно для них происходит временная потеря внимания. Медики называют это состояние дорожным гипнозом.

«Вот в чем дело! — поразился Гиясов, прочитав заключение медиков. — Простая на первый взгляд вещь, но как она важна. Человек, сидящий за рулем, не автомат. При самой высокой профессиональной подготовке шофер должен отправляться в рейс хорошо отдохнувшим. А у нас?» — И Гиясов погрузился в невеселые размышления. На автобазе для водителей нет даже самых элементарных условий: в свободный час

гм негде отдохнуть, редко кто интересуется тем, сильными или непосильными бывают нагрузки, когда планируются рейсы. В душе Гиясова зародилась тревога. «Как же я, секретарь партийной организации, не пришел к этим выводам раньше», — сокрушенно заключил он. Набрал номер телефона, соединился с диспетчерской и вызвал к себе Самандара. Когда тот вошел, Гиясов привычным жестом показал на стул:

— Садитесь, родной, садитесь. Как дела? — мягко спросил Гиясов. — Вы не устаете на работе?

— Странный вопрос, — улыбнулся Самандар, — я солдат. А разве может устать солдат, если он занят любимым делом.

Гиясов потер переносицу.

— Да, это верно... но я задал этот вопрос не случайно. За последнее время у нас на базе нередки случаи, когда мы возлагаем на водителей непосильную работу, и это утомляет их. Вы ведь знаете, что случилось недавно с Джурой-ака?

— Разумеется.

— И что вы по этому поводу думаете?

— Джуру нельзя обвинять, — горячо заговорил Самандар. — Во-первых, он страшно устал и реакция у него была пониженной. Нельзя по двадцать часов за рулем... А во-вторых, и пешеход ввел его в заблуждение, неожиданно повернув назад.

— Правильно рассуждаете, — прервал его Гиясов. — Человека, прошедшего двенадцать часов в долгом пути, вынудили снова отправиться в сложный рейс, да еще ночью. И вот результат. По всему городу идут пересуды о нашей автобазе. А была ли уж такая острая необходимость направлять в рейс усталого человека? Да нет, конечно. Знаете, Самандар, этот случай многому должен научить нас. И прежде всего коммунистов. У нас от водителей порою требуют невозможного, а об их отдыхе мы не думаем. Комнату отдыха обязательно надо создать. А тех, кто не заботится о людях, в партийном порядке призвать к ответу. Так ли я говорю?

Самандар слушал Гиясова, а про себя думал: «Вызвал советовать. Почему меня, а не кого-либо другого? Значит, верит. Вон смотрит, будто хочет сказать: «Слушай, молодой человек, открой пошире глаза. Ты же

коммунист, и не к лицу тебе пассивно созерцать жизнь коллектива, членом которого ты теперь стал. Ну-ка, докажи, на что способен».

Самандар смело взглянул в глаза Гиясову и твердо сказал:

— Длинные речи произносить не научился. Но все, что от меня потребуется, будет выполнено. Я с вами согласен.

— Спасибо, родной, — просиял Гиясов, — таких слов я и ждал. Надо поставить вопрос на партийном собрании, принять меры немедленно.

— Да, но как это воспримут руководители? — усомнился Самандар.

Гиясов улыбнулся.

— Вы же фронтовик. Огонь, воду и медные трубы прошли. Так неужели побойтесь разоблачить недостатки только потому, что они присущи коммунисту, занимающему высокий пост?

Самандар вспыхнул.

— Я готов сказать правду в глаза.

— Правильно, — подхватил Гиясов, — а как этот человек воспримет критику — это дело его партийной совести.

— Почему только его, — перебил горячо Самандар, — это всей нашей партийной организации дело. Неужели коммунисты не в состоянии повернуть одного человека на правильный путь?

Самандар попал точно в цель. Гиясов даже покраснел. «А ведь этот спокойный, но удивительно твердый парень прав, — подумал парторг, — он сразу подметил мою ошибку в отношениях с начальником. Не был я достаточно принципиальным...»

— Конечно, Самандар, вы совершенно правы. Если человек идет не в ногу с партией, его надо поправить. Будем действовать все сообща. И собрание готовить, и практические дела разворачивать.

Самандар набросал для себя план действий. Прежде всего решил организовать субботник по уборке территории автобазы. Поначалу не все откликнулись на призыв. Нашлись и скептики. Кое от кого можно было услышать:

— Зачем нам субботник? Что нам, нечем свободное время занять?

Но когда такие увидели, с каким упорством взялся прибирать стоянки автомашин безногий солдат, они устыдились и взялись за лопаты и веники. После уборки территория автобазы стала не просто чистой, а какой-то даже уютной. Мирзо-бобо, поманив к себе Самандара, лучась улыбкой, сказал парню:

— Ты сегодня навел у нас настоящий армейский порядок, сынок. Иди выпей пиалу моего чая. Он волеет в тебя новые силы.

На следующее воскресенье был запланирован поход в горы, на отдых. Но неожиданно поступил приказ готовить сто пятьдесят машин в трудный рейс для перевозки зерна. Расстояние между полями и местом обмолота не превышало и семидесяти километров в один конец, но во время недавнего наводнения часть мостов была разрушена, а дороги местами сильно размыты.

И тут впервые решительно запротестовал против такого приказа заведующий гаражом. Для директора этот протест Шер-ака был столь неожиданным, что он поначалу даже растерялся. Тем более что Шер-ака поддержал секретарь парторганизации Гиясов.

— И я тоже категорически против этой операции,— заявил он.

— Против того, чтобы перевозить колхозную пшеницу?— съязвил Тура Салимович, и его маленькие глазки зло сузились.

— Нет, я против рейсов по размытым дорогам. Мы же наверняка угробим машины и подвергнем риску водителей.

— Стало быть, пусть государственная пшеница гибнет там, где она скошена?— побагровел директор, исподлобья глядя на Гиясова. Но секретарь партийной организации выдержал тяжелый директорский взгляд.

— Вы меня извините, Тура Салимович,— сказал он,— но я полагаю, что разумнее было привлечь к ответственности руководителей за то, что не привели в порядок дороги за четыре недели после наводнения, и обязать их в короткий срок починить мосты, чем безрассудно бросить туда технику и людей. По-моему, прежде всего надо доложить о создавшемся положении в обком.

Тура Салимович насмешливо покосился на собеседника и тоном, не допускающим возражений, произнес:

— Знаете что, товарищ Гиясов, я государственный человек и наносить урон нашему хозяйству не позволю. Хлеб должен быть вывезен, и точка!

— И я за то, чтобы вывезти хлеб, — не сдавался Гиясов. — Однако считаю, что дороги надо привести в порядок, иначе мы не только технику выведем из строя, но и пшеницы немало растеряем. Рассыплем, разбазарим по дороге.

Тура Салимович, не дав ему договорить, принял грозную позу.

— Как вы сказали? Разбазарим? А ну-ка, кто будет разбазаривать советский хлеб? — обратился он к шоферам, которые плотным кольцом окружили спорящих руководителей.

Но тем уже давно надоели демагогические речи начальника, и они смотрели на него насмешливо и неодобрительно.

Не дождавшись ответа, директор заключил:

— Споры считаю излишними. Завтра в шесть утра вы должны быть в райцентре. Там вас поделят по участкам, укажут маршруты. — И, давая понять, что он в своем решении непоколебим, направился к своей персональной машине.

Самандар что-то отметил в своей записной книжке и неторопливо зашагал к проходной. Абдушукур стоял в открытой двери диспетчерской.

— Домой собрался? — окликнул он.

— Не знаю, — пожал плечами Самандар.

— Вот так-то, друг мой, — подойдя к нему, промолвил Абдушукур. — Видишь, по какой формуле живет наш директор: хоть умри, но дай план. А до остального ему нет никакого дела.

— Устарелая формула, — усмехнулся Самандар. — Даже во время войны командиры автобатов находили возможность позаботиться о водителях. Разве можно придерживаться принципа «умри, но сделай» в мирное время? Надо работать с энтузиазмом, чтобы работа приносила радость. Тогда и план будет. Понял, дружище?

— Подожди ты со своим энтузиазмом, — покачал

головой Абдушукур, — сперва надо элементарные условия для людей, сидящих за баранкой, создать.

— Ты о быте? — перебил его Самандар.

— Не только, — разгорячился Абдушукур, — быт само собой. Но ты спроси шоферов, есть ли у кого лишняя пара запасных частей. Чиним, красим, латаем — и снова в путь.

— Что ж ты эти вопросы перед руководством не поставил?

— Бесполезно, — махнул рукой Абдушукур, — если ты, дорогой друг, внимательно присмотришься к здешним порядкам, удивишься немало. Начнешь говорить об этом, рот постараются зажать тебе. И нервы трепать ежедневно будут.

Самандар упрямо встряхнул головой.

— А ты пробовал с этими равнодушными бороться? Сколько их, во-первых? Вся автобаза, что ли? Сто человек? Двадцать? Сколько? — Самандар не в силах был сдержаться.

— Да нет, — вздохнул Абдушукур, — у нас народ хороший. А равнодушных по пальцам пересчитать можно, однако остальным житья от них нет.

— Я тебя не узнаю, Абдушукур, — возразил Самандар. — Говоришь — мало их, так почему же перед ними бессилен такой большой коллектив? Ну, чего ж ты замолчал?

Абдушукур растерянно почесал затылок.

— Да знаешь ли, — протянул он, все эти люди в начальниках ходят, вот и пользуются своей властью.

— Вот как! — возмутился Самандар. — Нет, Абдушукур, ты неправ. Если начальник не уважает своих подчиненных, помыкает ими, разве он достоин уважения коллектива?

— Так-то оно так, — закивал Абдушукур и опять почесал затылок.

— Коллектив огромная сила, — развивал свою мысль Самандар, — заслужить доверие коллектива не так просто. Для этого каждый должен выполнять свое дело добросовестно. А если все будут складывать руки перед трудностями, как ты, или будут чересчур трусливыми, как Шер-ака, мы далеко не уйдем!

Абдушукур посмотрел прямо в глаза друга.

— Верно говоришь, Самандар. И мы обо всем этом много думали, но дальше слов дело не пошло.

— Должно пойти,— строго сказал Самандар.— Мы же новое общество строим. А как оно называется, ты помнишь?

— Да, не забываю.

— Так вот, дружище, в этом обществе не будет места ни лицемерию, ни слабоволию, ни корысти. А те люди, которые много о себе мнят и считают, что если б они не поддерживали небо, оно обрушилось бы, такие уже устарели. Таких надо перевоспитывать. Не взирая на лица.

Абдушукур задумчиво смотрел на опаленное зноем лицо товарища, узнавал и не узнавал его. Нет, перед ним стоял уже не школьник Самандар, всегда застенчивый и робкий, на десять слов отвечающий одним. Перед ним был волевой человек, борющийся за свои убеждения, энергичный. Абдушукур попробовал сравнить его с собой и смущенно опустил глаза. «А ведь он прав. Он атакует, а я отступаю. Действительно, заела текучка, появилась привычка обходить острые углы в отношениях с начальством, мириться с явной несправедливостью, а потом мучительно искать оправдания». Сейчас Абдушукур гордился своим другом. Он положил ему руку на плечо, восторженно отметил:

— Как ты изменился, Самандар, совсем другим стал.

— Лучше или хуже? — засмеялся тот.

— Лучше, конечно.

— Война многому научила.

— Я, наверное, не смогу стать таким.

— Почему? Ты ведь тоже на солдатском тесте замешен. У тебя действительно мягкое сердце, друг мой. Ты иной раз стесняешься сказать человеку правду в глаза, призвать его к порядку. Тебе кажется, что поступив подобным образом, ты его обидишь. Помни старую солдатскую поговорку: дружба дружбой, а служба службой.

— Ты можешь стать отличным психологом, друг мой.

— А ты уж слишком лирик, Абдушукур.

— Ладно, — устало вздохнул диспетчер, — давай отвлечемся от наших «производственных» разговоров. Скажи лучше, когда свадьба?

Этот неожиданный вопрос застал Самандара врасплох. Вспомнил Зумрад, ее слова, сказанные на последнем свидании.

— Ты разве оглох? — не унимался Абдушукур. — Или моего вопроса не расслышал?

Самандар обвел глазами двор и вдруг сказал совсем о другом:

— Знаешь, Абдушукур, я хочу поступить учиться. Как ты на это смотришь?

— Куда?

— В политехнический на заочное. Давай вместе махнем, а?

— Да я не знаю... — протянул Абдушукур.

— Почему?

— Все-таки жена, дети.

— Значит, они мешают? — засмеялся Самандар. — Что ж тогда меня про свадьбу спрашивашь?

— У тебя другая дорога. Ты настойчивый. Если скажешь — сделаешь.

— Ладно, ладно, не приbedняйся. Не ты ли помог мне стать на правильный путь? Помнишь наш ночной разговор в день моего возвращения в Дилькушо?

...Утром, когда солнце только-только поднималось над горами, колонна машин выехала на уборку хлеба. В райцентре водителей распределили по участкам, и работа закипела. Первая пятидневка прошла спокойно, без каких-либо чрезвычайных происшествий. Несмотря на тяжелую дорогу, большинство шоферов вместо двух ездов делали по три-четыре. Но вскоре, однако, плохое состояние дорог и мостов сказалось на ходе работ.

Шел семнадцатый рабочий день. Погода с утра начала портиться, подул ветер и закрутил в воздухе столбы из песка и пыли. Уже к завтраку стало трудно дышать. Самандар вытирал густую пыль с капота машины, когда к нему подошли несколько шоферов и предложили сделать в этот день выходной, а в другой восполнить недостающие по плану рейсы.

— Нет, дорогие друзья, — отрицательно покачал головой Самандар, — если хотите знать мое мнение, то я против. Зерно пересыхает на солнце. И потом, день пропустим — сами расслабимся, и на работу выходить не захочется. Отдохнем сегодня, а завтра появится

вялость, апатия. Мне кажется, что перенесший сорок перенесет и сорок первый, — прибавил он шутливо. — Такая у нас поговорка.

И опять водители посмотрели на него с уважением. Если этот потерявший на войне ноги солдат не плачется, а молча совершает трудные рейсы по бездорожью, как же могут отказаться они...

— Верно, Саман! — воскликнул один, — если мы сегодня не выйдем на работу, завтра, чего доброго, и болеть начнем!

И начался обычный рабочий день. Первые десять машин с зерном направились в сторону элеватора. Жара между тем усиливалась, небо стало ослепительно голубым, безжизненно склонилось к земле опаленные зноем ветви деревьев. Между небом и землей колыхались волны марева. Трудно в такое время дереву, траве, животным. Но еще труднее человеку, а особенно шоферу. Обливаясь потом, ведет он сильно нагруженную машину. Ему нелегко дышать в раскаленной кабине, а за ее стеклами лишь выжженная солнцем степь.

По этой-то холмистой степи одна за другой тянулись цепочкой раскаленные грузовики, наполненные зерном. Солнце в зените. Дотронешься до кузова — руку можно обжечь. Неожиданно головная машина остановилась. Забуксовала в песке. Водители даже растерялись. «Надо взять на буксир», предложил кто-то. Но оказалось, что трос был только в машине Джуры-шутника, а того отправили за продуктами, и он еще не успел догнать колонну. Все задумались. Каждый прикидывал про себя, каким путем можно вытащить головную машину. Наконец послышался голос Самандара:

— Ребята! Единственный выход — толкать самим машину. Если мы сейчас же не сделаем этого, машина все больше и больше будет погружаться в песок. — Он подошел сзади, крепкими плечами подпер кузов.

— А ну, взяли! Раз, два! Раз, два!

Мотор взревел. Дружное шоферское «раз, два, взяли!» взбудоражило степную тишину, где-то вдалеке отдалось эхом. Из-под забуксовавшего колеса брызнул золотой пылью горячий песок, ударил в глаза и ноздри людей.

— Бесполезно, ребята. Ну-ка, давайте соберем

сухую траву, — предложил кто-то из водителей и бросился выдирать из земли колючие кустарники. Огромные охапки травы брошены под колеса. А мотор беспрерывно кашлял и умолкал, несмотря на старания шофера.

— Посмотри на радиатор, вода кипит, — раздался предостерегающий крик. Принесли воды из питьевых запасов. Снова заработал мотор, снова послышались дружные крики «взяли!», однако машина не тронулась с места.

Самандар изо всех сил подпирал плечом кузов. Внезапно боль пронзила правую ногу. Он тихонько отошел в сторону. Рубашка была в пыли и поту. Пот падал с бровей на лицо, жег глаза, слепил. Однако Самандар разглядел в тени одной из машин беспечно разлегшегося Тукли. Солдат вскипел, но сдержал себя и с иронией воскликнул:

— О! Что я вижу, Туклибай-ака! Кажется, вам стало плохо?

— Эй, — прошипел тот, — осторожнее на поворотах, мой дорогой. Все горит, как в огне, а вы разговариваете со мной таким ледяным тоном. Откуда вы взяли, что мне стало плохо?

— Дай бог вам здоровья, конечно, — усмехнулся Самандар, — все-то вокруг беспокоятся, как бы с вами чего не случилось в такую жару, а вы себе тихонечко лежите да дремлете.

Тукли и бровью не повел.

— А разве я лишен права полежать? Скажите, парень хороший, по какому закону мне это запрещено?

— По закону совести, если только она у вас есть! — не выдержал Самандар. — А что бы вы делали, если бы ваша машина застряла? Неужели вот так же беззаботно лежали?

— У меня не такая дурная машина, — огрызнулся Тукли и продолжал по-прежнему лежать, лишь руки под голову положил, чтобы было удобнее. Самандар понял, что словами этого бесовестного человека не пронять, и отошел в сторону. Нога нещадно ныла. Он присел на обочину, снял протез, перебинтовал заново ногу. Два или три водителя, увидавшие эту процедуру, сочувственно вздохнули. Самандар вновь подошел к кузову. Все безмолвно расступились. А он опять плечом уперся в борт тяжело груженной машины. Стоявший

рядом молодой водитель, сняв рубашку и обмотав ею голову, руками ухватился за борт. Самандару он показался очень смешным. Не удержавшись, Самандар засмеялся. Парень повернул голову к Самандару, рука его соскользнула, и ему болтом поцарапало предплечье. Ладонью другой руки он хотел было смахнуть несколько капель крови, но в это время мотор подталкиваемой машины взревел, и она, покачиваясь, продвинулась на два-три метра вперед.

— Ура! — закричал парень. — Оказывается, и в мирное время победа достается кровью. — И он озорно подмигнул товарищам.

Дружный смех покрыл его слова, люди радостно смотрели вслед выбравшейся из ямы машине, облегченно слушали ровный рокот мотора.

Только Тукли стоял нахохлившись в стороне. Никто даже не взглянул на него. Водители прошли мимо Тукли, как проходят мимо сгнившего пня. В это время очень кстати подоспел Джура-шутник. Вытащив из кабины пузырек с йодом, Самандар смазал царапину молодому водителю и сказал шоферам:

— Вы поезжайте, друзья. Джура-ака здесь немного отдохнет, и мы вас догоним.

Машины одна за другой набирали скорость, вытягиваясь в стройную колонну. Когда Самандар, сняв протез, переменял бинты, колонна уже скрылась за возвышенностью, и шум моторов стал постепенно затихать. Джура-шутник молча дымил папиросой, наблюдая за движениями нового шофера. Самандар снял рубашку и отер ею пот. Солнце еще палило, но день перевалил за половину. Откуда-то потянул легкий ветерок. Дышать бы стало чуть легче, но в воздухе поднялась песчаная пыль, еще более плотная, чем утром, и скоро в десяти шагах ничего не было видно.

— Надо поторапливаться, — сказал Джура-шутник, и они тронулись в путь, Джура впереди, за ним Самандар. Ехать было трудно. Колеса то и дело попадали в ямы, и тогда перегревшийся мотор бессильно завывал, закипала вода в радиаторе. Но машины упорно продвигались вперед. Уже немного оставалось до элеватора, когда машина Джуры-шутника, чуть накренившись, остановилась. Самандар нажал на тормоз и даже вздрогнул от неожиданности. Грузовик Джуры-

шутника медленно соскальзывал с дороги. Какая-то неведомая сила толкала его. Увидев, что Джура сгоряча пытается подпереть падающую машину, Самандар отчаянно закричал:

— Прочь, прочь от машины!

Джура-шутник отскочил в сторону и ошеломленно наблюдал за происходящим.

— Что делать, Самандарджан? Что это за напасть?

Присев на корточки, Самандар молча осматривал дорогу, не отвечая на восклицания Джуры-шутника. Ему стало не по себе: яма, самое меньшее в три метра глубиной, открывалась перед его глазами. Ее пологие стенки от постоянно осыпающегося песка были гладкими, словно оштукатуренными. Огромный камень торчал из ямы. На этот-то камень и сползала машина. Если колесо грузовика натолкнется на камень, машина остановится. Но если, упаси боже, пройдет мимо — машина неминуемо опрокинется. Джура-шутник тоже присел рядом с Самандаром и они с надеждой смотрели то на камень, то на колеса.

— Что будем делать, Самандар? — дрогнувшим голосом спросил Джура.

— Во всяком случае, не сидеть сложа руки, — мрачно откликнулся Самандар. Он обошел машину, решив посмотреть, что можно сделать, чтобы она перестала сползать. Как раз на краю ямы земля осыпалась под его ногами, и он сполз на самое дно. Горячий мягкий песок засыпал его по пояс.

Джура ужаснулся. Опасаясь, что машина свалится на друга, он глянул на колесо и облегченно вздохнул. Оно натолкнулось на тот самый каменистый выступ. Машина замерла. Только из кузова с глухим тяжким стуком свалилось пять или шесть мешков с зерном. Чтобы предотвратить потери зерна, решено было вместе с колхозниками возить его не в насыпку, а в мешках. Когда пыль немного осела, Джура-шутник весело позвал:

— Самандарджан! Вылезайте, кажется, пронесло!

Ни звука в ответ. Джура-шутник снова подал голос. Напрасно. Тогда он, забыв об осторожности, стремительно сполз в яму. Самандар был завален мешками с зерном.

— Проклятье!— выругался Джура-шутник.— Я сейчас освобожу тебя, друг, только потерпи немного.

К счастью, Джура-шутник был не тем человеком, что паникует при виде опасности. Наоборот, беда сделала его проворным и энергичным. Он оттащил мешок с зерном, закрывший Самандара слева, затем стал тащить мешок со спины. Самандар открыл было глаза, но тотчас же снова закрыл их. Боль пронзила ноги. Джура-шутник вылил полфляжки воды на лицо своего напарника, и тот еле слышно грошептал:

— Ничего страшного не случилось, Джура-ака.

— Я знаю, мальчик,— дрогнувшим голосом откликнулся выдавший виды водитель,— такие, как ты, и в реках не тонут, и в огне не горят. Зачем же они будут погибать в песке?

Самандар открыл глаза и попытался объяснить:

— Я, видно, поставил ногу в неподходящее место, она, и подвернулась.

Джура помог ему подняться, отряхнул пыль и усадил на мешок. Ноги болели, но, чтобы не расстраивать Джуру, Самандар решил не говорить об этом. Кусая губы, он помогал товарищу выталкивать мешки наверх, затем развернул свою машину и взял грузовик товарища на буксир. Бесполезно. Тогда они вдвоем освободили кузов от мешков и после короткого отдыха снова взялись за тяжелую работу. Наконец застрявшая машина была освобождена из плена. И они, словно дети, закричали «ура», как только гудение двух моторов привело в содрогание холмистую степь. Уже наступали сумерки, когда бесконечно усталые, но ободренные победой водители привели свои машины в пункт назначения.

На другой день после этого происшествия Самандара вызвали в Дилькушо на автобазу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Увидев Гиясова расстроенным, Самандар постеснялся спросить о причине плохого настроения. Он уселся напротив и посмотрел на парторга, как бы говоря: «Я вас слушаю».

— Самандар, — тихо произнес Гиясов, — это я вас

так срочно вызвал. Надо ускорить подготовку партийного собрания, о котором мы с вами, родной, говорили. Причина, во-первых, в том, что меня берут на другую работу.

— Вас? — опешил Самандар, почему-то решивший, что Гиясова переводят с понижением.

— Да, меня, — подтвердил секретарь и улыбнулся. — Так что придется нам расставаться, родной.

— Но куда вас направляют? — не вытерпел Самандар.

— В соседний район, — пояснил Гиясов, — там открывается новая автобаза. Во-вторых, родной мой, по плану горкома партии в скором времени на бюро будет слушаться вопрос о нашей автобазе.

— Когда же надо провести собрание? — поинтересовался Самандар.

— Это зависит от вас. Будете готовы, проведем на следующей неделе.

— Хорошо, — согласился Самандар, немного подумав. — Можно считать, что я к этому готов.

— Превосходно, — одобрил Гиясов. — Через два дня вернется автоколонна с уборочной, и мы можем собрать коммунистов. Идет?

— Идет, — подтвердил Самандар и встал со стула. Но Гиясов жестом попросил его задержаться.

— Я еще не все вам сказал, — вздохнул он, — как только освободитесь, зайдите ко мне. Я должен сдать вам кое-какие документы.

Самандар, ничего не понимая, пожал плечами.

— Это товарищи из горкома порекомендовали, — пояснил Гиясов. — До проведения выборов нового состава бюро вы должны ознакомиться с ведением нашего партийного хозяйства.

— Почему я? — удивился Самандар. — Ведь меня не избирали.

— Пока что нет, — улыбнулся Гиясов, — но будущее покажет. Вы недавно пришли в наш коллектив, но своими организаторскими способностями завоевали уважение товарищей. А ведь избирают они.

Самандар растерянно смотрел на парторга...

Партийное собрание состоялось в пятницу. К этому времени на базу возвратились все машины, принимавшие участие в вывозе пшеницы на обмолот. По основ-

ному вопросу повестки дня докладчиком был утвержден Муслимов. Собрание объявили открытым. Вопрос о быте рабочих касался всех. Большого зала на базе не было, и поэтому собрание решили проводить прямо во дворе. Как обычно, в самом первом ряду восседал Тура Салимович. Он был чем-то недоволен, а после того как никто не предложил его кандидатуру в президиум, и вовсе надулся. Председателем собрания избрали Гиясова. Прежде чем предоставить Самандару слово, он дал ему краткую характеристику, отметил высокую профессиональную подготовку и принципиальность, добрую общительность с товарищами. Собравшиеся притихли и с большим вниманием слушали Гиясова. Потом с мест раздались голоса:

— Знаем Муслимова, отличный парень! Товарищ что надо! Настоящий фронтовик.

Самандар подошел к выкрашенной в красный цвет деревянной трибуне. От волнения лица расплывались у него перед глазами.

— Товарищи! — едва слышно начал Муслимов, но постепенно успокоился, и голос его обрел уверенность и твердость. — Скажу честно, когда партийная организация поручила мне выступить с докладом на тему «Улучшение условий труда — залог увеличения его производительности», я обрадовался. Хотите знать почему? Очень наболевший это вопрос. На нас возложены огромные задачи. Нельзя сейчас представить ни одну отрасль хозяйства без автомобильного транспорта. Большинство грузов в стране перевозят шоферы. Нас, водителей, недаром называют капитанами земных трасс.

Эти слова вызвали аплодисменты. Один только Тура Салимович холодно и презрительно посмотрел на докладчика. Оттого, что из уст Самандара он впервые услышал впечатляющие цифры, о которых и понятия не имел, ему стало неловко, но Тура Салимович тотчас же себя и оправдал. «Зачем же мне слушать этого выскочку, который сообщает с важным видом прописные истины». Когда хлопки утихли, Муслимов продолжал свою речь с еще большим энтузиазмом:

— Я такой же, как и большинство из вас, рядовой водитель, товарищи... У нас гордая и почетная профессия. Но вот в чем дело. Когда я бываю в аэропорту, то

с интересом наблюдаю за работой и жизнью летчиков. В авиации высокая организация труда. Летчика не выпустят в полет, если он плохо отдохнул или не вовремя поел. На месте промежуточных посадок все заранее приготовлено для осмотра машины, а для экипажа — девяносто девять удовольствий, включая душ и комнату отдыха с белоснежными простынями. Разве не так?

Собрание загудело одобрительно. А Самандар спросил:

— Как вы считаете, наших крылатых друзей так почитают лишь потому, что у них опасная работа? Правильно. У тех, кто водит воздушные корабли, на пути нередко возникают сложности и опасности. Но ведь и у нас они есть. Разве нашим водителям не приходится во время рейсов проявлять решительность, мужество и мастерство?

— Верно! Нам тоже достается! Так говоришь! — слышались одобрительные выкрики. Один Тура Салимович плотно сжал губы и думал: «Ладно, посмотрим, к чему он клонит». Самандар же продолжал:

— Наша работа напряженная и опасная, поэтому и надо помнить о самочувствии водителя. Не надо далеко ходить за примерами. Все вы знаете, что произошло недавно с нашим уважаемым Джурой-ака. Он только что вернулся из двенадцатичасового рейса и был немедленно, безо всякого отдыха, отправлен в Сараншайтан. Ночью, по крайне опасной дороге.

— Об этом мы еще сами скажем, — раздался с задней скамьи голос Джуры-шутника.

Тура Салимович заерзал на стуле. «Кажется, в мой огород камешки полетели», — тревожно подумал директор.

— Чем закончился этот рейс, вам известно, — оглядел собравшихся докладчик. — Или взять хотя бы перевозку зерна, с которой только что возвратились водители. Лодырей и трусов наша работа не любит. Трудились в нелегких условиях. И никто не роптал, не хныкал. По четыреста-пятьсот километров приходилось в день на одну машину. Разве не так я говорю?

— Так! — загудело собрание.

— И еще по какой дороге! — продолжал Самандар. — Даже в том случае, когда на пути не встречалось никаких препятствий и средняя скорость равня-

лась сорока километрам, без учета времени на осмотр и заправку машины, водитель должен был работать самое малое по четырнадцать часов. Мы возили хлеб. Хлеб для нашей Родины! И каждый чувствовал, какая ответственность на него возложена. Однако, мне кажется, нельзя спекулировать на высоких чувствах. Разве нельзя было выправить вовремя дороги и мосты? Разве нельзя было позаботиться о том, чтобы и в этой сложной командировке шоферам было где отдохнуть, подкрепить силы? Тогда и задание было бы выполнено куда быстрее.

— Правильно! — снова раздалось с мест. — Сами виноваты, раз молчим!

Самандар, прося тишины, поднял руку.

— Подождите, товарищи, я не все еще сказал. По моему, мы должны не просить, а требовать.

Собрание одобрительно загудело, а Тура Салимович стал озиаться по сторонам, как бы ища сторонников, затем вынул платок и отер со лба крупные капли пота.

— Мы должны организовать регулярное медицинское обследование наших шоферов. У ловцов змей есть одиннадцать заповедей. Одна из них гласит: «Если у тебя на душе неспокойно, не выходи на ловлю». Вот и нам нельзя посылать в рейс людей, у которых что-нибудь не в порядке, пусть это будет здоровье или быт. И вообще я думаю, что хорошо было бы выработать устав для нас, шоферов. В первой части надо изложить требования к шоферу. Вторая часть устава, как мне кажется, должна представлять собой обязательный перечень условий труда шоферов. Хорошо, если бы министерство утвердило этот перечень. И вот я мысленно читаю последнюю графу такого устава. Если нет необходимых условий для организации труда и отдыха водителей, выезд на трассу запрещается. В конце концов, в нашем государстве существует кодекс законов о труде и коллективные договоры между работниками и администрацией, и никому не позволено забывать об этом!

Аплодисменты вновь прервали его. А Самандар говорил и говорил. Он поднял вопрос о том, почему сын Туры Салимовича, испортивший две машины, не понес за это никакого наказания и сухим вышел из воды.

Гул на скамейках все рос и рос. Тура Салимович побагровел от ярости и уже не оборачивался назад. Узкие его глаза так и сверлили Самандара. А тот, стараясь перекричать возникший шум, уже рубил с трибуны последние фразы:

— Товарищи, отмалчиваться мы не имеем права. Пусть каждый смело, не взирая, как говорится, на лица, встанет и скажет обо всем, что наболело у него на душе. Только открыто и честно критикуя недостатки, можно добиться успехов.

— Верно! — закричал с заднего сиденья Джурашутник. — Самандар научился обходиться без костылей, а наша автобаза все еще на костылях ходит. Давайте последуем славному примеру солдата!

Тура Салимович обернулся и выразительно посмотрел на сидевшего за его тучной спиной заведующего гаражом. Шер-ака тотчас же понимающе кивнул. «Молодец, — подумал директор, — верный человек. Сейчас он поставит на место этого юнца».

В эту минуту послышался голос Гиясова:

— Переходим, товарищи, к прениям. — Он оглядел присутствующих.

Шер-ака поднял руку. А Тура Салимович поудобнее уселся на своем стуле, даже на спинку облокотился с победным видом. Шер-ака не опеша вышел на трибуну, молча глянул в «зал» и показалось ему, что уж очень много людей пришло сегодня на собрание. Победив минутную неуверенность, он высоко поднял голову, уперся взглядом в горные отроги.

— У меня не было желания говорить, — начал он и, сделав паузу, бросил взгляд на докладчика. — Однако последние слова Самандарджана относились и ко мне. И молчать мне теперь трудно. Меня некоторые, наверное, считают слабовольным, а то и угодливым человеком.

— Есть такое, — громко прозвучал чей-то голос.

— Вот, вот, — казалось, с удовлетворением подхватил Шер-ака. — Но правильно ли это? — Он медленно покачал головой. — Нет, неправильно. Дорогие товарищи сотрудники, у меня нет чувства боязни, я не заискиваю перед начальством, поверьте. Просто я привык к дисциплине, к порядку. Подумайте сами, что бы прои-

зошло, если бы мы отказались выполнять приказания начальника?

— Да, это так, — без большого энтузиазма поддакнул какой-то шофер.

— Подчиняться начальнику — мое первое правило, — продолжал Шер-ака, — лишь в этом случае я считаю, что честно выполняю свои обязанности.

Тура Салимович удовлетворенно потер руки и осклабил в улыбке мелкие зубы. «Вот это дает, вот это режет, сразу поставит всех на место. Давай, давай, дорогой Шер-ака!» — мысленно подбодрял он подчиненного. Шер-ака замолчал, шумно вздохнул.

— Да, да, — с вызовом повторил он, — подчиняться начальнику — мое первое правило. Но что поделаешь, если начальник неподходящий? Разве в этом моя вина?

Тура Салимович застыл, и глаза его в немом удивлении уставились на трибуну, будто с нее говорил вовсе не покладистый и послушный Шер-ака, а кто-то другой, дерзкий, затаивший к нему недоброе чувство. А Шер-ака ровным голосом продолжал свою речь, и каждое слово было сейчас для директора пыткой, ибо рушился самый главный его бастион.

— Я работал со многими начальниками и выполнял их распоряжения добросовестно. Скажу по-честному, это приносило общую пользу, обогащало обоюдным опытом. Но с таким начальником, как наш директор, я больше работать не могу. Он ни с кем не советуется, никогда не прислушивается к замечаниям подчиненных, любит одного себя. Об этом, впрочем, скажут и другие... Я же хочу остановиться на другом вопросе. Давайте, товарищи, поговорим о запчастях. Они для машины все равно что лекарства. А у нас? Разве мы вдосталь даем шоферам эти лекарства? Разве мало случаев, когда водители в горах, особенно в трудное зимнее время, застревают в пути, терпят бедствие? И все из-за отсутствия запчастей. А ведь есть и такие запчасти, без наличия которых вообще нельзя ставить подписи в путевом листе и выпускать машину за ворота. А мы ставим и выпускаем. Разве это правильно, Тура Салимович?

Шер-ака махнул рукой и сошел с трибуны, а его место тотчас же занял разгоряченный Джура-шутник.

— Ой, какой я плохой оратор, ой, как не умею говорить, — запричитал он, молитвенно сложив на груди руки. — Мне еще в детстве отец говорил: «Не выступай, Джура, на собраниях». Но что поделаться, если я сегодня тоже не могу молчать. Иногда я жалею, что стал шофером. А почему? Я моложе Туры Салимовича на пять-шесть лет. Возможно, у меня и опыта меньше, ведь я не работал в десяти-пятнадцати местах, как он.— Послышались смешки, но Джура-шутник неодобрительно покачал головой, и шум стих.— Я всего лишь рабочий, двадцать с лишним лет работаю вот здесь, на одном месте, на нашей базе. За одно только это человек достоин уважения. А у нас как? Если вдруг и в полночь директор захочет услышать шум мотора — Джура беги, будь козлом отпущения. Да и не только Джура, ко всем такое отношение со стороны нашего Туры Салимовича. Все вы хорошо знаете о моей поездке в Сарсан-шайтан. Было бы не обидно, будь поручение серьезное. Так нет же. Оказывается, погнали меня затем, чтобы всего-навсего узнать, приедет ли завтра к нашему начальнику его друг на плов. Смотрите, какая чуткость и какое внимание! Вы спросите, как я об этом узнал? Нет, конверта не вскрывал, как можно! Просто друг нашего начальника на ночь глядя не смог найти карандаш и потому велел передать ответ устно. Но это, конечно, еще не все. Выгрузили из кузова какие-то ящики, и он на ухо мне сказал: «Передай, что груз я получил. Спасибо. Но, кажется, пяти-шести штук недостает. Пусть он их поскорее пришлет».

Тура Салимович побледнел и закричал с места:

— Ложь! Прекратите нести всякий вздор!

— Тура Салимович, призываю к порядку, — остановил его Гиясов, — будете говорить, когда возьмете слово.

У директора лицо и шея налились кровью. Сжав кулаки, он вскочил со стула.

— Нечего мне здесь говорить. Мы еще с вами поговорим в соответствующем месте. Устроили судилище!

— Не судилище, а партийное собрание, — хладнокровно поправил Гиясов и, постучав о стол карандашом, кивнул Джуре-шутнику: — Продолжайте.

— А теперь я хотел бы спросить у Туры Салимо-

вича, — проговорил Джура и уничтожающе посмотрел на директора, — что осталось в тех ящиках, которые были оставлены под ответственность доверчивого нашего диспетчера Абдушукура?

Ряды сидящих на скамейках заволновались, и почти единодушный возглас «Пусть отвечает!» обрушился на директора, заставил его втянуть голову в плечи. Он медленно опустился на стул и несколько мгновений оставался недвижим, как памятник. Все ждали, что он поднимется на трибуну, но этого не случилось. Внезапно Тура Салимович вскочил, натянул на голову шляпу и тонким срывающимся голосом вконец взбешенного человека нелепо выкрикнул:

— Я с вами еще поговорю... особенно с зачинщиками! Только не здесь, а в государственном кабинете, потому что я лицо государственное! — и торопливыми шагами направился к воротам автобазы.

Восстановив тишину, Гиясов дал слово Абдушукуру. Затем выступили еще несколько человек. Предложение об уставе и серьезная критика администрации были единодушно внесены в резолюцию. Собрание закончилось поздно, в небе уже зажглись первые звезды, мошара успела облепить семилинейную керосиновую лампу, поставленную на трибуне. В проходной Самандара остановил Мирзо-бобо, потянул за руку в свою каморку.

— Выпей, сынок, пиалу крепкого зеленого чая. — И когда тот с наслаждением сделал первые два глотка, вдруг прибавил: — Будешь долго жить, сынок!

— Почему же, Мирзо-бобо? — рассмеялся Самандар.

— О! Все я вижу, — улыбнулся старик. — У того, кому близки горести и радости других, всегда здоровое и крепкое сердце, ни одна болезнь не подточит.

— Спасибо, дедушка Мирзо, — поблагодарил Самандар.

— И тебе спасибо, — откликнулся старик, — за хорошую речь на партийном собрании спасибо. Я ведь и отсюда все слышал.

Покинув автобазу, Самандар медленно шел к городу. У железнодорожного переезда услышал за своей спиной оглушительный треск мотоцикла. Поравнявшись с ним, мотоцикл заглох, с седла прыгнул сын директора. Самандар уже сталкивался с ним. Как-то

он даже попытался дать Марату несколько добрых советов, но тот его вызывающе оборвал и выкрикнул:

— Я знаю, ты мстишь мне за Зумрад!

Самандар весь побагровел, но сдержался и не ответил на эту выходку. В свою очередь и Марат почему-то вдруг виновато опустил голову.

И вот сейчас Марат подошел к Муслимову без обычной своей нагловатой ухмылки.

Самандар, в свою очередь смущенный видом парня, подумал: «Кто его знает, возможно, в чем-то я и не прав. Ведь не пропащий же он. Избалованный, самолюбленный, но вовсе не пропащий».

— А, это ты, Марат? — сказал он приветливо. — От куда и куда?

Очевидно, добрые нотки в голосе Самандара тронули парня. Он молча протянул руку, чего никогда раньше не делал. Марат явно волновался. Он то сдвигал густые черные брови, то пропускал сквозь пальцы взъерошенные, как у ежа, волосы, отбрасывая их назад. Откуда вдруг взялась такая кротость у всегда многословного, любившего всех поучать директорского отпрыска?

И вдруг Самандар догадался: «Уж не по поводу ли угнанной вчера машины?»

— Что случилось, Марат? — делая вид, будто не в курсе событий, по-дружески спросил Самандар.

Марат опустил голову. Ему хотелось все начистоту выложить этому строгому и честному парню в гимнастерке, ему казалось, что именно солдат поймет его и, может быть, даже поможет, но он не знал, как это сделать, и потому молчал.

А дело было так. Вчера после окончания рабочего дня Марат привел на автобазу одного из своих дружков. Увидев, что Абдушукура нет в диспетчерской, он обманул Мирзо-бобо. Издали показав старику листок бумаги, Марат сказал:

— Отец распорядился, чтобы я взял с автобазы машину и с друзьями приехал домой.

Не успел Мирзо-бобо потянуться к бумажке, как Марат спрятал ее в карман. Затем, быстро подогнав к воротам одну из новых машин, крикнул:

— Что же вы стоите как истукан? Открывайте ворота, бобо, мой отец не любит ждать. — Растерявшийся

Мирзо-бобо открыл ворота, но как только машина выехала, немедленно позвонил Туре Салимовичу домой. Тот коротко ответил:

— Мой сын знает, что делает, — и повесил трубку.

Но беспокойство не покинуло старика, и через полчаса раздумий он позвонил Гиясову. Того дома не оказалось, — уехал в район. Тогда Мирзо-бобо еще раз побеспокоил директора. На этот раз Тура Салимович нервозно ответил:

— Помни, если что-либо случится, не ты будешь отвечать, а я, так что не беспокой меня, неугомонный старик.

Мирзо-бобо только вздохнул. Старик и подумать не мог, что парень увел машину только для того, чтобы показать товарищу, какой он смелый и находчивый.

Марат пересек перекресток и вдруг ему в голову пришла неожиданная мысль: «Надо, чтобы за рулем меня увидела Зумрад». Насвистывая веселый мотивчик, Марат повернул к школе, в которой работала девушка. Остановившись невдалеке, он поманил первого попавшегося ученика и попросил позвать учительницу. Сам же отошел к киоску. Вскоре появилась Зумрад, обеспокоенно посмотрела вокруг и, никого не увидев, собралась было уходить. Тогда Марат вышел из укрытия.

— Куда же вы? — промолвил он, пытаясь схватить ее за руку.

Девушка резко сдвинула брови.

— Я, кажется, вас просила сюда больше не приходить и от дела меня не отрывать.

— Ха-ха! — рассмеялся Марат. — Подумаешь, какая недотрога. Чем вы лучше меня, позвольте спросить? Если захочу, я даже гурию могу заставить преклонить передо мною колени.

— Так ступайте к этой самой гурии, — бросила выведенная из терпения Зумрад.

Она хотела как следует отчитать этого напыщенного щеголя, но постеснялась сновавших вокруг ребятишек и только осуждающе покачала головой.

— О-о! — протянул Марат. — А вы знаете, я не из тех, кто привык выслушивать мораль из уст девушек.

— Вот и отлично, — отрезала Зумрад, — будьте папенькиным сыночком, выслушивайте мораль от него и не ходите за мной по пятам.

Марат покраснел, как морковь, но, испугавшись, что весь их разговор может услышать приятель, сидящий в кабине, сразу утих.

— Ну хорошо, красавица, — прошипел он, — пождем, пока вы будете сговорчивей.

Открывая дверцу машины, он развязно бросил другу:

— Ну как, ничего? У нее и подруга такая же. Если хочешь, познакомлю.

Приятель захохотал.

— Да нет, оставь. У нее слишком острый язык. Нам это не подходит.

Марат понял, что тот все слышал, и не стал продолжать разговора. Вдоволь накатавшись по городским улицам, он повернул машину в горы. Его товарищ сначала молчал, но увидев, что Марат свернул с дороги, обеспокоенно заметил:

— Ну куда тебя понесло? Здесь же дорога кончилась. Разве можно в горы по целине переть?

— Ничего, машина новая, выдержит, — огрызнулся Марат. — И потом, сам же ты просился в горы. Вот я тебя и везу.

— Ой, не глупи, Марат, разве по таким тропинкам на машине ездят? Здесь и кони, наверное, не ходили.

— А ты что, испугался? — презрительно бросил Марат. — Все хочешь по правилам? Пускай всякая серость живет по правилам. Надо прославиться. Сделать то, чего до тебя никто не делал. Что за удовольствие ходить по проторенной дорожке? Пусть бесхарактерные ходят. Или трусишь?

Приятель с сомнением покачал головой.

— Дело не в трусости. Есть смелость умная, а есть...

— Глупая, хочешь сказать?

— Хуже. Равносильная самоубийству.

— Ничего страшного, обойдется, — самоуверенно заявил Марат. — Я и за машину, и за тебя отвечаю. А уж если ты так испугался, можешь сойти. Я же буду и дальше подниматься по тропе смельчаков.

Поняв, что спорить бесполезно, приятель замолчал.

Хотя Марат включил первую скорость, они поднялись уже высоко. И слева и справа чернели пропасти, туда даже посмотреть было страшно. Малейшая неточ-

ность в движении руля — и машина неминуемо свалится. «Какая глупость, — ругался мысленно товарищ Марата, — погибнем как два дурака». Однако маленькое несчастье спасло их от большого, а скорее всего, от верной гибели. На пути у них оказалась большая яма. Марат растерялся, и машина нырнула в нее носом. Тотчас же со страшным треском разломился кузов. Машина легла на правый борт, так что приятель Марата уже не в состоянии был открыть заклинившуюся дверцу. Да он и не смог бы этого сделать — от сильного удара он потерял сознание. Марат, выбиваясь из последних сил, вытащил его из машины.

Марат едва сдержал крик отчаяния. Он устремился по горной тропинке вниз. К его счастью, навстречу шла машина. В кузове сидели трое. Они тотчас же пришли на помощь. Раненого перенесли в грузовик и немедленно доставили в больницу. Как выяснилось, юноша получил сотрясение мозга.

Надолго запомнился Марату презрительный взгляд медсестры и ее краткое и гневное. — «дрянь!».

Несчастье в горах впервые заставило Марата серьезно задуматься. «Какое право я имел подвергать опасности жизнь товарища, да и машину брать не имел никакого права». Он не мог теперь выйти из дому, взглянуть в глаза знакомым. Вспоминая все свои последние выходы, Марат не находил себе оправдания. И, окончательно сломленный укорами совести, решил во что бы то ни стало найти Самандара, поговорить с ним. Чем-то подкупил его этот бывший солдат, такой твердый и уверенный. Подумалось парню, что только Самандар в состоянии помочь разобраться в том, что с ним творится. И вот теперь, из последних сил стараясь казаться хладнокровным, Марат сказал:

— Ты знаешь, я разбил машину.

— Знаю, — сухо ответил Самандар. — А вот зачем тебе понадобилось забираться в горы, не знаю.

— Хотел по тропе добраться до вершины.

— По тропе, когда есть дорога?

Марат молча опустил голову.

— Да. Неприятно. Ты был один?

— Нет, с товарищем.

— Где он?

— Сейчас в больнице.

— А машина?

— На автобазе. Пригасили трактором.

Самандар плохо видел в темноте лицо парня, но понял, что прежнюю постоянную улыбку как рукой сняло.

— Самандар-ака, — неожиданно перешел на «вы» Марат, и в голосе у него появились какие-то очень серьезные нотки, — мне очень надо с вами поговорить. Только не здесь. Давайте поедем в горы.

Самандар удивленно пожал плечами:

— В горы так в горы, — и поглядел на часы. — Только не по тропинке, разумеется, а по нормальной дороге.

— Вы поведете мотоцикл? — спросил Марат, но тотчас осекся. — Простите, я забыл про ваши ноги. — Он уже собирался сесть впереди, но Самандар мягко положил руку ему на плечо.

— Зачем же так? Приглашаешь меня, а сам берешься за руль. Уж как-нибудь справлюсь.

Мотоцикл с ревом устремился по дороге в горы. Остановились у подножия, возле большой арчи. Это было памятное Самандару место. Он часто приходил сюда. Сев на огромный валун, Самандар с наслаждением вобрал в себя вечерний прохладный воздух, посмотрел на весело мелькавшие внизу огоньки родного Дилькушо. Жестом пригласил сесть рядом Марата.

Не было в его голосе ни злости, ни неприязни, когда он сказал:

— Эх, Марат, Марат! Видишь, чем кончились твои легкомысленные выходки!

Не отвечая на упрек, Марат отвел глаза от собеседника и неожиданно хрипло спросил:

— Это правда, что вы критиковали моего отца?

Самандар удивленно расширил глаза: неужели Тура Салимович рассказал сыну о том, что было на партийном собрании?

— Правильно сделали, — еще более неожиданно продолжал Марат.

Он опять запустил пальцы в свои жесткие волосы. Грустная усмешка появилась на тонких красивых губах.

— Самандар-ака, вам трудно было научиться ходить?

— Трудно, Марат, очень трудно,

— И правда то, что один из своих орденов вы получили после того, как вынесли из-под бомбежки раненого водителя?

— Правда, Марат.

— Как здорово! Я бы никогда не смог этого сделать.

— Это ты зря, парень. Разве бросил бы ты под обстрелом раненого товарища?

— Не знаю,— прошептал Марат и неожиданно повеселел:— А знаете, пожалуй, нет. Вы как считаете?

— Считаю, что не бросил бы,— подтвердил Самандар,— не оставил же ты в кабине раненого сейчас, а побежал звать на помощь.

Помолчали. Месяц, поднявшийся над горными вершинами, излучал блеклый свет.

— Самандар-ака, — нерешительно заговорил парень, — скажите, отчего так происходит? Я часто слышу: пусть каждый мыслит самостоятельно. Но когда начинаешь в чем-то поступать самостоятельно, не как все, окружающие тебя осуждают. Почему мы нередко с осуждением говорим, что вот такая-то девушка отрезала косы или носит короткую юбку, а такой-то парень слишком модную прическу? Почему каждый не может жить по-своему? Неужели те, кто призывает к давним порядкам, не понимают, что они живут в двадцатом веке? Почему они хотят каждого сделать обязательно похожим на себя. Ведь у каждого человека свои привычки, наклонности и особенности. И вот, когда мне начинают надоедать общепринятой моралью, в душе просыпается такая злость, что я думаю: неужели я не могу сам найти собственную дорогу...

— Запомни — дорогу, но не тропинку, на которой можно сломать не только машину, но и голову, — вставил Самандар. Он посмотрел на сына директора и покачал головой. Нет, Марат не был сейчас похож на легкомысленного повесу, беспечно шляющегося по улицам в поисках развлечений. Видно, впервые юноша раскрыл свою душу доверчиво и охотно. И сколько в этой душе было наболевшего и... наивного!

— Ты чудак, — сказал мягко Самандар, — как же в этот самый двадцатый век, о котором ты говоришь, можно быть свободным от общества? Общество будет трудиться, возводить заводы, каналы, города, а ты бить

баклуши и пользоваться для этого деньгами, заработанными трудом других! Этого ты, что ли, захотел?

Марат отрицательно покачал головой.

— А модные прически и брюки — это другое дело, — отмахнулся Самандар. — Носи на здоровье, если есть охота. Только не забывай о главном. В нашей стране человека формирует только труд, потому-то она и называется социалистической. Можешь сейчас мне возразить, что я, мол, утомляю тебя политграмотой, но это так, и других слов я для тебя не найду — их просто не существует.

Самандар задумался. В его памяти встал другой человек: упрямый и хвастливый, чересчур самонадеянный и высокомерный, игнорирующий всех, кто ниже его по должности, то слащаво вежливый, если это выгодно, то откровенно грубый и мстительный. Зовут этого человека Тура Салимович. Каким мог воспитать такой человек своего сына? Конечно, по своему образу и подобию. К счастью, повзрослев, сын стал критичнее относиться и к себе, и к отцу. Нет, он еще не нашел себя. Но хорошо уже то, что Марат умеет глянуть на себя со стороны.

— Марат, — неторопливо продолжал Самандар, — ты, кажется, стал задумываться о своей дальнейшей судьбе, правильно делаешь. Люди, привыкшие делать неприятности другим, постепенно становятся чужими для окружающих, теряют авторитет. Поэтому в жизни трудно существовать индивидуалистом. Это аксиома. Человек становится ценным, если он всего себя отдает делу народа, обществу, членом которого является. Видишь, я тебе опять из политграмоты истины излагаю. Но опять-таки, только барон Мюнхаузен мог вытащить себя из болота, ухватившись за собственный парик.

Марат беспокойно заерзал.

— Самандар-ака, но я не во всем согласен с вами. По-вашему, надо всегда жить, как все, и ничего не делать, как тебе хочется? Но ведь тогда люди перестанут отличаться друг от друга. Разве не так? Что интересно в такой жизни?

— Постой-ка, Марат, — прервал его Самандар, — ты путаешь две вещи. Конечно, человек должен быть оригинальным и самобытным, но то он и человек. Но внешняя оригинальность еще не делает его таким.

Марат задумался. Каждую мысль Самандара он придиричиво взвешивал, прежде чем с ней согласиться.

Вдруг юноша тепло посмотрел на своего собеседника и совсем по-детски улыбнулся:

— Самандар-ака! Мы с вами сейчас похожи на строгого учителя и растерявшегося школьника.

— Зачем же так? — улыбнулся ответно Самандар. — Скорее на двух друзей, одного из которых жизнь потрепала больше. Я же к тебе с открытым сердцем.

— И я к вам тоже, Самандар-ака. Еще ни с кем так откровенно не говорил. Спасибо вам за все.

Г Л А В А С Е Д ь М А Я

Прошло десять дней, а Тура Салимович все еще не показывается на автобазе. Прошел слух, будто отправился он в областной центр искать поддержки. Кто-то сочувственно заметил: «Как бы он с нашим Самандаром не расправился», — но находившийся поблизости Джура-шутник тотчас же оборвал:

— Э, приятель, ты считай цыплят по осени. В наше время правых не делают виноватыми.

И вот Тукли положил конец догадкам и пересудам. Он подал на увольнение «по собственному желанию». Когда Джура-шутник спросил Тукли, почему он уходит, тот презрительно ответил:

— Нечего мне делать в этом рассаднике сплетен.

— А знаешь что тебе скажу? — засмеялся Джура. — Вот ты уйдешь, и сплетни сразу прекратятся.

Самандар мыл машину, когда к нему приблизился Тукли. Не поздоровавшись, он остановился рядом, небрежно засунув руки в карманы. Самандар сделал вид, что не замечает его, и продолжал заниматься своим делом. Тукли засопел и с наигранным сочувствием сказал:

— Жаль мне тебя, братец. Тура Салимович мне сказал, что дойдет до большого начальства, но оскорбления и подрыва своего директорского авторитета не допустит.

— Да, вы-то что меня жалеете, Тукли-ака? Можно подумать, я вам родной сын.

— Сын не сын, — нахмурился Тукли, — а предупре-

диль должен. Смотри, наживешь себе, парень, большие неприятности.

— Вы мне угрожаете? — Самандар в упор уставился в мигающие глазки Тукли.

— Нет, зачем же. Просто у Туры Салимовича надежные друзья. Скрутят они вас в бараний рог, если не будете слушаться.

Самандар повернулся к нему спиной и принялся за прерванную работу. В последней надежде Тукли зашептал:

— Послушай меня, человек упрямый. Хозяин еще никуда не пошел. Попроси прощения, дай слово исправиться, и он тебя даже повысит по службе.

Самандар, выпрямившись, спросил:

— Вы сейчас идете к Туре Салимовичу?

— К нему, к нему, — поспешно подтвердил Тукли. — Может быть, что-то передать от вас?

— Передайте, что комиссия закончила проверку, послезавтра состоится заседание бюро горкома, на котором Тура Салимович обязан присутствовать. Буду благодарен, если выполните мою просьбу.

Тукли постоял-постоял, тяжело вздохнул и направился к проходной. На приглашение Мирзо-бобо выпить чашку чая зло пробурчал: «Оставь меня в покое, дед», — и выскочил на улицу, словно за ним гнались.

Директор на работу так и не вышел. Самандар увидел его только на бюро горкома. В тот день здесь собралось много людей. Первым в повестке дня бюро стоял вопрос о кадрах. Как только его обсуждение закончилось, волна посетителей схлынула и сразу стало просторнее. Поднимаясь по лестнице, Самандар повстречался с Тухтаевым. Тот дружелюбно протянул руку.

— Волнуешься?

— Еще бы! Я и подумать не мог, что мне предложат докладывать.

— Ты выдержишь этот экзамен, — все так же дружелюбно заверил Тухтаев. — Главное, говори дело, по- существу.

В кабинете первого секретаря по обе стороны длинного стола сидели человек десять. Во главе — сам секретарь. Несмотря на дневной зной, влившийся в распахнутые окна, он был в костюме и галстуке. Посмот-

рев на бумаги, лежавшие в раскрытой папке, он спросил, не поднимая головы:

— Товарищ Кельдыев здесь?

Тура Салимович, услышав свою фамилию, слегка побледнел, нервно сцепил пальцы и облизнул сухие губы. Медленно и нерешительно встал.

— Расскажите о делах на автобазе.

Директор оглядел всех сидящих за столом и начал:

— Товарищи члены бюро, товарищ первый секретарь, пусть вам будет известно, что я с тридцатых годов на ответственных должностях.

Первый секретарь прервал его:

— Простите, товарищ Кельдыев, мы вам предоставили слово вовсе не для того, чтобы узнать вашу биографию. Расскажите нам, почему на автобазе положение ухудшается с каждым месяцем.

— Товарищи члены бюро, — покраснел от натуги Тура Салимович, — когда я принял автобазу, это было очень запущенное и отсталое предприятие.

— А сейчас? — язвительно спросил второй секретарь. Тура Салимович смутился.

— Сейчас? Действительно, сейчас... — мямлил он и стал вытирать платком выступивший на лбу пот. — Я полагаю, что сейчас положение на автобазе гораздо лучше, чем было до моего прихода.

— А сколько рублей штрафа уплатила за простой автомашин база за последние четыре месяца? — заинтересовался кто-то из присутствующих.

— Этой цифры у меня нет...

— А сколько человек принято на работу за время вашего руководства и сколько из них уволено?

Опустив голову, директор тихо сказал:

— Я не справлялся об этом в отделе кадров.

Второй секретарь усмехнулся:

— Сейчас на автобазе большая нужда в запчастях. И в это время у вас обнаружена нехватка деталей на десятки тысяч рублей. Об этом вы осведомлены?

Тура Салимович пожал плечами.

— Это ошибка диспетчера... — пробормотал он.

— Материально ответственное лицо вы, причем здесь диспетчер? Кроме того, это не единичный случай.

— Какой убыток нанесла автобаза государству за последний год?

Голова Туры Салимовича опустилась еще ниже.

— Вы знали, что будете заслушаны на бюро горкома партии?

— Да. Знал.

— Почему же пришли неподготовленным?

— Я думал, что такие вопросы будут задаваться моим заместителям.

— А вы для чего?

— Я — начальник.

Первый секретарь кивнул:

— Довольно. Садитесь.

Директор, растерянный, отошел от стола и сел на один из стульев у стены.

Пришел он в себя только тогда, когда услышал новый вопрос:

— А где парторг автобазы?

— Его здесь нет, — ответил Тухтаев. — Гиясов приступил к работе на новом месте, а партийные дела пока ведет товарищ Муслимов.

— Он здесь?

Самандар поднялся со стула.

— Пожалуйста, товарищ Муслимов, — посмотрел на него первый секретарь. — Мы вас слушаем.

— На базе я работаю недавно, — уверенно начал Самандар, — и, может быть, новому человеку бросается в глаза гораздо больше, чем старожилам. Выводы комиссии, обследовавшей автобазу, справедливы. Положение тяжелое. Для исправления его мы принимаем сейчас самые срочные меры. Изменили систему планирования перевозок. Договорились с главным врачом городской поликлиники, что раз в неделю будем производить осмотр шоферов перед выездом в рейс. Вскоре организуем постоянный медпункт. Комиссия из трех человек будет проверять техническое состояние машин и отстранять от эксплуатации негодные. Наметили меры по улучшению условий труда и отдыха рабочих базы, по повышению ответственности и заинтересованности в труде каждого водителя.

Первый секретарь внимательно слушал речь Самандара и одобрительно постукивал по столу красным карандашом.

— Однако ряд вопросов мы не можем решить самостоятельно. Нужна помощь горкома партии. — Саман-

дар уже совсем справился с волнением, говорил спокойно и неторопливо:— На последнем партийном собрании у нас был поставлен вопрос об уставе.

— О чем?.. — удивленно переспросил второй секретарь.

— Об уставе шоферов... Рабочие выразили пожелание, чтобы был у нас свой особый устав. И не только для водителей нашей базы, а вообще для всех автобаз страны. Мы взялись разработать проект такого устава и отдать на рассмотрение в вышестоящие инстанции, прежде всего вам, товарищи члены бюро.

— Такой устав — дело сложное и ответственное, — заметил первый секретарь. — Когда будете составлять проект, не забудьте включить в него и такой пункт: на руководящую работу в автотранспортные хозяйства должны направляться только специалисты. Человек, которому доверяют руководство автотранспортным хозяйством, должен обладать глубокими техническими знаниями и опытом работы с людьми. Руководитель технически безграмотный, грубо обращающийся с рабочими, высокомерный, зазнавшийся, никогда не добьется успеха. При таком всегда будут аварии, всегда будут обиды, сплошные убытки.

Сказав это, первый секретарь метнул взгляд в сторону Туры Салимовича, затем снова ободряюще улыбнулся Самандару.

— Еще хочу сказать о проблеме рабочей силы, — продолжал Самандар. — Не знаю, как на других автобазах, но у нас труд водителя планируется неправильно. Мы очень часто физически перегружаем шофера, вместо того чтобы внедрить двухсменную работу! А техника? Да ведь мы только наполовину используем ее возможности. Мы подготовили все технические расчеты и просим разрешить нам в качестве эксперимента перевести автобазу на двухсменную работу.

— Верно. Что бы мы ни планировали, мы всегда должны думать о людях, о народном благе. Это у вас на автобазе работает бывший солдат, который на протезах управляет машиной?

Растерявшийся Самандар молчал.

— Что же вы молчите? — недоуменно спросил первый секретарь.

Тухтаев с места негромко подсказал:

— Товарищ Ниязов, так ведь Муслимов и есть тот солдат.

— Что ты говоришь?— смутился первый секретарь и с уважением посмотрел на Самандара. — Много слышал о тебе, ты настоящий коммунист.

После небольшой паузы секретарь продолжал заседание.

— Есть еще желающие выступить? Тогда разрешите мне. Мы, товарищи, своевременно поставили на повестку дня вопрос о работе автобазы. Там действительно много недостатков. И сейчас прежде всего нужно выявить, с кем мы будем исправлять эти недостатки? Я ознакомился с личным делом товарища Кельдыева. Не стану говорить, что было раньше, но только за последние пять лет побывал он на шести местах. Проваливался на одной работе и почему-то назначался на другую, еще более ответственную... Везде — или директор или начальник, хотя сферы деятельности абсолютно разные. Ни одной из них Кельдыев как следует не знал, поэтому и заваливал дела. Сегодня руководитель должен быть прекрасным знатоком дела, за которое отвечает, хорошим специалистом. А не обладаешь этими качествами — уйди, не мешай другим.

Секретарь сделал паузу, затем обратился к членам бюро:

— Какие есть предложения относительно товарища Кельдыева?

В комнате воцарилось молчание. Тура Салимович, тучная фигура которого, казалось, уменьшилась в объеме, переводил глаза с одного на другого.

— У меня есть предложение, — поднял руку второй секретарь. — За развал работы, за разбазаривание государственных средств предлагаю исключить Кельдыева из рядов Коммунистической партии и поставить вопрос о его отстранении от работы. Вопрос о хищении запчастей выделить особо и передать дело следственным органам.

— Какие еще будут предложения? Нет больше? Тогда будем голосовать... Кто за внесенное предложение — исключить Кельдыева из партии — прошу поднять руки.

— Все! — не вытерпев, ахнул Тура Салимович.

Все оглянулись на него.

— Пожалуйста, сдайте партийный билет, — предложил первый секретарь.

Бывший директор, бледный, обмякший, с трудом встал и шагнул к столу...

Дверь за Турой Салимовичем закрылась, а в комнате все еще царил тишина...

Тура Салимович не помнил, как в тот день добрался домой. Ничего не ответив на расспросы сына, с нетерпением дожидавшегося его, он вошел в большую комнату и бросился на диван. Долго не открывал глаз. Затем встал и сел за письменный стол. Достав чистый лист бумаги, написал: «Первому секретарю областного комитета партии товарищу...» Написал и задумался. Потом скомкал лист и бросил в угол. Выражение брезгливого недовольства опять появилось на его лице. Сейчас ему казалось, что он ни в чем не виноват. Просто окружающие завидуют ему, ненавидят за продвижение по службе. Он опять взял ручку. Пальцы заметно дрожали. Тура Салимович безнадежно махнул рукой и снова повалился на диван. Приоткрыв дверь, Марат нерешительно вошел в комнату, наклонился над отцом. На своей щеке Тура Салимович ощутил тревожное дыхание сына.

— Тебе плохо, папа?

— Да, плохо, — глухо отозвался гот.

— Ты знаешь, мне тоже плохо, — признался Марат. — Но я найду в себе силы исправиться. Ты тоже найдешь такие силы, папа. Надо бороться за то, чтобы вернуть доверие тех, с кем живешь и работаешь.

Тура Салимович молчал.

— Папа, — снова тихо сказал сын, — я хочу пойти работать на автобазу.

Тура Салимович тяжело вздохнул.

— Как знаешь, сынок. Может, так и надо.

Долго не мог уснуть в эту ночь Марат. Ему не давали покоя и горе отца, и свои собственные беды, и страстное желание искупить вину честным трудом. Но, к своему удивлению, проснулся он свежим и бодрым. Никогда еще не было так ясно в голове и так легко на сердце. Уверенно и спокойно шел он в это утро на автобазу. Поздоровавшись почтительно с Мирзо-бобо, стал искать своего нового друга — Самандара. Вдруг его окликнули:

— Марат, иди сюда!

Из-под навеса выглядывал Джура-шутник.

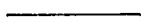
— Здравствуйте, Джура-ака, слушаю вас, — остановился Марат.

— Я знаю, кого ты ищешь. Не жди сегодня, дорогой юноша, Самандар-ака. Он не придет. Они сейчас хлопчут с Абдушукуром. Скликают чуть ли не весь Дилькушо в гости. Завтра свадьба.

— Это хорошо! — растерянно заулыбался Марат. — Я очень рад. Лучшего жениха Зумрад не найти.

— Я тоже так думаю, — весело забасил Джура-шутник, — ну, а теперь пошли к Шер-ака. Начинать честную трудовую жизнь.

Марат облегченно вздохнул и просветленным взглядом обвел далекие, синевшие от снега горные вершины. Снег был чистым, сверкающим. «Таким и человек должен быть в наше время», — твердо подумал Марат.

Сагдулла Караматов

КАПЛЯ
КРОВИ

Повесть

*Перевод
с узбекского
Б. Пармузина*

Солнце то сверкнет, бросив сноп лучей на стены мрачной цитадели — бухарского Арка, то снова спрячется за тучу. Арк в эти минуты будто появляется из грозной ночи. Невольно мурашки бегут по спине — так и кажется, что вот-вот выйдет из ворот глашатай и объявит высочайший указ о чьей-то казни.

Я смотрю не отрывая глаз на темно-серые ворота Арка. Именно через эти ворота, подстегиваемый громом залпов революции, бежал последний из правителей Бухары — Саид Алимхан.

Сейчас ветер без усталости несет струи пыли, словно выметая из крепости остатки далекого прошлого.

У ворот с двенадцатиглавым драконом давно уже не стоят мрачные воины-сарбазы с мечами. Из темниц, притаившихся в стенах Арка, не доносятся стоны.

Арк! Молча хранит он горькие судьбы сотен и сотен людей, обезглавленных палачами, иссеченных плетями, замученных в страшной каменной темнице — зиндане.

А сколько ран осталось в сердцах! Может ли наше поколение спокойно слушать рассказы об этих ранах?

Один из таких рассказов, услышанных еще в детстве, запомнился мне на всю жизнь.

...На улице метался жгучий морозный ветер. А в доме было тепло. Тепло и тихо. Мы, ребягишки, прижавшись друг к другу, сгрудились возле бабушки.

Бабушка была мастерица рассказывать сказки. И мы жаждали их. Но в тот раз бабушка поведала нам не сказку, а быль о минувшей жизни. Правду о прошлом.

Вскинув сухонький палец, произнесла:

— Смотрите!

Мы уставились на стену. Тонкие резные орнаменты, ганчевая штукатурка сверкают как зеркало. Только вот все портит темное пятно. Должно быть, в стене была большая дыра и ее наспех замазали глиной. Как заплатка на новом халате.

— Из эмирской пушки угодило сюда, — сказала бабушка. — Стену и пробило. Видите?

Мы замерли. Кое-кто даже рот открыл от удивления.

— Пушка находилась в Арке. Когда войско революции осадило Бухару, сарбазы эмира вышли на Регистан и установили пушку. Люди видели, как пушка выстрелила. Но попала не в красное войско, а в наш дом.

Большой кусок железа, целый железный мячик, с грохотом пробил стену.

Вскоре прибежал ваш дедушка.

— Эмира свергли! Свобода! — сообщил он, едва отдышавшись.

«Значит, это та самая свобода наступила, о которой так много говорили...» — подумала я и стала просить:

— Отец, а отец, пошлите кого-нибудь за Гульбадам. В Чор-Бакре¹ она сейчас. Раз уж свобода, пусть вернется бедняжка домой.

Дедушка ваш опустил голову и замолчал...

Позже я узнал от бабушки о судьбе этой девушки, совсем молодой, цветущей... Узнал и о любви к ней юноши Равшана.

Нынче Равшан стар. Зовут его теперь Равшан-бобо — дед Равшан. Но свято хранит в своем сердце Равшан-бобо светлую память о Гульбадам.

Когда случается бывать в Бухаре, я всегда вспоминаю об этом человеке. А недавно взял и отправился в Чор-Бакр, чтобы повидаться со стариком.

Сгущались сумерки. Четыре минарета, стоящие, как стражи, по углам Чор-Бакра, застыли, уперев свои вершины в темное небо. Равшан-бобо встретил меня неподалеку от своего дома, возле ворот кладбища, поздоровался.

— Не стоит бродить впотьмах, сынок. Пойдемте ко мне. Наверное, шурпа уже готова...

Мы вошли в низенькую калитку, и я невольно замер, не веря своим глазам: тут же, рядом с кладбищем, благоухали сотни роз. Маленький дворик, весь в белых, желтых, красных, светло-бежевых розах, сверкал при свете фонаря, покачивающегося над супой. Среди всего этого великолепия особенно выделялся один — удивительный куст: на нем розы шести разных цветов!

Я осторожно опустился на курпачу.

— Пейте чай, сынок!

Равшан-бобо вновь умолк. Старик сидел, изредка поглаживая бороду. Он догадывался, зачем я приехал. И вспоминал, вспоминал...

Затем заговорил.

¹ Чор-Бакр — архитектурный памятник недалеко от Бухары.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дом, в котором жила Гульбадам, стоял на самом многолюдном, видном месте кишлака Халач. И славился на всю округу этот дом: каких только роз не было в его дворе, утопающем в цветах!

А сам дом — обычное жилище бедняка. В одной постройке ютилась тощая корова, в другой, с потолочными балками на подпорках, обитали хозяева. Почерневший от времени деревянный сундук — единственное убранство комнаты — стоял в нише. На нем стопкой — несколько стареньких одеял-курпачи. Пол застлан кошмой, изпод краев которой выглядывали почерневшие камышины старой циновки. Пол земляной, сырой, и отсюда сырость расплзалась повсюду, даже до красных балок.

У двери глиняная обдаста¹. На полке четыре касы, тоже глиняных, и одно блюдо. Помещение без окон. А над дверью пробито отверстие величиной с кулак. Когда дверь закрывалась, скудный свет в комнату проникал через это отверстие.

Отец Гульбадам — Хадикул-ака — немногословный, угрюмый человек. Гульбадам ни разу не видела улыбки на его лице.

— Не потакай дочери. Лучше научи ее ткать буз². Пригодится в жизни. — Эти слова он произносил всякий раз, когда замечал, что жена балует Гульбадам.

Иногда Хадикул-ака вздыхал:

— Разве до веселья в наши времена? Хлеба досыта не поесть.

Или приказывал дочери:

— Иди нарви траву, корову вечером нечем кормить. Да недолго... Ну, иди, иди.

Вот и сегодня отправил он дочь за травой, а сам затягивает подпругу на черном осле. Затем сказал жене, перекидывая через спину осла хурджун:

— Вынеси-ка, Гульсанам, если есть, пару лепешек, хоть черствых.

— Куда же вы собираетесь так поздно? — удивилась Гульсанам.

¹ Обдаста — кувшин.

² Буз — ткань кустарного производства.

— Нужно. Что поделаешь? У Сафарбая пиршество нынче. Вернулся сын из своего первого путешествия. «Чтобы бараны в моей отаре не были забыты в этот благословенный день, — приказал мне бай и заставил ехать в степь. — Отправляйся сегодня же, если увижу твою тень в кишлаке, сниму голову!» — так пригрозил он. Что поделаешь! — Хадикул вздохнул. — Теперь я только в полночь доберусь до Урта-Чуля.

Гульсанам вынесла лепешки, завернутые в поясной платок. Не поднимая головы, обратилась к мужу:

— Что ж, поезжайте. Но почему-то на душе у меня сегодня тревожно. Не нахожу себе места. Может, завтра поутру поехали бы, а? — Гульсанам с надеждой взглянула на хмурое лицо мужа.

— Если тесно тебе во дворе и не находишь ты себе места, иди в поле, — оборвал Хадикул. — Не съедят же тебя волки. — И уже мягче добавил: — Что с того, если у таких, как мы с тобой, тревожно на душе?

Он сел на осла, ударил его острой палкой в холку, пятками в бока.

— Поехал я...

Гульсанам тихо закрыла калитку. Тревожное чувство не давало покоя, пустой двор пугал мертвой тишиной.

Она ходила в поле за дочерью. Вернулись домой и долго сидели обнявшись. Забыли даже светильник зажечь.

Наконец Гульсанам заметила, что Гульбадам клонит ко сну. Вышла во двор, проверила запоры на воротах, бросила корове травы. Вернувшись в комнату, увидела, что Гульбадам уже спит, мирно посапывая, прямо на голой кошме.

По-прежнему тревога не покидала Гульсанам. Прочитав молитву, предотвращающую несчастье, постелила себе в углу. Другую курпачу разложила прямо у входа и стала будить дочь:

— Встань, родная. Открой глаза. У матери уже нет сил поднимать тебя. Встань, деточка моя... Вот... молодец. Ложись здесь. Вот... постелила тебе отдельно, чтобы не беспокоить тебя. Ну, родненькая, ложись.

Долго не могла уснуть Гульсанам. О многом думала. Но больше всего о горькой судьбе. Не давали ей покоя слова мужа: «Разве до веселья в наши времена?»

Хлеба не поестъ досыта». Обидно, до слез обидно от такой жизни!

С малых лет рабыня Сафарбая. Все соки выжала проклятая работа. О таких говорят: «Волосы — метелка, а руки — кочерга»... Хозяин за человека не считает.

С юных лет одно только горе. Не дождавшись совершеннолетия Гульсанам, после того горького, позорного случая с байским сыном Саманом, выдали ее замуж за Хадикула — в уплату за его двадцатилетнюю работу у Сафарбая. Схитрил бай... Да еще как! Теперь не только Хадикул и Гульсанам, но и дети их до конца своих дней будут байскими рабами.

А сынка своего благодаря этой хитрой свадьбе Сафарбай спас от пересудов.

Охваченная печальными воспоминаниями, Гульсанам вышла во двор. В темном небе тускло мигали редкие звезды. Почему даже звезды сегодня внушают ей тревогу? Внезапно поднялся ветер, с треском распахнул ветхую дверь, ворвался в комнату. Гульсанам подошла к дочери, укрыла, тихонько погладила по волосам, посидела возле нее.

Вспомнился муж. Каково ему сейчас в безлюдной степи!.. Да хранит его бог!

Сон все не приходил. Тревога, непонятная и пугающая, не давала покоя.

И опять нахлынули горькие воспоминания. Детские годы. Ей было всего шесть лет, когда в последний раз увидела отца.

В те времена людей похищали, как скот, иной раз целые семьи. Что делали с этими несчастными, куда их уводили? Это уже было делом владельца «живого товара». Такое же несчастье обрушилось и на семью Гульсанам. В кишлак Машхад ворвались вооруженные всадники. Вскрикнув от удара плетью, Гульсанам упала. Страшный человек, безобразный, сильный, ловкий, словно клещами, подцепил ее железной рукой, приподнял: «Будешь кричать — убью!»

Солнце было уже в зените, когда Гульсанам пришла в себя. Отец нес ее на руках, тело ее горело огнем. Она не помнит, как подошла ночь. Только как во сне донеслось: «Приехали в священную Бухару!» Это кричал предводитель каравана.

Два дня их держали в караван-сараяе. На третий —

пленников из Машхада повели по четыре-пять человек на тайный базар. В Шафирканском уезде торговля рабами была в самом разгаре. Словно в тумане видит она, как подошел огромный толстяк, поздоровался с человеком, который привел Гульсанам на базар.

— Жаль, опоздал, видно. А получше не осталось?— Он стал рассматривать Гульсанам, грубо приподняв ее голову, держа за подбородок.

— У этой девочки есть и отец, пожалуйста, таксыр. Для такого замечательного покупателя, как вы, уважаемый Сафарбай, ничего не жалко.

— Не надо никакого отца!

— Как вам угодно... хи-хи-хи!

Торг состоялся. Впервые слышала Гульсанам, как закричал отец. Душа могла разорваться. Бросилась было к нему, но не вырваться. Да и отца крепко держали...

— Ну, иди же!— понукал Сафарбай.— Будешь у меня работать. Иди.

Начались годы рабства. Покорно, безропотно выполняла каждое приказание, надрывалась на самой черной работе.

Вот уже ей и тридцать пятый год миновал, а она все рабыня Сафарбая. Незаметно подкралась болезнь. Стало Гульсанам пошатывать, качать от стены к стене. Спасибо, старшая жена бая разрешила ей несколько дней полежать дома. Да и то потому, что в доме Сафарбая затевался пир. Еще попадетя на глаза гостям тощая хворая служанка! Пусть уж лучше отлежится в своей камерке.

И тогда, двадцать лет назад, был пир...

Гульсанам пошел пятнадцатый год. Гуляли гости у Сафарбая. Кувшины с вином подавались один за другим. Гуляли и байские сынки. Бачча¹ в женской одежде танцевал перед гостями, садился к ним на колени, подавал вино. Саман, старший сын бая, поднялся и пошатываясь пошел во двор. Здесь, в маленькой худжре, жили невольницы. Саман пнул изо всех сил ногой в дверцу. Испуганно вскочили две девочки.

— Ишь вы! С этих-то пор улеглись спать. Встать сейчас же! Идите! Беритесь за дело! Ну, быстрее!!!— заорал он, в упор рассматривая девочек.

¹ Б а ч ч а — мальчик - танцор:

Гульсанам хотела было кинуться во двор, но Саман остановил ее.

— Ты-ы-ы не спеши-и! Погоди, дело есть. А ты,— прикрикнул он на вторую девочку,— помоги там... Ну, убирайся!

Девочка в страхе выбежала вон. Саман втолкнул Гульсанам в комнату и накинул дверную цепочку. Гульсанам бросилась к ногам байваччи:

— Сжальтесь, бай-ака, пожалейте сиротку. Умоляю, бай-ака, не губите меня!

— Ну, ну, встань же, глупая!

Саман толкнул Гульсанам каблуком сапога.

— Сказала бы спасибо, что такой байвачча, как я, обратил на тебя внимание. Эх ты, неблагодарная! Это же твое счастье!

Гульсанам забилась в угол. Совсем растерялась девочка, лишилась голоса. Заметив при тусклом свете копилки, как дрожат ее колени, Саман нагнулся и потянул к себе. Ослабевшее тело дрожало, как в лихорадке. Девочка снова стала лепетать:

— Сжальтесь, бай-ака, пожалейте сиротку, умоляю, бай-ака, отпустите. Это позор...

— Ха-ха-ха!.. Позор для невольницы, а?! Бог создал невольницу для ее хозяина. Ишь ты какая! Ну, иди же, пока я не взял нож в руки.

Саман тяжело дышал. Теперь уже никакие слова не действовали на него. Да и у Гульсанам не было уже сил бороться...

...Детский вопль поднял на ноги гостей. Выбежали несколько друзей Самана. Они увидели его, выходящего из невольничьей худжры.

— Что случилось, Саман?

— А-а!— отмахнулся он.— Эта низкая тварь еще смела кричать.

И, тяжело дыша, прошел мимо.

Все стояли, ничего не понимая, пока во двор с плачем не выбежала Гульсанам.

Сафарбай схватил девочку, втолкнул в худжру.

Спустя неделю бай женил на Гульсанам своего работника Хадикула...

На глазах Гульсанам — слезы. Всю жизнь скрывает она их, не показывает никому. Единственная опора — Хадикул. И от этого становилось легче на душе. Иногда

да она, не глядя в грустные глаза Хадикула, старалась подбадривать его. Он слушал ее, молчал, потом говорил:

— Да... Только диву даешься, Гульсанам. Что же это творится вокруг-то? Глодают слюну голодные люди, лишённые даже помоев, а у богачей пиры до утра, праздная жизнь. Неужели так будет всегда?

И, вздохнув, по привычке махнет рукой.

Снова и снова Гульсанам вспоминает мужа. «Сохрани его бог!» — шепчет она.

Тихо вокруг. Спокойно... Но что это?

Гульсанам вздрогнула и вскочила, услышав тяжелые шаги. Вот под навесом зашуршала гузапая — сухие стебли хлопчатника, собранные для топки.

Гульсанам шагнула во двор, но тут же свалилась от сильного удара. Попыталась встать, но от второго удара у нее потемнело в глазах... Что это?! Ох!..

Верзила с лицом, по самые глаза замотанным поясным платком, крепко схватил ее за плечи, прохрипел:

— Где дочь?

Гульсанам дрожала как в лихорадке.

— Тихо, — угрожающе прошипел незнакомец, — иначе!.. — и выхватил нож.

— Помогите! — крикнула в ужасе Гульсанам.

В этот же миг острый нож вонзился ей в бок...

Разбуженная криком матери Гульбадам хотела было опрометью выбежать во двор, но там уже стояла устрашающая тишина. И тогда девушка, задыхаясь от стука собственного сердца, в кромешной темноте, на ощупь вдоль стены бесшумно выбралась в сад, вскарабкалась на старый тутовник, притаилась.

Неизвестный шагнул в комнату. Никого! Выругался! Пнул ногой калитку и прошел в сад, встал под тутовником. И здесь никого! Шалаш пуст. О шайтан!

Бандит сорвал с лица поясной платок.

— Неужели уехала вместе с отцом? Жаль!

На улице раздались шаги. Незнакомец метнулся через арык, как уж, пополз по тропинке, ведущей в поле, и скрылся в клевере.

Забрезжил рассвет...

— О мамочка моя! Милая мамочка... На кого ты оставила меня, мамочка моя?.. О милая моя мамочка, пусть же отсохнут руки у палача! Мамочка моя...

Эти душераздирающие крики подняли на ноги весь кишлак. Девочку окружила толпа.

— Надо позвать аксакала!

Мертвую Гульсанам перенесли в дом.

Сосед погладил по голове всхлипывающую девочку и повел к себе. Нечего здесь делать ей. Сейчас взрослые будут вести разговор о похоронах, собирать деньги — кто сколько может дать.

Во дворе осталось человек десять. Полили улицу, подровняли дорогу. Затем приготовили у ворот место для стариков.

Едва забрезжило утро, а в Халаче опять беда. Только вчера приезжали люди эмира. Привезли горе и страдания. Двоих жителей схватили и бросили в зиндан. Днем раньше аксакал кишлака Закирбай, собирая деньги за воду, отнял у старика Садыра-ата последние полтанапа земли.

Дехкане привыкли уже к бесконечным бедам. Покорились судьбе. Только вздыхают, покачивают головами, сочувствуют...

Сегодняшнее несчастье ошеломило людей. Кому нужна смерть Гульсанам?

— От судьбы не уйдешь, на все божья воля,— говорили старики.

Дехкане просили милости у аллаха, пять раз в день читали молитвы и били бесчисленные земные поклоны. А что в итоге? Одни невзгоды.

Вот исполненные печали тянутся соседи к дому убитой. Впереди Рахман-тога, распорядитель похорон, а рядом с ним — Равшан, его сын.

Равшан — стройный юноша. Ему шестнадцатый год. Только-только начали пробиваться усы. Смерть соседки поразила его. Равшан во всех похоронных хлопотах помогает отцу, а сейчас идет к выносу праха.

— Бедная Гульбадам,— шепчет он.— Выдержит ли слабенюкая девушка?

Юноше хочется взять Гульбадам за руку, утешить, сказать теплые слова.

И вдруг он видит Хадикула-ака. Тот оставил в конце улицы осла, бежит опрометью.

— Не горит ли мой дом? Сгорел, что ли, дом-то мой, а?

У Равшана гулко забилося сердце. Если бы узнать, кто убийца!

Почему так устроен мир? Отчего бедняка на каждом шагу ожидают несчастья? Запутанный страшный мир.

У этого бедного доброго человека убили жену... Девушку, тихую, безропотную, оставили без матери.

Запутанный, страшный мир.

Равшан вздрогнул: рядом с ним стоял колосс, прозванный Бури-Дивом.

Бури — человек гигантского роста. Лет ему двадцать восемь-тридцать. Тот, кто впервые видит его, невольно вздрагивает от испуга. Правая щека черная, как чугун. Лицо похоже не сморщившуюся вялую репу. Когда Бури говорит, левый уголок рта кривится и тянется к уху. На толстой шее — шрамы.

Из Халача Бури еще молодым увели эмирские сарбазы в Арк. Многому там учили. А главное — ненавидеть людей, убивать их, военному ремеслу учили. Ходили слухи, будто Бури в одном из боев на берегу Амударьи попал в плен. После жестоких пыток бежал. Но теперь его не пустили в Арк. С полгода Бури слонялся без дела на улицах священной Бухары. Там его случайно встретил односельчанин и привел в Халач. В кишлаке Бури на побегушках — выполняет поручения зажиточных семей. Как вспомнит свои скитания, позорное изгнание из Арка — становится ему не по себе, места не находит. Начал курить анашу. Лучше забыться, опьянеть. Постепенно втянулся. Теперь не может без дурмана. Кто-то из дехкан дал ему это прозвище; мальчишки, едва завидев его, кричат теперь: «Бури-Див! Бури-Див!». И разбегаются врассыпную.

Бури привык. На злые шутки ребят не обижается.

Сегодня он что-то беспокоен. То к одному подойдет, то к другому... А сейчас он стоит с аксакалом Закирбаем и что-то тихо объясняет ему, изредка ударяя себя кулачком в грудь.

Люди потихоньку перешептываются: о чем это они говорят — слон и медвежонок?

Закирбай и в самом деле похож на медвежонок — толстенький, низенький, лет сорока пяти. Короткая шея, казалось, срослась с плечами.

Закирбай вывел Бури-Дива со двора. По дороге продолжал что-то гневно внушать бывшему сарбазу. Рав-

шан незаметно пошел следом, услышал последние слова Закирбая:

— Вон отсюда! Не показывайся мне больше на глаза, размазня!

Вынесли погребальные носилки. Юноша услышал крик Гульбадам. О господи!.. Земля из-под ног уходит. Но держаться нужно...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Равшан не видел Гульбадам уже несколько дней. Что-то с бедняжкой? Не свалит ли ее горе? Нужно сейчас же увидеть ее, утешить. И потом сказать те слова, те самые, которые он приберег только для нее.

Нет, нет, что же это такое? Что творится со мной! А что, если услышит Хадикул-ака? Что скажет сама Гульбадам... В такое горестное время... До меня ли сейчас Гульбадам!

Опомнился он возле соседской калитки. Растерянно топтался, не зная, что делать. Присел возле арыка, опустил голову на ладони, закрыл глаза. Но разве усидишь! Встал. Попробовал походить... Нет, ничего не помогает. Образ Гульбадам стоит перед глазами. Даже слезы подступили к горлу. Нет, не маленький он, чтобы плакать.

Невольно оглянулся по сторонам... Может, узнали его тайну вот эти деревья? Ну и пусть. Он не может жить без Гульбадам. Не может! Разве у другой девушки есть такие глаза, бездонные, как омуты, такие тонкие шелковистые брови?

Равшан посмотрел на сломанную арбу. Давно она стоит возле этой калитки. Вспомнились детские годы. Часто сидели они вместе под этой арбой у арыка. Тогда вызывал он Гульбадам в любое время. Солнце поднималось к зениту, а они, сидя себе под арбой, лепили из глины всякую всячину. Потом сушили игрушки на солнце. Гульбадам было восемь, а Равшану — двенадцать лет.

Бежало время. Годы — увы! — не сближали, а отдаляли их. Когда Гульбадам исполнилось двенадцать, мать стала реже отпускать дочь на улицу. Стоило задержать девочку, Гульсанам выходила, разыскивала ее, отчитывала:

— Разве можно бегать по улице? Ты уже взрослая. Что люди скажут!

Равшан огорчался: как можно ругать такую девочку? Ведь лучше нее нет в целом свете!

...Вновь вспомнилось детство, последняя встреча с Гульбадам.

Праздник Навруз — первый день Нового года, начало весны. Радостный день для всех — от мала до велика. Просыпалась природа. Вспыхивали тюльпаны. Казалось, земля усыпана огромными рубинами. В эту пору влюбленные юноши преподносят девушкам цветы. А для дехкан Навруз — пора сева, пора надежд на новый добрый урожай. Рождалась песня:

Пришел Навруз,
Я рад, свободен я от горя...

И песня звала людей в поле, в степи, усыпанные тюльпанами.

В этот день для детей были открыты все двери. Хозяева, сложив руки на груди, поздравляют прохожих с праздником Навруз, приглашают на пиалу чая...

А молодежь прогуливается по кишлаку, хвастает друг перед другом праздничными нарядами. Затем — игры. В этот единственный день матери не мешают молодым. Пусть веселятся вдоволь.

Тот памятный праздник Навруз!

— Давайте прыгать вон с той арбы,— предложил кто-то из ребят.

Все согласились. Девочки забирались на нижнюю часть арбы, юноши — на верхнюю. Игра понравилась. И вдруг раздался крик Равшана. Превозмогая боль, он пытался встать. Гульбадам подбежала к нему, всхлипывая, стала гладить по голове. В эту минуту Равшан впервые заглянул в ее глаза, и девочка стыдливо потупилась.

— Что с тобой?— спросила Гульбадам.

Лучше бы она не спрашивала!

Потом, поддерживая его, привела домой, всхлипывая, рассказала матери Равшана о случившемся.

— Не плачь, мнленькая, сейчас поведем его к табибу, вправит он руку, и все пройдет...

Гульбадам засыпала вопросам:

— Далеко ли табиб, тетя? Пока доберетесь до табиба, не будет ли хуже больной руке?..

— Ах ты, моя миленькая девочка, как ты крепко любишь своего Равшана!

Гульбадам утвердительно кивнула, но тут же смутилась и убежала.

Равшан, позабыв о боли, смотрел ей вслед, любуясь мелко заплетенными косичками. Да, он тогда уже понял, что не может жить без нее.

...Равшан наконец поднялся. У Гульбадам беда. Он должен быть рядом. Всего два шага он сделал и остановился. В тяжелую минуту человеку хочется побыть одному. Единственный его собеседник — мир воспоминаний.

Сгушались сумерки. В кишлаке уже царствовала тишина. Равшан, перескочив через арык, направился домой. Снова остановился у чьего-то дувала...

Но чей это голос? Прильнув к забору, Равшан узнал Закирбая. Тот говорил своему собеседнику:

— Странный вы человек, имам-ака. Я ведь не совета у вас спрашиваю. Я говорю вам, зайдите к отцу девочек и добейтесь окончательного решения, поняли?

Донесся хриплый голос кишлачного имама:

— Да я не из сочувствия к Хадикулу, мулла Закирбай... По мне, пусть хоть всем потомством погибнут эти люди низкого происхождения! По правде говоря, я побанваюсь, мулла Закирджан, как бы он не сказал мне: «Ирах покойной жены моей не успел остыть, а ты, бесстыдник, посмел прийти ко мне сватать дочь!»

— Что за вздор! Поступайте, как я сказал... Вот что, — Закирбай оглянулся и притянул имама к себе за рукав. — Скажите этому голодранцу, что вчера опять приходили люди эмира, заставляли уплатить недоимки. Но когда речь зашла о вас, Закирбай поступил благородно. Сказал сборщикам налогов: «Оставьте, не трогайте этого несчастного. На днях убили его жену. Пусть придет в себя малость, тогда и поговорим...» Обязательно передайте эти слова.

— Хи-хи-хи, ума-то у вас не отнимешь, Закирбай. Можно подумать, что и в самом деле по Хадикулову душу приходили люди эмира. Хи-хи-хи. Дай бог вам долгих лет жизни, чтобы и нас вы не забывали. Какой же вы мудрец, мулла Закирбай, хи-хи-хи!..

— Хватит вам хихикать!— оборвал Закирбай.— Сам, пока не ухватитесь за деньгу, притворяетесь несмышленьшем. Ладно, будут вам деньги.

Богатей стал шарить в поясном платке.

— Хи-хи-хи, сказал же я, что у вас замечательный ум.— Имам придвинулся ближе к Закирбаю и нагнулся над его кошельком.— Скажу вам прямо, мудрый Закирбай: без этих денег, будь они неладны, человек не сможет и молитву правильно прочитать... О-о! Многие лета вам.

Закирбай, сложив червонцы, сунул их под чалму имама.

— Все будет сделано по-вашему, мулла Закирбай, раз уж я взялся за дело...

Закирбай строго сказал:

— Ну, я пошел, смотрите же не испортите дела, как Бури-Див.— И он удалился, чуть не задев полтой шелкового халата прижавшегося к дувалу Равшана.

Равшан задохнулся от гнева. Он шагнул вперед, чтобы догнать негодяя, но, опомнившись, отступил. Нет, этим ничего не изменишь. Что же тогда делать, что?..

— Хадикул! Эгей...

Из глубины двора послышался голос хозяина:

— Слушаю вас, таксыр, сейчас! Ассалям алейкум... Проходите, проходите. Рады вам.

— Ваалейкум ассалям, Хадикул. Как поживаете, братец? Грешные рабы божьи мы, братец. Приходится мириться с горем, ничего не поделаешь. Да, братец, так и написано в коране. Благодарить бога и не сомневаться в устоях веры — большое счастье, братец. Гм-м, так вот... Сам всевышний предопределяет судьбу человека.

— Тяжело, очень тяжело, таксыр,— произнес сквозь слезы Хадикул.— Я-то уж ладно... Дочка осталась. Так рано лишилась бедняжка матери. Пожалуйста, проходите в дом, таксыр...

Присев на вытертый ветхий палас, имам принялся «утешать» вдовца.

— Э, братец Хадикул, пусть не беспокоит вас забота о дочери, гм-м. Дочь — отрезанный ломоть... хи-хи-хи. Так-то оно. Ваше дело вырастить и отдать — обеими руками отдать мужу. Скажу прямо: чем раньше, тем лучше. Да, много таких было, кто нажил непри-

ятности, коли слишком долго держал дочь дома. Найдите, кому отдать, и скорее избавитесь от беды...

— Нет, нет! Что вы, таксыр, дочь — свет очей моих. Теперь она осталась единственной опорой. Неужели аллах и ее сочтет лишней в моем доме? Что же я стану делать совсем один?— Хадикул говорил так растерянно, словно именно в эту минуту у него отнимали Гульбадам.

— Э-э, братец Хадикул, времена нехорошие наступили. Только вчера приходили люди эмира собирать недоимки. Я сам присутствовал. Один из людей эмира развернул лист бумаги. И надо же случиться такому!.. Первым назвали ваше имя.

— Мое?!— ахнул Хадикул.— Нет, таксыр, я вроде бы ничего не должен.

— Вот вы какой! Не верите? Даже мне, своему имаму, не верите... Братец Хадикул, не стыдно вам? Слушайте, что было дальше. Люди эмира требовали призвать вас к ответу. Но, благодарение аллаху, наш добрый староста Закирбай за вас вступился. Сказал: «У него жена скончалась, погодите, ради аллаха, а до следующего вашего прихода я обязательно взыщу с него...» Так и сказал вот.

Имам выжидающе глянул на Хадикула. А тот и впрямь преисполнился искренней благодарностью.

— Пусть дети ваши доставят вам спокойную отрадную жизнь, я обязан вам...

— Удивительный вы человек,— прервал имам Хадикула.— Будто ребенок. Не меня — Закирбая надо благодарить. Он о вас позаботился, он и заслуживает благодарности и уважения.

Гульбадам расстелила дастархан, принесла чайник, потупившись, встала у двери.

— Иди сюда, доченька,— позвал ее Хадикул,— зачем прятать лицо от имама-паччи! Подойди... Вот так, умница.

Гульбадам, смущаясь, на минуту подошла к отцу. На миг с головы ее сполз платок и имам даже крикнул, увидев черные, как виноград-чарас, глаза.

Но ничего этого не заметил Хадикул.

— Таксыр, прошу, угощайтесь,— предложил он.

Имам не слышал его — он все еще не мог оторвать взгляда от двери, через которую вышла Гульбадам.

— Ну и ну,— наконец выдохнул имам,— братец Ха-

дикул, дочь ваша достойна того, чтобы вы подарили ее повелителю правоверных! Вот и улыбнется вам счастье! Да-а! Ай да Закирбай. Ловок! На три локтя под землей все видит. Знал, куда посылал сватать.

Хадикул вздрогнул.

— Зачем так шутить, имам-пачча?

Имам всплеснул руками, словно ворона крыльями.

— Какие могут быть шутки, братец Хадикул? Истинную правду говорю: Закирбай влюбился в вашу дочь. Благодарите же бога! Богатей, не кто-нибудь, а сам аксакал кишлака! Разве плохо стать его тестем? Не хотите разве прожить остаток своей жизни в довольстве и блаженстве!

— Да ведь у него три жены! И в годах он...

— Ну и что же — три жены? — прервал его имам. — По шарнату дозволено и четыре. Что касается возраста, то скажу честно: юношеский возраст наступает только после сорока, братец. В сорок лет человек достигает расцвета сил... Благословите дочь. Даст бог, все будет хорошо... Ну, что оставились на меня? Поднимите для благословения руки.

Хадикул, побледнев, молчал.

— Вам говорю, слышите? Птица счастья села вам на голову, не гоните же ее, не губите дочь.

Хадикул окаменел. Новая беда... Страшная беда... Что же делать?

— Имам-пачча, вы единственный образованный человек, способный учить всех нас, смиренных, уму-разуму. Сжальтесь надо мной. Прошу вас, пойдите извинитесь за меня перед нашим аксакалом, пусть бог поможет вам достичь высокого чина, имам-пачча. Умоляю, не разоряйте мой семейный очаг, ведь еще и двадцати дней не прошло, как погибла моя жена, имам-пачча! Что люди скажут?

— Ну, давно бы так! Конечно, пусть аксакал выждет еще пять-шесть дней.

Хадикул уже позабыл о правилах приличия.

— Нет, имам-пачча! Нет и нет. Не могу я погубить свое юное дитя.

Имам вспылал:

— Аллах, видать, лишил вас разума, братец. Против кого восстаете?! Закирбая не знаете, что ли? Если

он что задумал, непременно добьется. Смотрите, наживете беду.

Хадикул не знал, что и ответить. Имам встал, уходя, гневно сверкнул глазами.

— Вы, оказывается, неблагодарный. Погодите же!..

Оставшись один, Хадикул тяжело задумался. Как быть? Где спасение? В эту минуту он был похож на растерявшегося чабана, который не знает, как спасти отару от стаи волков.

Выглянул во двор.

— Я скоро приду, доченька. Ты пока постели мне. Ладно?

В тесноте и духоте тускло мигает коптилка. На старой курпаче сидит за прялкой худая, с запавшими от бессонницы глазами женщина лет пятидесяти. Даже в полумраке видны набрякшие вены на ее руках. Кончики седых волос заплетены. Женщина время от времени тяжело кашляет. Когда отрывается туго натянутая нить, она, трудно шевеля пальцами, долго связывает ее и снова начинает ткать мату. Все мысли о сыне. Загрустил что-то первенец Равшан.

На айване, облокотившись на подушку, задумался Рахман-тога. Задумчив и Равшан. Из головы не выходит разговор имама с Закирбаем. И еще другой разговор — между Закирбаем и Бури-Дивом в день похорон тетушки Гульсанам.

Юноша вздохнул.

Рахман-тога обратил внимание на подавленный вид сына. Хотел было расспросить его, узнать, в чем дело, как вдруг послышался взволнованный голос Хадикула:

— Рахман-тога! Ой, Рахман-тога!

— Сынок, открой-ка ворота, ведь это сосед наш Хадикул.

— Пожалуйста, дорогой Хадикул, пожалуйста. Заходите!— Рахман-тога указал гостю почетное место на айване. Равшан принес чаю и ушел. Не подобает юнцу слушать беседу старших. А ему так хотелось послушать!

Сперва разговор не клеился. Спрашивать гостя о здоровье, о том, как поживает? В таком-то несчастье!.. Но ведь как-то все же надо начать беседу. Наконец Рахман-тога промолвил:

— Горе-то какое!.. Но что поделаешь? От судьбы никуда не спрячешься.

Хадикул тяжело вздохнул. Сказать ли о новом горе? Ведь затем сюда и пришел. Поведал соседу о тягостном разговоре с имамом, а в заключение сказал, сжав кулаки:

— Что за жизнь, Рахман-тога? Не знаешь, кому и пожаловаться... Ох, так и подстрекает шайтан: иди, мол, растерзай на части и Закирбая, и этого старого сводника имама.

По натуре Хадикул был вспыльчив. Малейшая несправедливость выводила его из себя. Покойная Гульсанам, хорошо зная нрав мужа, в такие минуты как могла старалась успокоить его. И когда гнев малость стихал в груди Хадикула, он обычно направлялся к Рахману-тога отвести душу. Подолгу засиживался у соседа, выслушивал добрые советы.

Рахман-тога — спокойный, сдержанный человек. Вида болезненного. Говорил он тихо, медленно. За рассудительность и предусмотрительность еще смолodu прозвали его «тога». Многие в трудную минуту спешили к нему. Рахман-тога умел как-то ободрить, утешить.

Рахман-тога внимательно выслушал Хадикула, задумался.

— Рахман-тога,— сам нарушил тягостное молчание Хадикул.— А что если выдать Гульбадам за сына такого же простого человека, как и я сам? В этом — единственное спасение.

Рахман-тога, хотя и понял намек, но, опасаясь аксакала, вздохнул:

— Не знаю...

Он думал о судьбе Равшана. Если сын женится на Гульбадам, мстительный Закирбай со свету его сживет, чего доброго, выгонит из кишлака!

Хадикул догадывался, о чем сейчас думал Рахман-тога, и поэтому не торопил его с ответом.

Как спасти Гульбадам? Мысли путались. Одна надежда на Равшана... Только Равшан может защитить девушку!

— Рахман-тога, не подобает нам губить бедную девочку. Пусть молодые испытывают счастье, ведь они любят...

Рахман-тога молчал. «М-да... Вот незадача! Равшану

и впрямь самая пора жениться. И невеста ой как хороша! И с Хадикюлом вот уже тридцать лет дружим...»

— Я-то согласен, Хадикюл... Одного опасаясь: не будут ли подвергать гонениям наших бедных детей?

— Чем всю жизнь мучиться у Закирбая, не лучше ли, чтобы дочь моя, бедняжка, хоть самую малость прожила счастливо на белом свете? Ведь Гульбадам для вас — все равно что дочь!

Рахман-тога еще помедлил с ответом и вдруг ободряюще улыбнулся другу:

— Ваша правда, Хадикюл. Хоп. Договорились, значит. Подождем до осени, снимем урожай, тогда и поженим.

— Да разве до осени Закирбай и его люди будут сидеть сложа руки?— вздохнул Хадикюл.— Бай, чтобы гнить ему в могиле, до осени таких черных дел натворят!..

— Недаром говорят: «У страха глаза велики».— Рахман-тога весело прищурил глаза.— Лето, друг, уже. Осень на носу. Что может натворить бай за такой короткий срок? А нам с вами обязательно урожая надо дожждаться. Ведь никаких запасов нет. Хлеба нет, риса и мяса тоже нет. Чем гостей угощать будем, а?

Хадикюл промолчал. Да и что мог возразить он? Только вздохнул.

Распрощавшись, Хадикюл ушел. Равшан закрыл за ним ворота. Юноше казалось, что сердце его вот-вот разорвется от радости. Ведь он сидел в комнатке матери и слышал почти весь разговор!.. И не верил. Господи! Неужели и впрямь Гульбадам скоро станет его женой!

Счастливо улыбаясь, юноша опустился на бревно, лежащее возле ворот. Мысленный взор его рисовал радостные картины... Свадьба... Гульбадам, прекрасная, как солнце, в свадебном наряде... Весь кишлак поздравляет молодых!..

Опомнился, когда запел петухи. Равшан глянул на свою несмятую постель на супе и рассмеялся. Да разве можно спать в такую ночь!

И, легко касаясь земли, направился навстречу полям.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дни стали удивительно длинными. И как бы жадно ни работал Равшан, осень, казалось, не приближается.

О встрече с любимой приходилось лишь мечтать. Отец предупредил: не следует до свадьбы встречаться с нареченной, обычай не велит. Но в мечтах юноша был всегда с Гульбадам. Равшан слышал голос девушки, любовался ее глазами, мысленно разговаривал с нею, произносил самые ласковые слова.

Осень пришла с внезапными порывами ветра. Старикки предсказывали, быть сухим морозам. Иные говорили даже о снеге. Дехкане торопились завершить полевые работы. Хадикул хлопотал у своих цветников. Лучшие розы в округе! Нужно подрезать цветы, закопать кусты, утеплить. Много забот...

Свадьба откладывалась. Все сейчас были заняты уборкой урожая, набивали байские амбары. Даже Сафарбай самолично с утра находился на току.

Однажды Хадикул пригласил Равшана с отцом на хашар вместе поработать в саду. Юноша с нетерпением ждал заветной минуты, когда он явится на хашар в дом будущего своего тестя. Может, удастся все-таки хоть минутку повидаться с Гульбадам! Мысленно перебирал каждое слово, которое скажет Гульбадам при встрече.

Заснул Равшан поздно, а встал на рассвете. Вышел на улицу и опять оказался у арыка. Как тянутся минуты! Калитка Гульбадам закрыта. Юноша подошел ближе, прислушался. Там еще не встали.

Он умылся, вытер лицо поясным платком и вернулся домой. Отец медленно разламывал лепешку, раскладывая кусочки на дастархане.

Равшан молча присел. Он не слышал шагов матери. Только почувствовал, что она стоит за спиной. Обернулся. Мать стояла с чайником в руках, улыбалась...

Вот и заветный двор!.. Поздняя осень, а сколько роз. И все они прекрасны, как Гульбадам... Переливаются в утренних холодных лучах солнца. А этот чудо-куст — на нем одиннадцать сортов роз! Равшан приблизился к удивительному кусту. Каждая роза величиной с пилушку... Глаз невозможно оторвать!..

Послышался голос Хадикула-ака:

— Равшанджан, где ты?

Закипела работа. Рахман-тога окапывал кусты инжира. Возле роз хлопотал Хадикул-ака. Вскоре хозяина позвали к Сафарбаю. Отец с сыном остались вдвоем. Равшан окапывал виноградник, зарывал в длинные канавы лозы. Время от времени он поглядывал в сторону садовой калитки. Гульбадам не появлялась. «Видимо, у Сафарбая сегодня срочные дела, раз он вызвал Хадикула-ата, а без отца она не выйдет...» — вздохнул юноша и... снова и снова поглядывал на заветную калитку.

Вскоре вернулся Хадикул и принес три касы шурпы. Решили, что после обед? Равшан пойдет подрезать розы.

— И Гульбадам тебе поможет... — как бы невзначай сказал Хадикул.

Равшан орудовал садовыми ножницами, стараясь не торопить долгожданную встречу, и вдруг — голос Гульбадам:

— Ассалям алейкум, Равшан-ака, помочь вам?

Не поднимая глаз, кое-как вымолвил в ответ:

— Пожалуйста, Гульбадам, пожалуйста. Дать вам садовые ножницы?

— Не надо, ножницы у меня есть. Я буду подрезать с того конца, хорошо?

— Хорошо.

Проклятый язык! Что с ним случилось? Столько слов было подобрано, а сейчас... Язык, как деревянный.

Вновь — желанный голос:

— Хорманг, Равшан-ака!

— Спасибо, Гульбадам, — еле выдавил из себя юноша. — И вам не уставать.

Но он даже не расслышал своего голоса... Равшан распрямылся — и чудо свершилось: он увидел большие черные глаза. Такие знакомые и все же какие-то другие. Что-то в них изменилось... Темно-русые волосы, точеный нос, лебединая шея с нежной родинкой... Все такое знакомое и в то же время...

Что изменилось?.. Да просто повзрослела Гульбадам... Эти дни, полные горя, наложили на нее отпечаток. Но Гульбадам стала еще прекрасней.

Равшан смутился, потупился, а когда вновь поднял глаза, то увидел развевающийся подол платья из буза. Гульбадам исчезла....

Так он ничего ей и не сказал.

Смеркалось. Равшан уже собрался уходить, но Гульбадам появилась опять и стала подрезать самый пышный куст — бережно, веточку за веточкой. Она оглянулась, убедилась, что рядом никого нет, подошла к Равшану и протянула розы.

— Возьмите, сама прививала. Если хотите, я и вас научу делать прививки, хорошо?

Равшан взял цветы. Рука невольно коснулась длинных пальцев Гульбадам. Девушка вздрогнула, взглянула на Равшана.

— Больше никогда я не выйду к вам... — Она стремительно повернулась и ушла в дом.

Равшан долго стоял, не в силах двинуться с места.

В эту ночь он так и не заснул. Ворочался с боку на бок.

Лучше встать!..

Осторожно, чтобы не звякнула цепочка, открыл дверь и вышел во двор.

Звезды в эту ночь были необычайно яркими.

Многолюдно во дворе Закирбая. Пятидесятилинейные керосиновые лампы, чтобы их не погасило ветром, установлены в дверных проемах. Широко раскрыты большие резные ворота. Значит, ждут в этом доме знатных гостей. Всюду принаряженные слуги, готовые оказать гостям почести. Хозяин предупредил еще с утра, как и кого встречать.

Кажется, все предусмотрено. Подмели, полили дорогу, ведущую с главной улицы кишлака к дому. Да, теперь можно встать у ворот в ожидании гостей.

Наконец с криками прибежала целая орава ребятшек.

— Едут! Едут!

Сообщили и снова бросились к дороге.

Закирбай сам вышел навстречу.

Всадник приближался в окружении мальчишек, которые не в силах были оторвать глаз от бархатной попоны коня, от парчового халата важного гостя.

Рядом с буланым конем сенили два осла. На них восседали еще два гостя, в халатах попроще, но тоже, видать, зажиточные люди.

Завидев Закирбая, важный всадник небрежно под-

тянул поводья. Закирбай, сопровождаемый челядью, шел навстречу, сложив ладони на груди. Он кланялся, чуть не падая под ноги лошади, протянул руки, чтобы помочь всаднику сойти с коня.

— Добро пожаловать! Милости просим! Пожалуйста, проходите!..— захлебывался от восторга Закирбай.

Когда именитый гость со своими приближенными уселся на почетном месте, Закирбай торжественно возгласил:

— Сегодняшний день для нашего убогого кишлака стал благословенным. Смиренную нашу обитель удостоил своим посещением один из самых знатных людей его величества, эмира семи частей света Сауда Алимхана, достопочтенный ученый Бузрукходжа. Тысячекратное благодарение вам, светоч знаний и мудрости! Осчастливили вы своих покорных рабов. Добро пожаловать, дорогой гость!

Закончив длинную и витиеватую речь, Закирбай бросил преданный взор на Бузрукходжу, затем скосил глаза на остальных гостей, будто спрашивал: «Ну как, хорошо ли сказал?»

Бузрукходжа еле заметно кивнул.

Облегченно вздохнув, Закирбай принялся угощать гостей. Дастархан ломился от яств. Появилось и вино, и тогда, наконец, завязался оживленный разговор. Бузрукходжу словно прорвало, а Закирбай жадно ловил каждое его слово.

— ...Наш покровитель, великий эмир, питает ко мне, своему слуге, искреннее расположение. Моя обязанность представлять его величеству лиц, сделавших ему подарки, — распространялся гость.— Но и в других делах он не обходится без моих скромных советов...

Бузрукходжа окинул присутствующих чванливым взглядом. Все замерли, не отрывая от гостя глаз. Слушали, затаив дыхание. Приближенный самого эмира продолжал:

— Один аксакал, вроде Закирбая, преподнес недавно в подарок эмиру полный бурдюк драгоценностей, девушку-красавицу и баччу, у которого только-только пробивались усы. Склонился передо мною, умоляет: «Пожалуйста, просите за меня повелителя правоверных принять эти скромные дары». Хм... разумеется, он приготовил и для меня подарки. Сразу видно — учтивый чело-

век! С нашим повелителем я разговариваю свободно, вот и замолвил словечко, дескать, можно назначить наместником. Повелитель наш жестом своей царственной руки дал согласие!.. Хм... Так-то вот, милейший Закирбай. Чего только не случается на нашей службе...

Закирбай вскочил как ужаленный, залепетал:

— Я... Мы... Ваш покорный слуга... Возлагаем на вас надежды, таксыр!..

Бузрукходжа ехидно улыбнулся.

— Искушаете собственную щедрость? Что ж, приятно слышать.

Принесли плов. Вновь наступила тишина. Все наслаждались изумительно приготовленным блюдом. Когда с едой было покончено, в доме остались только гости из города. Закирбай подсел поближе к Бузрукходже, откашлялся и наконец промолвил:

— У вашего покорного слуги есть просьба.

Важный гость снова усмехнулся:

— Я так и предполагал. Излагайте свою просьбу.

— Да позволено будет мне, недостойному, поведать досточтимому таксыру о том, что среди жителей кишлака за последнее время появилась склонность к нарушению порядка. Меня, верного слугу нашего повелителя, сие не может не тревожить. Было бы тяжким грехом, если бы я умолчал об этом.

Обеспокоенный Бузрукходжа подвинулся ближе к Закирбаю.

— Ну, ну!..

— У Сафарбая есть слуга — Хадикул. Оч-чень подозрительный человек. Часто встречается со своим соседом Рахманом-тога, шепчется с ним о чем-то. Ох, не приведет, не приведет это к добру.

— Ну, ну! — нетерпеливо повторил Бузрукходжа. — В чем-же дело? Даст бог, мы сумеем проучить таких. Дальше...

— Дальше? — Закирбай замялся. — Дальше... Короче говоря, таксыр, у этого Хадикула есть дочь Гульбадам... — После короткой паузы Закирбай смущенно хихикнул: — Что скрывать, хи-хи-хи, не дает мне покоя любовь к ней... — И он замер, сложив руки на груди.

Бузрукходжа разочарованно хмыкнул.

— Ах вот, оказывается, в чем дело!.. Нарушение по-

рядка, неповиновение!.. Сказали бы коротко и ясно: помогите заслать сватов.

— Ах, мой господин! Если бы все было так просто!— воскликнул Закирбай.— Вся беда в том, что этот оборванец Хадикул отказался породниться со мной. Каков наглец!.. Своим отказом он выразил неуважение к моему званию — кишлячного аксакала. Вот в каком смысле я и говорил о нарушениях порядка.

Бузрукходжа оперся о подушки, прищурил глаза. Закирбай понял, что это значит: приближенный эмира думает, строит какие-то планы.

И гость действительно размышлял не зря.

— В таком случае, Закирбай, примите добрый совет...

— Я весь внимание!

— К этой вашей красавице подыщите еще одного милovidного баччу и преподнесите их его величеству эмиру.

Закирбай крикнул, словно его обухом по макушке ударили. Залепетал:

— Ведь я... Ваш слуга... Однако...

Бузрукходжа оборвал:

— Только невежа не может выслушать доброго совета до конца!

— Мой таксыр, извините вашего невоспитанного слугу, я... я слушаю.

— Хочу посоветовать вам, как из одного бревна построить два дома.

— Каким образом, мудрый таксыр?

— Слушайте. Преподнесите верноподданнейший дар, даст бог, вы сможете обрадовать великого повелителя и тем самым добьетесь повышения в должности. Это с одной стороны, а с другой — ваша красавица, удостоенная милости эмира...

Сказав это, Бузрукходжа умолк и посмотрел на Закирбая. Аксакал, не понимая смысла этого взгляда, растерянно хлопал глазами.

— Наивный вы человек, Закирбай,— улыбнулся Бузрукходжа и пальцем поманил его поближе.— Гарем нашего эмира велик. Пройдет время... Пустяки, если исчезнут одна-две невольницы.

Закирбай счастливо рассмеялся... Его трясло от смеха. Он радостно потирал ладони.

— Мудрость ваша безгранична, мой таксыр!

Бузрукходжа усмехнулся и продолжал:

— Хош... Пройдет время. Ваша красotka, покинув тайком гарем, непременно вернется домой. А дальше она уже в вашей власти. Кто встанет вам поперек дороги — бросайте в зиндан. А уж мы не останемся безучастными к вашим заботам.

Закирбай возрадовался. Он будет обладать наложницей самого эмира! Какая великая честь!.. Не чуя под собой ног, он выбежал в другую комнату и вскоре вернулся с дорогим блюдом, на котором лежала богатая одежда.

— Это только для начала, мой господин.

Закирбай накинул на Бузрукходжу парчовый халат, вручил чалму из тончайшего шелка и увесистый мешочек с золотыми монетами. Два халата из адраса, принесенные слугой тоже на блюде, хозяин надел на приближенных Бузрукходжи.

Потолковали еще о том о сем. Затем хозяин почтительно проводил дорогих гостей в опочивальни.

...На рассвете, перед отъездом, Бузрукходжа предупредил Закирбая:

— Смотрите, не испортите все дело, дождитесь людей эмира. Если бог даст, и сам приеду!

Закирбай проводил гостей до большой дороги, ведущей в Бухару.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Слухи о революции упрямо ползли по городу. От них никуда нельзя было деться. Даже в самом Арке шептались о ней. И сановники эмира, предчувствуя неминуемый крах, неистовствовали, с утроенной энергией грабили народ. Особенно тяжело приходилось дехканам. А тут еще суховеи... Собравшись во дворце, то и дело измышляли всякого рода новые штрафы, налоги, невинных людей швыряли в зиндан.

И сегодняшний сбор, объявленный эмиром, не был неожиданностью для уездных амлякдаров¹. Странно было лишь то, что собраться велено было не в Арке, как

¹ Амлякдары — чиновники, налагавшие подать.

обычно, а в загородном дворце эмира Ситоре-и-Мав-Хаса. Задолго до начала чиновники сгрудились у входа во дворец. Одеты они были, как и подобает в таких случаях, парадно, ярко.

Огненный шар заходящего солнца застыл над тополями. На резных воротах сияли багровые блики.

— Закат кровавого цвета — недобрый признак, — промолвил один из чиновников.

— Может, этот закат предвещает закат благородной Бухары! — шепнула приятелю невысокий, но ладный молодой человек с умными быстрыми глазами.

С опаской оглянувшись, приятель пробормотал:

— Вы неосторожны, Абдурахман. Боюсь, как бы этот закат не свидетельствовал о конце ваших дней...

Вышел удайчи¹ и пригласил собравшихся во дворец.

В Махасе, как коротко называли загородную резиденцию эмира, распустив яркие неправдоподобные хвосты, прогуливались павлины. Высокие заборы бросали тень, длинную, мрачную. Основание заборов, лишенное солнечных лучей, почернело от сырости.

Сановники шли дальше, к большим воротам. И там, остановившись у входа в сад, заняли места, каждый по своему чину. Все замерли, сложив почтительно руки на груди.

Иранские ковры, разостланные на айване, казались выканными из светящихся красок. Курпачи, стеганные из дорогих тканей, сверкали.

Прошло с полчаса, и показался человек в парчовом халате и чалме.

— Сейчас пожалует сам повелитель правоверных! — торжественно провозгласил он и вышел.

Придворные прошли на айван. Все отвесили нижайший поклон, сложив руки на груди, когда вышел эмир Алимхан и занял свое место. Глаза его тяжело смотрели из-под густых черных бровей. Эмир погладил бороду. Казалось, она закрыла все лицо.

— Да не покинет счастье повелителя правоверных! Да будут уничтожены враги его! — раздался заунывный голос.

Все подняли руки и провели ладонями по лицу.

¹ У д а й ч и — главный служитель дворца.

Церемония встречи повелителя со своими верными слугами закончилась.

Знатный вельможа обратился к собравшимся:

— К сожалению, ныне по нашей священной земле ходят всякие нежелательные слухи. Говорят, будто большевики взяли Ташкент, Самарканд охвачен нечестивой революцией и иноверцы начали наступление на мусульман. Вы — истинные защитники благословенной Бухары. И вам знать надлежит, что упомянутыми выше слухами опечален повелитель правоверных, несравненный Саид Алимхан. Желая нашего избавления от грозящей опасности, день и ночь его высочество ищет разумного решения.— Оратор повернулся к эмиру и замер в поклоне, прося у него разрешения продолжать. Эмир мрачно кивнул.

— Чтобы предотвратить все беды и несчастья, прежде всего необходимо пополнить высочайшую казну золотом. Мы уверены, что враги наши будут стерты с лица земли. Надеемся, что высокопоставленные сановники, собравшиеся здесь, примут участие в этом благословенном деле, исполнят желание великого эмира, ибо воля его — это воля аллаха!

Оратор посверлил глазами сановников, и сразу слышались возгласы:

— Мы покорные слуги повелителя! Его воля — воля аллаха!

Вельможа остался доволен.

— Каждую минуту наша жизнь в опасности. Мы не знаем, с какой стороны взойдет солнце завтрашнего дня. Наше положение можно сравнить с положением путника, идущего темной ночью без фонаря. Тысячи раз возблагодарим аллаха, что он поставил над нами покровителем великого и мудрейшего Саида Алимхана. Повелитель отвратит все беды и несчастья, обрушившиеся на наши головы.

Снова раздались возгласы:

— Пусть живет наш повелитель долгие годы! Да прибавится ему богатства!

— Каждый правоверный,— продолжал красноречивец,— обязан пасть ниц перед ликом нашего эмира. Тех же, кто кощунственно противодействует ему... Этим неверных ждут плаха и зиндан!

Раздался визгливый голос:

— Газават — против тех, кто против великого эмира. Газават! Священная война!

— Баракалла!¹ — похвалил оратор. — Вот именно, священная война, осененная зеленым знаменем пророка. Не забывайте, что в священном нашем городе завелись смутьяны. Они смущают умы, протянули руки и в уезды, сбивают с пути простой народ. Вероотступники покушаются на основы священного государства, на ваше благоденствие. Мы должны раздавить нечестивцев! С этой целью мы послали в их безнравственную, безбожную организацию своих людей. Они следят за каждым их шагом. Смерть богохульникам и вероотступникам! Пусть все собравшиеся здесь немедля разъедутся по уездам. Для священной войны нужен большой кошель. Их высочество мудро повелел собрать как можно больше золота, серебра, каракулевых смушек, зерна, мяса и масла и только после этого начать священный поход. Поднимайте же правоверных на священную войну! Внушайте народу словом... а если надо и кнутом, что в его интересах защищать наши интересы. Мусульмане, вся надежда повелителя — на вас.

Снова раздались возгласы:

— Воля великого эмира — закон! Смерть нечестивцам!..

Абдурахман подергал друга за рукав, зашептал:

— Ну, давайте потихоньку выходить. Пора. Друзья заждались нас, надо предупредить. Следует спешно разъехаться по кишлакам, чтобы рассказать народу об истинных планах эмира.

Абдурахман, а за ним его спутник прошли мимо стражи и за оградой под деревом на миг остановились.

— Идти вдвоем опасно... — сказал Абдурахман, и они разошлись в разные стороны.

Грозные события назревали. С каждым днем росло недовольство трудового люда против баев, эмира. Жизнь становилась невыносимой. Кто-то должен выразить протест, подняться против существующего строя...

Такие люди в Бухаре были.

Разное настроение было у людей. Одни колебались,

¹ Баракалла — bravo!

другие требовали внести в существующие порядки частичные реформы и преобразования. Третьи понимали неизбежность победы революции, но не имели определенного представления о ее плодах...

Сложилась также и партия «младобухарцев». В нее вошли люди самых разных взглядов. Каждое собрание проходило в острых спорах, серьезных разногласиях. «Младобухарцы» никак не могли прийти к определенной цели. К тому же сходки проходили нерегулярно, без подготовки, что подчас приводило к разброду.

Вот и сегодня собрание было создано неожиданно. Возможно, не успели оповестить всех членов, и многие не присутствовали. Официально никто не открывал собрания. Сразу началась горячая перепалка.

Когда пришел Абдурахман, спорщики утихомирились — ждали, что скажет проницательный Абдурахман.

Он попросил слова.

— Уважаемые друзья, только что в загородной резиденции эмира состоялся «большой сбор» злобных тиранов. Победа революции в Самарканде серьезно встревожила и его людей. Они уже сами признают, что сейчас судьба бухарского ханства висит на волоске. И они решили не сидеть сложа руки, а замутить голову простому народу и поднять его против большевиков, объявить «священную войну» под знаменем ислама. Само собой разумеется, друзья, они перейдут в решительную атаку против всех революционеров. Если мы упустим хоть минуту — нас ждет неизбежный провал. Необходимо этой же ночью выехать по кишлакам. Сейчас самое время открыть глаза дехканам, разоблачить черные замыслы угнетателей.

Но не так-то легко решаются здесь вопросы. Сидевший в углу человек, похожий на муллу, сразу же стал возражать.

— Наша забота не в том, чтобы поднять народ против эмира, досточтимый Абдурахман, не старайтесь вести людей по ошибочному пути. Мы должны побеспокоиться об улучшении жизни. Найти пути. Но забыть о том, что мы мусульмане — было бы безумием. К чему же в таком случае тревожить дехкан? Скажите, друзья, ради аллаха, разве мы объединились для кровопролития?

В разговор вмешался другой, помоложе.

— Мулла Миргияс, не притворяйтесь наивным, не считайте сидящих столь несообразительными. Мы хотим ускорить наступление долгожданного дня, когда над нашими бедными хижинами, жаждущими света, засияет солнце свободы. Свободы нельзя добиться лишь призывами и увещеваниями. Мало ли наших братьев уже томится в зинданах или рассталось с головой! Скажите, что же нам остается делать? Мы должны, обязательно должны поднять народ на борьбу против эмира. Сейчас центр революции находится в Самарканде. Надо обратиться в Самарканд, просить поддержки.

— Я не могу, почтенный Зайниддин, подать руку богоотступникам!— упрямо возразил Миргияс.

Многие собравшиеся неодобрительно зароптали.

— Наша цель, безусловно, действовать согласованно, мулла Миргияс,— стоял на своем Абдурахман.— Если вы согласитесь с мнением большинства... Что ж, действуйте по своему усмотрению.

Абдурахман на этом поставил точку. Хватит. И так потеряно много времени. А надо еще обсудить другие неотложные дела.

Выступившие одобрили предложения Абдурахмана. Собрание закончилось и он отправился домой. Нужно отдохнуть хоть немного, а рано утром отправиться в кишлак. Он только успел повернуть за Базаринав, как услышал негромкий оклик отца. Абдурахман подождал его, присев на супу у ближайших ворот. Отец подошел, опустил рядом. Оглядевшись, хрипло сказал:

— Лучше, сынок, не ходи домой день-другой. Сегодня эмир собрал своих людей в Махасе, совещался с ними о важных делах. Потом остались только сановники. Они выслушали высочайший указ об аресте всех подозрительных горожан. Уже приступили к его исполнению. Об этом стало известно твоему дяде. Он просил: «Ради бога, помоги сыну скрыться. Если узнают о нем шпионы эмира, и меня схватят, выдворят из Арка и бросят в зиндан». Едва дядя ушел, явились в махаллю сарбазы. Спрашивали «парня, что побывал на тыловых работах». Долго шарили по домам, а затем направились в сторону Деббияна. Возблагодарив аллаха, я побежал сюда, к перекрестку. Вот и увидел тебя, слава всевышнему. Потопрапливайся, сынок. Лучше иди в кишлак Халач. Най-

дешь там Рахмана-тога. Человек он надежный. Спешь, сынок!

Абдурахман не стал мешкать. Попрощавшись с отцом, торопливо зашагал по тесным переулкам. И лишь отойдя на порядочное расстояние от самаркандских ворот, немного успокоился.

...Указ царя Николая о мобилизации туркестанцев на тыловые работы коснулся, конечно, и Бухары. Каждый квартал должен был выделить определенное количество мужчин. Попал в список и Абдурахман. «Состояния» отца, который существовал продажей шурпы, разумеется, не хватало, чтобы освободить сына от этой повинности, и Абдурахман некоторое время работал на железной дороге близ Оренбурга. Там юноша близко познакомился с русским рабочим Иваном Прокофьевичем Демикиным. Иван Прокофьевич часто приглашал Абдурахмана к себе домой. Интересные, удивительные разговоры шли за чаем. Как просто и ясно рассказывал Иван Прокофьевич о событиях, происходящих в мире, о войне, о народных волнениях в городах и селах, об их причинах.

— Все должны быть свободными, Абдурахман, а для этого надо отнять власть у богачей!

Абдурахман смотрел на русского друга не мигая. Шутка ли сказать: отнять власть!

Постепенно юноша начал разбираться во многих политических вопросах. Теперь борьба за свободу и справедливость не пугала его. Без такой борьбы — он убедился в этом! — нельзя дальше жить. Нужно выгнать баев, отобрать у них землю...

Однажды Иван Прокофьевич сказал:

— Завтра ты затемно выйдешь на станцию. Когда начнет светать, подойдет товарный состав. Около шестого, красного вагона встретишься с человеком. Его зовут Алексей. Он мой товарищ. Тебе нужно только назвать свое имя. Он подвезет до Ташкента. Верные люди многое еще тебе объяснят. И потом... Потом, я думаю, найдешь дорогу к себе домой... — Иван Прокофьевич положил руки на плечи Абдурахмана. — Вернешься домой — разоблачай перед бедняками черные дела баев. Собери вокруг себя хороших друзей и действуй смело. Понял? Скоро везде будет свобода. Ну, до свидания. Возможно, и встретимся еще...

Абдурахман из Ташкента вернулся в Бухару. Нелегко было подобрать людей, на которых можно положиться. Но такие нашлись. В это время возникла организация младобухарцев. Абдурахман и его друзья тоже стали ее членами, чтобы нести людям слова правды, убеждать колеблющихся. Он часто ездил из кишлака в кишлак, разговаривал с дехканами, призывал людей на борьбу. Конечно, за подобные дела эмир по головке не погладит...

Рахман-тога удивленно уставился на юношу, даже испугался. Кто может приехать из города! Конечно, человек эмира. Опять новая подать... Абдурахман поторопился представить.

— Так, так!— успокоился старик.— Значит, вы сын Абдурахима, торговца шурпой? Молодец, молодец сынок, ну, пожалуйте, войдите. Поверьте, не узнал вас. Лет пять-шесть назад возил вам дрова. Совсем взрослым стали. Ну-ну, проходите, сынок. Как поживает отец ваш?

— Спасибо! Передавал вам привет.

— Дай бог ему доброго здоровья. Ну, садитесь, сынок.— Каким ветром вас занесло в наши края?

— Просто так, решил заглянуть.

— Спасибо, сынок, спасибо. Добро пожаловать.

Абдурахман рассматривал старика. Нелегко, видать, живется этому человеку. Кишлак выглядит убогим, разграбленным. В доме Рахмана-тога пусто. Хотел было старик угостить юношу, да нечем.

Смущенно оглядывается по сторонам Рахман-тога, задает вопросы о жизни в Бухаре, о ценах на базаре, о налогах.

— Трудно нам,— вздыхает.

«В Бухаре не легче,— подумал Абдурахман.— И с каждым днем становится тяжелее. Нужно об этом рассказать. И не только старику».

— Знаете что, Рахман-тога?

— Слушаю, сынок.

— Позвали бы людей вроде вас. Тех, кому доверяете. Поговорили бы.

— Можно, сынок, можно. Сейчас же мой сын Равшан позовет. Эй, Равшанджан!

Равшан переводил взгляд с отца на незнакомца.

— Иди позови, сынок, Хадикула-тога, Исмата-бобо, Мурад-бека, Аминджана...— перечислял отец.— Скажи, что из города приехал гость. Пусть придут да побыстрее... Да!.. Пстой, сынок! Вчера я видел Бури-Дива. Он сказал, что у него разговор ко мне. Пусть тоже придет.

Долго ли собрать людей в кишлаке! Один за другим во двор Рахмана-тога входили дехкане, здоровались с гостем. Держались степенно. Городской человек хочет с ними поговорить. Что ж, можно его послушать.

— Вчера мне с друзьями удалось побывать в Махасе,— начал Абдурахман,— эмир собрал там своих приближенных... И вот мы хотим предупредить таких бедных тружеников, как вы, что задумал эмир и его люди. Дело вот в чем. В последнее время эмир и его сановники совсем разъярились. И есть от чего. В Россию пришла свобода. Освободился от баев Ташкент. Наши самаркандские братья тоже получили свободу. В ближайшие дни там дехкан наделят землей. Они уже не будут покоряться баям. Все это страшит эмират. И еще как! Поэтому тиран торопится всеми силами пополнить свою казну, до нитки обобрать вас — бедняков. Деньги ему нужны, чтобы задержать революцию, объявить газават! Но, как говорят, луну подолом не прикроешь. Остановить революцию — все равно что стараться закрыть небо крышкой от чайника. Велик и могуч народ во гневе. Много он пострадал. Но тираны продолжают грабить людей, хотят поднять ремесленников и дехкан на войну против верных друзей трудового народа, борцов за свободу — большевиков и тех из нас, кто их поддерживает.

— Погодите, братец. Не торопитесь. Тут каждое слово взвесить надобно... И потом... Может, представитесь? Как зовут вас?— спросил Хадикул.

— Имя мое Абдурахман.

Недоверчиво посмотрел Хадикул на гостя.

— Значит, вы мусульманин?

— Да, амаки.

— Ну, если эмир пойдет священной войной на боготступников, почему же вы считаете, что это плохо? Ведь в противном случае религия наша подвергнется поруганию!

— Нет, амаки, эмир не защищает религию, да на ве-

ру никто и не покушается. Он натравливает таких бедняков, как мы с вами, против тех, кто нам несет свободу. Он хочет сохранить свою жизнь, свою власть...

— Значит вот как?— Хадикул задумался. Затем махнул рукой:— Э, все равно... Вы говорите, новые поборы? Но ведь так всегда было... Должен же кто-то обирать!

В разговор вмешался Рахман-тога.

— Э, Хадикул, братец, странно вы рассуждаете. Абдурахман рассказывает об истинных друзьях дехкан и ремесленников. Большевики, я слышал, хотят, чтобы все труженики были свободными. Откуда у эмира богатство?.. Откуда оно у баев? Не у нас ли с вами взяли? Или же аллах послал с неба! А? Вот что вышло нынче... Собрали мы урожай. Хош! Отдали баю львиную долю, уплатили эмиру грабительские налоги... Жалкие крохи достались нам. Ну а теперь сможете ли вы считать даже оставшуюся часть урожая своей?

Его поддержал престарелый Исма-т-бобо.

— Эх, сынок...— горько усмехнулся он.— В наше время не верь даже и тому, что у тебя во рту. Что проглотил — только то твое. Бывало, сынок, что и изо рта кусок выхватывали.

Бури-Див молча разглядывал односельчан и вдруг заговорил, неловко, сбивчиво:

— ...И я уже натер спину. Только и знаю, что хребет ломаю на баев. А до этого был эмирским воином. Навидался. Для богатеев пролить кровь из-за копейного дела — такой же пустяк, как для нас произнести «хош». Где я только ни бродил, оставив родной кишлак!.. В городе живу поденщиной, в неделю раз-другой прихожу в кишлак, надышусь запахом родной земли и снова иду зарабатывать на кусок хлеба.

Бури-Див передохнул и неожиданно обратился к Абдурахману:

— Познакомьте меня с ними... С этими... которые за свободу. Я буду ходить из кишлака в кишлак и громко, во весь голос говорить людям: «Не ходите на священную войну. Хватит того, что я так горько обманут».

Он опять замолчал. Но никто не проронил ни слова. Все с удивлением смотрели на Бури-Дива, ждали, что он еще поведает, много испытавший в жизни человек. И великан продолжал:

-- Ну, скажите, что я видел доброго от эмира, кото-

рого вы защищаете?— Бури-Див посмотрел на Хадикула.— Что я видел? Плетку! Эмир выжал из меня молодость, все силы. А потом нашли более молодого и ловкого сарбаза, и я был изгнан из Арка.— Бури-Див тяжело вздохнул.— У мечети и в медресе я просил подавание — в той священной Бухаре, которую провозгласили местом поклонения, чтобы еще более возвысить власть эмира в глазах таких простых людей, как мы с вами. Ни одной мири не подали мне богатеи. А такие же несчастные, как и я, делились последним куском лепешки. Когда я вспоминаю, что служил эмиру, выполнял его жестокие приказы, кровь стынет в жилах. Эх, как же я был обманут! Как заслужить мне прощение у простых людей?..

Бури-Див не мог больше говорить, обхватил голову руками, всхлипнул.

— Эй, эй, Бурибай, братец, что с тобой, а?— Рахмантога похлопал его по плечу.— Брось, брось! Вот Абдурахманджан призывает нас объединиться и подняться на борьбу. Надо все это растолковать людям.

— Ох, не мастер я речи говорить. Мстить, мстить хочу! Кровососам мстить. Лишь тогда успокоюсь.

Тяжело смотреть на Бури-Дива. Всю молодость отдал он Арку, служил эмиру, а сейчас — нищий, вечно голодный.

Абдурахман вновь заговорил:

— Чтобы предотвратить напрасное кровопролитие, надобно рассказать людям всю правду. Пойти по кишлакам... Расскажите людям, какой дорогой надо идти, откуда ждать помощь... Эту помощь мы ждем из Самарканда. Свободу ждем! Недалек тот день, когда придет и к нам революция!

Абдурахман кончил речь. Все хранили молчание. Люди думали. Первым заговорил хозяин дома:

— Дай бог тебе счастья, сынок! Спасибо. Будь спокоен. О чем ты говорил, мы передадим людям. Можешь положиться на нас. Все передадим.

Присутствующие одобрительно закивали.

— Расскажем...

— Люди поверят вам.

— Спасибо, сынок.

Вечером Абдурахман зашагал в соседний кишлак.

Мечется осенний ветер, срывает с веток пожелтевшие листья, крутит в воздухе, швыряет наземь... Вновь и вновь набрасывается на сад. Сорванные листья, прячась от ветра, словно бы спешат укрыться под кустарниками.

Равшан наблюдает за листьями. Они будто живые существа. Наблюдает и думает. Многое он услышал вчера от городского парня.

Власть эмира накануне гибели. В Россию пришла революция... И Ташкент освободился от баев. В Самарканде — свобода. Скоро дехкане получат землю. Теперь они не будут покоряться баям!

Необычные слова. Простые, но необычные. Что же произойдет? Какой она будет — новая жизнь?

Много лет Равшан с отцом обрабатывают маленький клочок земли, ухаживают за посевами, собирают урожай. Едва успевают они, как муравьи, перетаскать урожай в амбар, является аксакал кишлака, за ним — люди эмира и, ссылаясь на вековые законы, забирают почти весь урожай!

Бедному дехканину оставляют самую малость. Несчастный не знает, что и делать. Если сберечь на семена, нечего будет есть. Истратить в пищу — лишится семенного зерна.

Ветер срывает и уносит листья с деревьев. Есть что-то общее между этими деревьями и дехканами. Деревья плодоносят, а наслаждаются плодами другие. Дехканин в поте лица выращивает урожай, а плодами его каторжного труда наслаждаются богачи.

Много тревожных мыслей рождается в голове юноши. Сверкнут молнией и сразу же исчезнут. На мгновение только осветят события, жизнь людей... И опять темно... Но все чаще и чаще сверкает молния. Крепкие руки сжимаются в кулаки. Равшан вспоминает гостя — Абдурахмана. Как не позавидовать этому скуластому, худощавому парню. Он грамотный, наверное, знает, как нужно поступать в жизни, что делать. Вот подойти бы к нему и сказать: «Возьмите меня с собой. Научите всему».

А как же Гульбадам?

Ох, Гульбадам, Гульбадам!

«А что если рассказать ей? — подумал юноша. — Вот возьму и зайду к ней, поделюсь с Гульбадам своими думами... А вдруг она обидится?.. А может, нет?»

Равшан решительно зашагал по улочке. Вот и ворота. Взялся за кольцо, звякнул.

— Кто там?

Голос Гульбадам! Юноша вздрогнул. Может, уйти?

— Кто там?— переспросила Гульбадам.

Равшан ответил нерешительно:

— Я-я...

Звякнула цепочка, со скрипом открылась калитка. На Равшана удивленно и радостно смотрели большие черные глаза.

Совсем растерялся Равшан. Казалось, все исчезло — и кишлак, и деревья, и ворота, в которые он только что стучал... Он видел лишь Гульбадам, и не знал, что сказать.

А сказать нужно... О чем же? Ах да... Он ведь приготовил вопрос.

— Хадикул-ака дома?

— Отца нет, уехал в степь.

Сдерживая дрожь в голосе, Равшан чуть слышно произнес:

— Хорошо, что вы дома...— сказал и посмотрел в глаза девушки.

Она не выдержала взгляда. Наклонила голову. Но все же кольнула вопросом:

— Что с вами? У вас такой робкий вид!

Равшан покраснел. А может, она хотела сказать: «За чем стучаться в ворота, когда у вас совсем нет смелости!»

Он собрался с духом:

— Не легко, оказывается, встретиться лицом к лицу с той, кто лишил тебя смелости!

И шагнул через порог — смело, твердо. Закрыв ворота за собой. Медленно подошел к девушке и встал перед нею. Теперь он ясно слышал отрывистое дыхание Гульбадам. Она молчала. Оба замерли в предчувствии чего-то важного, необычного. Равшан коснулся ее руки. Гульбадам по-прежнему молчала. Он взял ее руку. Ладонь пылает, но отпустить он не в силах. Так, прислушиваясь к своему прерывистому дыханию, они прошли к дому.

Здесь, возле распахнутой двери, Гульбадам осторожно высвободила руку, кивнув на порог, пригласила:

— Садитесь...

— А вы?— Равшан осторожно прикоснулся к ее локтю. Гульбадам молча села. Порог был узкий. Равшану

пришлось опереться о косяк, и плечо Гульбадам касалось его груди.

Ветер теребил ее волосы.

Какая удивительная тишина! Вот так бы и сидеть всю жизнь, слуховать беспокойный, тревожный, но радостный стук собственного сердца. Стук сердца — на весь огромный мир!... Неужели уже ночь на дворе?..

Набежали тучи. Гульбадам воскликнула:

— Смотрите, звезды... Они исчезли!

— Звезды робеют перед вами, прячутся...

— Чего им робеть передо мною?

— Перед вашей красотой. В сравнении с вашими сияющими глазами, Гульбадамхон, звезды — ничто!

— Это вам так кажется... — прошептала девушка.

Первое неловкое объяснение. Хочется о многом сказать, но куда только деваются слова? Как звезды, сверкнув — и сразу же исчезнут.

— Вы слышали, Гульбадам?

— О чем?

— В наш кишлак приехал человек из города, говорит, надо бороться против баев. Этого человека зовут Абдурахманом.

— Страшные слова он говорит, Равшан-ака!

— Но справедливые, Гульбадам. Не будь баев и других притеснителей, трудовые люди жили бы счастливо.

— Это верно.

— А коли так... Хотели бы вы, Гульбадам, помогать бороться за счастливую жизнь?

— Кому? — удивилась девушка.

— Мне, Абдурахману-ака, всем, кто испытал на себе гнет и притеснения! — горячо заговорил Равшан.

Гульбадам потупила глаза.

— Я готова всегда быть рядом с вами, Равшан-ака! Я... Разве могу я забыть страдания. Гибель матери? Никогда!

— Не горюйте, Гульбадам. Придет свобода, обязательно придет! Об этом сказал гость из города. Но чтобы добыть свободу... Для этого и надо, оказывается, объединиться всему кишлаку. Если объединимся, то сам эмир будет трепетать перед нами!

— Да будет так, как вы сказали, Равшан-ака!

Гульбадам и Равшан смолкли.

Теперь их ничто не может разлучить. Их сердца всегда будут вместе.

Так они думали.

Подобного чувства Равшан еще никогда не испытывал. Сейчас он жаждал взяться за самое трудное дело, встретиться с самым сильным врагом.

До поздней ночи не мог заснуть Равшан. О многом передумал. Он обязательно будет вместе с такими, как Абдурахман. Обязательно. Он поможет людям!

Только на рассвете заснул Равшан. Разбудил его зов отца.

— Вставай, сынок, иди, посмотри... Какая-то суматоха поднялась на улице.

Равшан вскочил и побежал к воротам. Он услышал голос Закирбая. Властный, хозяйский голос:

— Немедленно собирайте людей на площадь. Из города приехали важные сановники эмира. А ну-ка, шевелись побыстрее!

Равшан с отцом подошли к раскидистому карагачу. Здесь уже толпились односельчане, подходили остальные — хмурые, озабоченные, молча усаживались вокруг супы. Ничего хорошего дехкане не ждали от посланцев эмира.

Когда все были в сборе, со стороны дома Закирбая показался Бузрукходжа со своими спутниками. За ними следовали Закирбай и несколько эмирских сарбазов.

При виде сарбазов Рахман-тога сокрушенно покачал головой, посмотрел на Хадикула, как бы говоря: «Ви-дишь?» Исмаг-бобо что-то шепнул сидевшим рядом. Односельчан охватила тревога.

Люди эмира степенно уселись. Бузрукходжа обвел жителей кишлака тяжелым взглядом и начал речь.

— Сам великий эмир направил меня к вам...

— Да продлит аллах жизнь великому эмиру! — хрипло воскликнул Закирбай.

Бузрукходжа одобрительно кивнул и продолжал:

— Священная Бухара — опора ислама и шариата — находится на пороге печальных событий. Коварные богохульники, именуемые «болшавик», захватили Ташкент, завладели Самаркандом. Они уже в Кагане. Опасность может настичь и нас. Поэтому их высочество обеспо-

коен заботой о вас, своих подданных. Он ночей не спит, ищет пути избавления. Для отражения натиска коварных богоотступников надо снаряжать войска, собирать людей. И посему великий эмир приказал: каждый подданный в уплату недоимок за прошлый год обязан отдать мешок зерна и еще два мешка в пользу казны. Кто уклонится от исполнения высочайшего фирмана, тот будет наказан — его забьют камнями как оказавшего поддержку богоотступникам или же бросят в зиндан. К таким людям не будет никакого снисхождения. Их высочество изволили также повелеть, чтобы ни один правоверный не остался в стороне, когда мы пойдем священной войной на богоотступников. Надеемся, что подданные твердо придерживаются религии и шариата и выполнят мудрое повеление владыки.

— Конечно, моя дорогой таксыр. Если нашему эмиру угрожает такая опасность, мы готовы принести в жертву и богатство, и жизнь свою!

— Хош, начинайте, Закирбай,— сказал Бузрукходжа, передавая ему большой лист бумаги.

— Исмат-бобо, сын Таджи. Прошлогодня недоимка один канар, в пользу казны — два канара. Ну, идите, порторапливайтесь, Исмат-бобо.

Старик схватился руками за грудь, словно сердце его рвалось наружу. Некоторое время он беззвучно шевелил сухими губами. Наконец чуть слышно сказал:

— Милый Закирбай, ведь вы хорошо знаете... Безводье в этом году, недород! У нас остались жалкие крохи, чтобы не умереть с голода. Что же будет, если отдадим и это? Ведь нас ждет голодная смерть, сынок!

— Попридержи язык, старик!— крикнул Закирбай и угрожающе вскинул кулак.

На висках у Исмата-бобо набрякли жилы. Старик заплакал.

— Принесешь или нет?

— Мусульмане, это же беззаконие! Ведь погибнем мы!— повернулся к односельчанам Исмат-бобо.

По еле заметному кивку эмирского сановника к старику рванулись сарбазы, скрутили руки и бросили к ногам Бузрукходжи.

— Проси прощения, собачье отродье! Ты оскорбил самого эмира!

Исмат-бобо протянул дрожащие руки к Бузрукходже:

— Есть ли совесть у вас? Не стыдно ли обирать народ среди белого дня?

Со свистом опустилась плеть... Еще раз... Еще... Исма-мат-бобо недвижно распластался на земле. Закирбай приказал приближенным:

— Идите! Вынесите из дома этого забывшего бога святотатца все зерно, погрузите на арбу. А старика арестуйте. В кандалы его, в кандалы!

Грабеж продолжался несколько часов. Подошел черед Хадикула. Руки у него дрожали. Он смотрел на Закирбая и все твердил:

— Сжальтесь! Будьте снисходительны!

Многозначительно взглянув на Бузрукходжу, Закирбай внушительно произнес:

— Положение этого человека очень тяжелое, мой таксыр. У него большое горе — умерла жена. Недоимки за прошлый год — два с половиной канара зерна. Прошу простить ему один канар.

Хадикул невольно шагнул вперед.

— Сжальтесь, мой таксыр. За прошлый год у меня нет недоимок, все взяли. Сжальтесь, не разоряйте меня.

— Если ты уже отдал, значит, люди эмира врут. Так, что ли? Ну, говори же, бессовестный!— подскочил к Хадикулу один из сарбазов.

— Таксыр, ведь я правду говорю! Сжальтесь, таксыр!

Бузрукходжа, обернувшись к Закирбаю, усмехнулся.

— И вы еще просите сделать снисхождение этому человеку?

— Простите меня, мой таксыр, простите!— пролептал Закирбай, низко кланаясь.

Бузрукходжа протянул руку в сторону Хадикула и приказал сарбазам:

— Вынесите все зерно из дома этого человека.

Сарбазы кинулись выполнять приказ и вернулись с канаром зерна.

— Что? Больше ничего нет?— удивился Бузрукходжа.

— Нет, таксыр, это все.

— Вынесите из дома имущество!

— Нет ничего стоящего, таксыр! Вот только дочка его...

Бузрукходжа небрежно бросил Закирбаю:

— Вы пока продолжайте сбор налога, а я сам осмот-
рю дом этого человека.

Услышав вроде бы безобидные слова Бузрукходжи, Равшан побелел, как полотно. Как, как защитить Гульбадам? Юноша с ненавистью посмотрел на вооруженных эмирских прислужников. Что делать? Чем помочь любимой! Сарбазы с Бузрукходжой подходили к дому Хадикула. Равшан невольно двинулся следом. Остановился у ворот. Со двора донесся голос Бузрукходжи:

— Благодарю всевышнего, что есть у тебя красавица дочь, глупый старик. Даст бог, явится в твой дом благополучие. Великий эмир, отец наш, простит тебе твой долг. Возможно, и одарит щедро.

Раздался отчаянный крик Хадикула. Кровь бросилась в лицо Равшану. О негодяй!.. Как помочь? Чем?.. Ворваться и схватить эмирского прислужника за горло? А сарбазы? Но медлить нельзя... Нельзя!

Показались сарбазы. Они волокли Гульбадам к арбе. Девушка рвалась из рук, кричала:

— Отец! Помогите!

Равшан стремительно шагнул вперед, снова замер. Сарбазы вывели Хадикула со скрученными руками, швырнули наземь.

— Спасите меня, отец, не отдавайте меня!

— Доченька, доченька, не отнимайте у меня дочь!

Равшан уже не мог сдерживать себя. В глазах у него потемнело. Крики несчастных звучали в ушах. Юноша рванулся, схватил одного из сарбазов, державших Гульбадам, за горло, изо всех сил ударил. Сарбаз отлетел к воротам, стукнулся затылком о балку и медленно осел на землю. Другой сарбаз бросился на Равшана, хотел несколько раз ударить его прикладом ружья, но от свирепого удара головой в живот екнул и свалился под арбу. Пока опомнились Бузрукходжа и третий сарбаз, пошли дехкане.

Подталкивая свою добычу к арбе, Бузрукходжа угрозил Равшану револьвером.

— В зиндане сгною, бунтовщик! Твое счастье — тороплюсь. Но за мной не пропадет.— Затем пнул сарбаза, валявшегося под арбой.— Вставай! Трогай, лев, побитый кошкой!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Поздно поднялся Равшан. Голова его разламывалась от боли, тело налилось свинцом. Но сильнее всего болело, невыносимо болело сердце! «Гульбадам! Гульбадам!»

Равшан вынужден был бежать из родного кишлака. Скрывался в кустарниках. Надо разыскать Абдурахмана. Иначе пропадешь. Но сначала он должен навестить родных. Не грозит ли им опасность?

В полночь Равшан вернулся тайно. Ходил как помешанный, не знал, что делать, за что взяться... Тревожно на душе. То подойдет к двери, задумается, то долго рассматривает розу, бережно положенную в пиалу, — ту самую розу, что подарила Гульбадам.

Вот он взял пиалу, бережно наклонился над розой. И снова зазвучали слова Гульбадам: — «Я сама прививала... Если хотите, я вас научу. Хорошо? Будете тоже выращивать прекрасные цветы...»

Что она сказала в последний раз? — «Больше никогда не буду выходить к вам...» Но как она при этом смотрела на Равшана! Разве можно забыть ее взгляд!

Глубоко вздохнув, юноша вышел во двор. Куда пойти? К кому обратиться? Кто выслушает и облегчит его горе? Мысли путаются...

Равшан, опустив голову, дошел до ворот. Отец испуганно окликнул его:

— Сынок! Вернись. Тебя же разыскивают!

— Ну и пусть! Пусть разрубят на куски, бросят в яму. Для чего такая жизнь?

— Мужчина должен держать себя в руках, — укоризненно сказал Рахман-тога. — Надо все обдумать, найти выход... В этом и достоинство стойкого, смелого человека, сынок. — Помолчав, добавил: — Заходил ко мне Хадикул. Совсем извелся, бедняга. Горе сломило его. Не дай бог никому испытать такое. Смотреть на него нет сил. Сердце сжимается, глаза жжет, будто вонзили в них горячие вертела. Надо что-то делать, сынок. Нехорошо сидеть сложа руки. Думаю, тебе надо найти нашего друга Абдурахмана. Передай привет, скажи, что пришел к нему за советом и помощью. Может, подскажет, что делать. Как-никак городской человек, ум у него светлый.

Добрые слова отца подбодрили Равшана. Ему теперь казалось, что стоит лишь появиться в городе, сразу же Абдурахман освободит и выручит Гульбадам. Вспыхнула надежда.

— Спасибо, отец, ночью я уйду.

У обочины дороги, ведущей в город, Равшан заметил какой-то силуэт. Присмотрелся. На большом камне прилежал путник. Равшан разглядел Бури-Дива.

Первым желанием было — быстро пройти мимо. Но Бури-Див поднял голову.

— Равшан? Ты ли это? Отчего странствуешь во тьме? Чего сторонись? — Великан вздохнул. — И ты хочешь растравить рану моего сердца? Почему мне не верить? Почему? Разве виноват я, что вырос сиротой? Еще не успел поумнеть, встать на ноги, а эмирские сарбазы взяли меня к себе... Они учили меня, они наставляли... Чему учили? Твердили одно: «Указы эмира — это воля самого аллаха»... Мне шел двадцатый год, — продолжал он. — Всех, кто находился за воротами Арка, я ненавидел. И я рвался в бой, как лев, жаждал кромсать мечом... Острым мечом с перламутровой рукояткой. Все мои годы — это битвы... Рекою лилась людская кровь. Я помню, сколько голов полетело в страшном бою с хорезмийцами у берегов Амударьи. С холма катились головы в реку. Этот холм так и называют «Калла юмаланди»¹.

Своим признанием Бури-Див бичевал себя. Каждое слово стегало его, словно камчой.

— Меня хвалили за смелость, жестокость в боях... А когда я сам попал в беду... Только тогда я начал понимать жизнь, братец мой, Равшанджан! Сжался надо мною, протяни руку помощи, поведи к этому гостю из города — Абдурахману! Хочу мстить... Мстить тем, кто искалечил мою жизнь, сделал из меня зверя. А я ведь — человек, Равшан! Че-ло-век!

Чувство жалости шевельнулось в душе Равшана. Присел рядом.

— Не надо так, Бури-ака, — сказал он мягко, — успокойтесь. Сейчас весь кишлак уже иначе думает о вас.

¹ «Калла юмаланди» — «Пережат головы».

Вы же бросили травить себя анашой? Вы говорите — искалеченная жизнь... У кого она лучше? Назовите... После вчерашнего грабежа в кишлаке не осталось и горсти зерна.

— О братец мой, Равшан, если бы мое горе было только в этом. Душа страдает!— Бури-Див отвернулся.— Нет, не могу вымолвить. О аллах!..— Голос его дрогнул.— Я хочу сам рассчитаться с ними. Я не виноват. Прости же, аллах, заблудшего раба твоего.

— Бури-ака,— обратился к нему юноша,— в моих ушах до сих пор звучат слова Абдурахмана. Как оглянешься вокруг, приходишь в ужас. Куда ни посмотришь — всюду оборванный, нищий люд. Все наши пожитки — рваная постель да дырявая кошма. Люди дни и ночи до изнеможения работают на баев. Почему мы так живем? Неужели, если сплотится весь кишлак, не сможем проучить нескольких взбесившихся собак вроде Закирбая? Не под силу, что ли? Под силу, только никто не решается на это. Вы помните слова гостя из города? Бедные люди, вроде нас, в соседних городах уже избавились от баев. До каких же пор мы будем терпеть обиды и притеснения?

Бури-Див встал и положил громадную руку на плечо юноши:

— Спасибо тебе, Равшанджан! Веди к Абдурахману. Мои кулаки превратятся в камень! Враг узнает их силу.

— В таком случае слушайте, Бури-ака!

— Я весь внимание, братец мой!

— Известно мне стало, что приходил человек из кишлака Имамказихан. Я должен был завтра пойти в тот кишлак, собрать честных людей, поведать им все, о чем говорил нам Абдурахман-ака. За мной охотятся люди эмира. Поэтому я вынужден скрываться. И я вас прошу... В полдень подойдите к нашим воротам. Когда появится человек в одежде каландара и попросит у вас милостыню, вы отвернитесь и скажите: «Разве нищий с мешком просит милостыню у нищего без мешка?» Каландар ответит: «Не обижайтесь, братец, бог, одаривший желудком, одарит и хлебом насущным». Этот каландар скажет, куда и когда вам идти. Там расскажите людям обо всем... Пусть они тоже идут дальше, в соседние кишлаки. Пусть собирают народ.

— Понятно, Равшанджан. Будь спокоен, я сделаю все.

... — Так я пойду, Бурн-ака. Пойду к Абдурахману. Когда вернетесь в город, надеюсь, встретимся.

— Спасибо, братец Равшанджан, спасибо!

Юноша вышел на дорогу. Равнодушно, тускло светила луна.

Спит Бухара. Как спокоен на вид город! Тишина... попрятались за глинобитными стенами домов люди со своими делами и бедами.

Равшан шел через махаллю скорняков — Пустиндужан. А чуть дальше — махалля медников — Мисгарон. С самого утра гнут спину мастера в своих мастерских... Трудолюбивый и нищий городской люд.

Равшан приближался к Регистану. Учащенно, нетерпеливо забилося сердце. Юноша остановился возле хауза напротив Арка. Огромные темно-серые ворота, конечно, заперты. Высокие стены, как неприступная скала, внушают страх. Что творится там, за этими стенами? Одно знает Равшан — там томится любимая, Гульбадам. Юноша повернулся и зашагал в сторону Арка. Но внезапно раздался окрик:

— Кто ходит в такой поздний час?

С двух сторон, словно из-под земли, выросли два стражника. Равшан еле нашелся.

— Заблудился... Извините. Сейчас уйду.

— Ладно, проваливай, деревенщина.

Равшан не заметил, как дошел до Базарнава. Сел у арыка, пересекающего город. Тишина, гнетущая и, кажется, бесконечная. Равшан поднялся, подошел ко двору с забором кирпичной кладки. Постучал в калитку. Немного погодя — еще...

Раздался приглушенный голос:

— Кто?

— Это я, Абдурахман-ака, Равшан, сын Рахманатога.

Звякнула цепочка. Осторожно приоткрылась калитка.

— Заходите!

Равшан вошел во двор. Абдурахман поднес к его лицу фонарь.

— Неужели это вы? Я, признаться, не поверил собственным ушам.— Он тщательно запер ворота.— Види-

те, за мной охотятся, приходится принимать меры предосторожности.

Пригласив гостя пройти в комнату, Абдурахман зажег маленькую лампу и поставил ее на разрисованный узорам медный поднос. Абдурахман испытующе посмотрел на юношу.

— Извините,— Равшан смущенно теребил ворот рубахи.— Извините, побеспокоил в такой поздний час. Меня тоже ищут стражники... Мне отец все передал, но, к сожалению, в Имамказнхан я не смог пойти. Послал туда Бури-Дива. Он жаждет искупить вину, хочет помочь людям... Может, я что не так сделал, а?

Абдурахман поглядывал на юношу с таким видом, будто впервые увидел. Действительно, эти несколько дней превратили мальчика в мужчину.

— Друг мой,— сказал Абдурахман,— я спокоен за вас. Вы юноша разумный.

— Спасибо, Абдурахман-ака. Располагайте мною. Всегда, в любое время готов... Подберу таких бедняков, как сам, и буду ходить по кишлакам, рассказывать людям правду.

— Спасибо, Равшанджан. Это хорошо, что решили служить народу. Его счастье — ваше счастье. Иначе жизни не будет....

Абдурахман задумался, сдвинув густые брови.

— Одного не забывайте. Начатое нами доброе дело требует много сил. Нужно повести за собой тысячи и тысячи. Чем больше мы сплотим вокруг себя униженных и угнетенных, тем больше будет наша сила. Если народ в один голос воскликнет: «Свобода!», то от громового эха вздрогнет и обрушится Арк.

— Понял, Абдурахман-ака.

Абдурахман одобрительно кивнул и поинтересовался:

— Ну, а что нового в кишлаке? Как поживает ваш отец?

— Спасибо, ничего... Вот только...— юноша замаялся,— мы очень беспокоимся за Гульбадам. Хотели просить у вас помощи.

— Слушаю.

— Помните Хадидула, который спорил с вами? Все ислам защищал?

— Помню.

— Люди эмира увезли его дочь!

— Знаю, знаю, Равшанджан. Отняли у людей последнее. Увезли дочь бедняка за долги!.. Знаю, знаю.

Равшан даже приподнялся.

— Гульбадам замечательная девушка! Она...— Юноша побледнел, добавил глухо:— Ее увезли в Арк!

— Нет, Равшанджан, ее в тот день доставили к Закирбаю, принарядили. И лишь сегодня привезли в Арк. Вместе с ценными вещами хотят ее преподнести эмиру.

Равшан снова вскочил, задыхаясь от гнева.

— Садитесь, Равшанджан. Не надо горячиться. Как говорят, напрасные старания поясницу сломают. Помните, что не всегда отвага разумна.

Равшан медленно опустился на свое место. Он почувствовал на себе испытующий взгляд Абдурахмана.

— Кем тебе эта девушка доводится?

Равшан невольно покраснел и опустил глаза.

— Понятно... Надо, Равшанджан, все обдумать и потом уж действовать. Кулаками должен управлять разум. Вы себя только погубите. А поразмыслив как следует, мы, пожалуй, сумеем помочь Гульбадам бежать из Арка.

Абдурахман ободряюще улыбнулся.

— Да, это можно, пожалуй, устроить. Невольницу поведут в бани. Поведут под охраной сарбазов. Придется приготовить верных людей и малость повоевать, если не удастся избежать свалки.

— Разрешите, я пойду!— вскричал Равшан.

Абдурахман удовлетворенно взглянул на юношу.

— Хош... Значит, хотите пробраться во дворец?

— Конечно! Завтра придет Бури-Див, он хорошо знает Арк. Вместе бы с ним.

Опять сдвинулись брови у Абдурахмана.

— Пока отдыхайте, а завтра поговорим.

— Хорошо, Абдурахман-ака...

Если ночь показалась Равшану длиною в год, то день — еще длиннее. Все надежды свои он возлагал на этого человека.

Равшан решил побродить по городу. Миновав молочный базар, приблизился к минарету. Вот и Регистан... Равшан невольно остановился, увидев толпу людей.

Знакомая картина... Очевидно, по указу эмира, готовится публичное наказание какого-нибудь бедняги. Позорные судилища, дикие расправы над людьми участились. Сарбазы ходили по дворам, собирали людей, затем приводили их на площадь — глядите и устрашайтесь! Однажды Равшан привозил в город дрова, и его вместе с толпой пригнали на Регистан. Защемило сердце — юноша увидел заключенного, приговоренного к семидесяти пяти ударам плетью.

Вспомнив об этом, Равшан попытался было дать тягу, однако сарбазы уже оцепили Регистан.

Вскоре к подножию минарета Калян сарбазы принесли и бросили наземь большой, туго завязанный мешок. Мешок шевелился.

Люди мрачно покачивали головами.

Человек в парчовом халате вышел вперед и провозгласил нараспев:

— Правоверные! Назира, дочь Даврана, за нарушение шариата и непослушание, по величайшему указу нашего покровителя, великого эмира Алимхана, будет сброшена в мешке с этого минарета. Всех, кто попирает нашу религию, всех непокорных ожидает такая же кара!

Сарбазы схватили мешок и исчезли в двери, ведущей на лестницу минарета. На площади наступила гнетущая тишина. Казалось, толпа не дышала. Испуганные, настоженные глаза людей устремились вверх. Сто и одна ступенька! Их не видно, но все словно считают, как сарбазы поднимаются выше и выше... Вот они показались в овальных окнах минарета — «Башни смерти». А вот и мешок. Достаточно толкнуть, и мешок рухнет вниз.

Люди, как по команде, опустили глаза. В это время раздался душераздирающий крик:

— Сестричка!

Все обернулись. Кричал мальчик лет тринадцати... Покачнувшись, он упал без сознания.

Равшан подбежал первым, поднял на руки и вынес его из толпы. Набрав из арыка пригоршню воды, плеснул в лицо...

Когда мальчик пришел в себя, Равшан торопливо увел его в тихую улочку. Усадил, дал попить.

— Сестричка... Сестричка... — рыдал мальчик. — Родная сестричка!

Равшан погладил его по голове.

— Что сделала твоя сестра?

— Готовились к свадьбе... Ее жених — наш сосед Салим... Но вот пришли сваты от богача — ювелира Халимджана. Сначала отец отказал им. Приходили другие люди, много людей. Они уговорили отца. Затем вдруг моя сестра исчезла. На другой день сестру задержали у ворот Шергиран. Отца и мать тоже увели сарбазы. Бросили в зиндан. А сестричку...— И он снова заплакал.

— Не убивайся, братец. Мать и отца выпустят. С кем ты сейчас живешь?

— С тетей.

Мальчуган вытер кулаком глаза и, не промолвив больше ни слова, зашагал прочь.

Равшан смотрел ему вслед. Вернуть? Взять с собой? Куда? Он сам скрывается, Абдурахман под подозрением...

Что делать? Юноша сжал ладонями виски. Что делать? Пусть тебя этот мутный поток несет, как мелкую соринку? Ведь жили так отцы и деды!

Нет, нужно искать другую дорогу. Ту, о которой теперь говорят все чаще и чаще. Сколько можно смотреть на слезы обездоленных бедняков! Сидеть сложа руки — трусость. Пусть раскромсают тело на части, пусть иссохнет оно в зиндане... Но он хочет видеть счастливые улыбки людей. Он должен им помочь.

Равшан зашагал в переулок... Миновал молочный базар. Возле высокого портала медресе остановился перевести дух. Сел на супу у древнего здания. Холодный ветер гулял по Бухаре. Редкий прохожий, втянув голову в ворот камзола, спешил к дому. Маленькие окошечки в кельях медресе, выходящие на улицу, плотно закрыты. На высоком портале мечети топорщила перья ворона.

Равшан сидел, не отрывая глаз от дороги, словно сейчас здесь должна была пройти Гульбадам.

Гнусавый голос суфия с башенки мечети Базаринав призывал к молитве. Равшан вздрогнул и встал. Уже сгущались сумерки, когда юноша повернул на улицу, где жил Абдурахман.

Он заглянул в комнату. Там горячо спорили. С минуты он постоял в передней, разыскивая взглядом Абдурахмана. Его не было. Юноша хотел повернуть к выходу,

чтобы не привлекать внимание гостей, но навстречу двигался хозяин дома с чайником в руке.

— Равшанджан! Давайте, проходите сюда.

Юноша молча сел и стал рассматривать присутствующих. Его внимание привлек человек одних лет с Абдурахманом, который сидел в дальнем углу. Большие глаза были печальны. Сосед его говорил что-то, но человек с печальными глазами лишь рассеянно кивал головой и снова погружался в свои мысли.

— Кто это, Абдурахман-ака?— шепотом спросил Равшан.

— Зайниддин, один из наших руководителей. Я рассказал ему о вас.

Равшан с интересом посматривал на Зайниддина. Раз это один из руководителей, он, наверное, знает все. В присутствии Зайниддина и его друзей Равшан почувствовал себя смелым. Он словно был в крепости, куда ни Закирбай, ни Бузрукходжа, ни даже сам эмир не смогут проникнуть.

— Уважаемые братья,— медленно заговорил Зайниддин,— принимая во внимание чрезвычайность и секретность обсуждаемого сегодня дела, мы пригласили на собрание исключительно проверенных членов нашей организации.

Равшан бросил на Абдурахмана вопросительный взгляд, дескать, а как быть мне? Хозяин дома улыбнулся. И теперь Равшану казалось, что все находившиеся здесь люди — близкие, родные, братья. И Зайниддин говорит для него, специально для него — надежного члена организации.

— Итак, друзья,— продолжал Зайниддин,— прошло немало месяцев, как в Самарканде победил простой народ. Это стало примером для Бухары. Угнетенный эмиром народ бушует как море. Чаша его терпения переполнилась. Поэтому и неистовствует так эмир. Однако сановники забывают, что с усилением притеснений растет и волна недовольства. Людей, верящих в возможность обрести свободу, с каждым днем становится у нас все больше. Настал, друзья, час обратиться в революционный центр за помощью. Там организованы красногвардейские полки. Они окажут братскую помощь! И нам надо объединиться в боевые полки...

Равшан слушал, затаив дыхание. Значит, Зайниддин-

ака и в самом деле большой человек, коли говорит так открыто против эмира. Значит, он твердо верит в победу...

Тем временем Зайниддин продолжал:

— Предупреждаю, эмир готовит ловушку, надеется захватить всех революционеров. Он наводнил Бухару и кишлаки шпионами, согладателями. Они выдают себя за сторонников свободы, горланят об эмирской реформе, призывают выйти на демонстрацию, чтобы приветствовать эту реформу. Будьте осторожны! Предупредите всех, что участвовать в этой манифестации-ловушке не следует. Очень плохо она может кончиться. Ведется тщательная подготовка к разгрому освободительных сил. Все поняли? Не поддаваться на провокации! И последний вопрос.— Зайниддин окинул взглядом присутствующих.— Нужно решить, кто будет поддерживать связь с Самаркандом.

— Мы как раз хотели просить вас об этом,— сказал Абдурахман. Дело серьезное. Не каждому по плечу. Вам бы и держать связь с Самаркандом.

— Хорошо,— кивнул Зайниддин после минутного молчания,— благодарю, друзья, за доверие. Если решите, пусть и Абдурахман со мной поедет.

Предложение это особенно пришлось по душе Равшану. Он даже крикнул от радости:

— Пусть Абдурахман-ака!

И остальные поддержали предложение Зайниддина:

— Абдурахман не подведет!

— Решено.— Зайниддин поднялся. Поднялись и остальные. Зайниддин спросил Абдурахмана:

— Вы об этом парне говорили?— Он с улыбкой глянул на зардевшегося Равшана, положил ему руку на плечо.— Излишняя застенчивость вредит делу, друг. Мы должны быть настойчивыми, решительными. Понял?

Равшан, соглашаясь, кивнул.

— Понял.

— Чувствуется, что ты смелый, крепкий парень. Если уж врагов не боишься, то нужно быть смелее с друзьями. Не красней. Потом, повернувшись к Абдурахману, твердо сказал:

— Я думаю, он поможет. Такие люди очень нужны нам, нашему делу.— И, как старший, обнял Равшана.— Мы ждем от тебя помощи! Понял!

— Понял...— опять чуть слышно ответил Равшан.

Когда Абдурахман, проводив друзей, вернулся, Равшан нетерпеливо спросил:

— О какой помощи он говорил?

Абдурахман задумался.

— Зайниддин прав. Ты крепкий, смелый человек. Но в нашем деле этого мало. Нужно верить в будущее. Посвятить себя борьбе за будущее народа.

— Да, разве?.. — удивился Равшан.— Разве я... Вы только скажите, что нужно делать. Я все сделаю.

Абдурахман сжал его руку и улыбнулся.

— Знаю, знаю. Но горячиться не нужно. Еще в нашем деле нужно быть спокойным, хладнокровным.

— У меня столько накопилось. Здесь,— Равшан показал на сердце.

— Все равно, нужно быть хладнокровным.

Равшан понял, что и Абдурахман, и Зайниддин, их друзья заняты большим, настоящим делом. И сейчас было неудобно вспоминать о своей личной беде. Но Абдурахман широко улыбнулся и заговорил о судьбе Гульбадам.

— Все в порядке, Равшан. Мы обошлись без вас. А вам надлежит отправиться по кишлакам. Прежде всего навестите родной Холач. Только будьте осторожны. Вечером глашатаи объявили об исчезновении из гарема Гульбадам. Сарбазы как шайтаны снуют по городу. Если попадетесь к ним в руки...

Равшан растерянно оглянулся.

— Пропала Гульбадам. Как же?..

Абдурахман лукаво усмехнулся.

— До свидания. Хотя, подождите минуту...— и вышел.

Равшан стоял, ничего не понимая. Вдруг распахнулась дверь, и на пороге появилась... сияющая Гульбадам!

— Ассалям алейкум, Равшан-ака!..

У юноши перехватило дыхание.

— Ваалейкум ассалям!..

Равшан совсем растерялся. Что это? Сон? Нет, это она, любимая Гульбадам. Не надо глупо улыбаться. Следует держать себя достойно.

— Благо, что вижу вас собственными глазами.— Равшан подошел ближе к девушке.— Вдвойне счастлив тем, что вижу вас сейчас, когда мы мечтаем о светлых днях. Эти дни скоро настанут, Гульбадам!

— Да сбудутся ваши слова, Равшан-ака! Пусть же сгинут враги, да сбудутся ваши желания.

— Спасибо, Гульбадам. Но мне пора, любимая.

— До свидания, Равшан-ака, да храни вас бог!

Равшан вышел. Тревожный лунный свет залил улицы. Стук колотушек ночных сторожей, голоса глашатаев...

Равшан направился к Самаркандским воротам. Не успел дойти до зиндана, опять послышался голос глашатая.

Равшан остановился.

— Эй вы, люди города, не оставайтесь в неведении, слушайте. Вчера, поздно вечером, из гарема эмира, нашего повелителя, исчезли четыре женщины. Знающие и видевшие их пусть немедленно сообщат в Урду. За это получают щедрое вознаграждение. На того, кто осмелится взять этих преступниц под свою защиту, падет суровый гнев самого эми-и-ра! Эй вы, люди, не оставайтесь в неведении, слушайте. Вчера, поздно вечером...

Голос глашатая удалялся... Равшан присел на одну из каменных ступенек, ведущих в зиндан, облегченно вздохнул.

Однако пора в путь. Не очень-то подходящее место нашел он для размышлений. Пора. Надо как можно быстрее покинуть «благословенную» Бухару.

Грозные, высокие стены, окружавшие город, остались позади.

Равшан шел, то и дело оглядываясь назад. В ушах у него звучал то голос человека в парчовом халате, зачитывающего высочайший указ, то голос глашатая, то пронзительный крик убитого горем мальчика.

Скорее, скорее!.. Подальше от Бухары, от соглядатасв эмира.

Бегство четырех невольниц повлекло за собой грозные последствия, особенно для жителей Халача. Закирбай с плачем и стонами валялся в ногах своего покровителя — Бузрукходжи, клялся в невинности. Это все козни злоумышленников! Пронски вольнодумцев и подстрекателей. Число подозрительных людей в кишлаке угрожающе растет. Надо устроить повальные обыски, облавы.

В полдень в сопровождении пятнадцати сарбазов Закирбай начал сам тщательно обыскивать каждый дом. Его растерянность и бессильная злоба бросились людям в глаза. И хотя было не до веселья, дехкане усмехались в бороду.

Закирбай перевернул весь кишлак, но ничего подозрительного не обнаружил. Еще больше озлился.

— Пусть двое пойдут со мной,— приказал он,— остальные отдыхайте.

И он повел сарбазов...

Хадикул сидел у ворот. Слез уже не было. Рахман-тога он отвечал лишь кивком головы. Порой вздрагивал. Со стороны казалось, что в этот миг ему кто-то причинял боль. На Закирбая Хадикул не обратил ни малейшего внимания. Он просто не видел его.

Закирбай растерялся. Он сейчас, может, впервые в жизни, походил на нищего. Пришел и стоит, словно в ожидании подаяния. Даже кашлянул разок-другой.

Хадикул не шевельнулся. В который раз он вспоминает тот страшный день. Голос дочери по-прежнему звучал в ушах... О боже! Хадикул обхватил голову руками.

Бай наконец решился.

— Куда спрятал свою дочь?

Хадикул вздрогнул. Только сейчас он заметил Закирбая. Но в глазах Хадикула не было страха. Его глаза вспыхнули ненавистью, гневом. Он поднялся и стремительно шагнул к Закирбаю. Бай попятился. Рахман-тога удержал друга за рукав.

— Не надо, Хадикул!

Сам не зная почему, бай обрушил гнев на Рахман-тога.

— С вами будет особый разговор!

Рахман-тога спокойно сложил руки на груди. Вероятно, его невозмутимость привела Закирбая в бешенство, и он схватил Рахман-тога за горло.

— Или ты мне разыщешь своего бунтовщика-сына и Гульбадам, или я сгною твои кости в зиндане.

— Побойтесь бога, Закирбай,— отвечал Рахман-тога, отводя в сторону цепкие пальцы бая.— Я ничего не знаю... Ничего.

— Не знаешь?

Закирбай изо всех сил ударил в грудь Рахман-тога. Тот упал. Поднялся. Разъяренный Закирбай вновь сва-

лил его и, вцепившись короткими пальцами в горло, стал душить.

— Скажешь или нет, шелудивый пес?! Иначе распростишься с жизнью!

Рахман-тога хрипел, задыхался, а пальцы Закирбая все безжалостней сдавливали его горло.

Подбежал Хадикул, но Закирбай изловчился ударить его ногой в живот.

— Не подходи! Убью!

Рахман-тога совсем обессилел. Но в это время на Закирбая бросился Равшан. Откуда только он взялся?! Да еще с Бури-Дивом!

Теперь уже Закирбай хрипел, извивался, стараясь вырваться из молодых, крепких рук.

Равшан заметил: одного из сарбазов свалил Бури-Див, другого — Хадикул.

— Бей их!— крикнул юноша и, схватив Закирбая за ворот, ударил затылком о дерево. О то самое, около которого совсем недавно упал отец.

Закирбай уже не сопротивлялся.

Равшан оставил его, брезгливо морщась, стал отмыывать руки в арыке. Но тут ворвались сарбазы, схватили его, связали арканом. Закирбай, весь в крови, задыхающийся, с трудом поднялся с земли и, покачиваясь, подошел к Равшану.

— Бросили тебя твои р-р-революционеры, а?— Круглую морду бая перекосило от злобы.— Теперь за все ответишь, собачье отродье, бунтовщик! Вор! Ведь это ты украл девушку из гарема эмира.

Равшан с ненавистью смотрел на аксакала. Куда же девались Бури-Див и Хадикул? Неужели испугались?.. Ну, конечно, ведь сарбазы вооружены до зубов. Может, это даже к лучшему, что они скрылись. Что толку, если бы всех троих схватили?

Рахман-тога умоляюще сложил на груди руки.

— Отпустите сына, Закирбай-ака! Он не виноват. Он вступился за родного отца. Я во всем виноват. Простите меня!

— Не надо, отец!— Равшан гордо выпрямился.— Не унижайтесь. Он за все ответит. За все...

Бай сделал знак, и сарбаз заткнул рот Равшану по-ясным платком.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мелкий дождь перешел в ливень. Слякоть. В такое время узкие пыльные улочки Бухары становятся непролазными. Грязи по колено. Город как бы вымирает. Прохожих почти не видать. Даже в медресе и мечетях безлюдно.

Лишь дехкане из степных кишлаков, прибывшие с товаром, терпеливо сидят на базарной площади, кутаясь в старенькие халаты.

Тихо и на базаре. Очень тихо.

Бури-Див остановился, с удивлением рассматривая странного человека, который, съезжившись, разговаривал сам с собой. Ой-бо! Да ведь это...

— Хадикул-ака!— воскликнул дехканин и бросился к земляку.— Хадикул-ака! Эй, Хадикул-ака! Не узнаете?

Хадикул уставился на Бури-Дива округлившимися глазами, в которых застыл ужас, и вдруг, закрыв лицо дрожащими руками, забормотал:

— Нет, нет, я не виновен! Не трогайте меня, не бейте! Бай-ака, смотрите, мне и без того содрали на спине кожу... Хотите мяса? Да? Нет! Нет! Мясо я сам съем... Иди сюда, спрячься. И тебя убьют. Вон, вон, идут сарбазы! Какой бестолковый ты, иди сюда, говорю тебе!

Бури-Див застонал:

— О судьба, что же ты делаешь с людьми?!

Великан хотел присесть рядом, успокоить безумца, но Хадикул вновь забормотал:

— Нет, нет! Не трогайте меня, не убивайте! О, голова моя! Пощадите!

Он вскочил и, шлепая босыми ногами по грязи, скрылся в соседней улочке. Бури-Див, потрясенный, стоял как столб.

— Бедняга,— вздохнул незнакомый дехканин, наблюдавший всю эту тягостную картину.— Не родня ли он вам?

— Земляк! Потерял жену, дочь. И вот...

Дехканин покачал головой.

— Пути господни неисповедимы, сынок. Остается только покориться судьбе, другого выхода нет.

— Эх, отец, отец, покоряясь во всем судьбе, мы и дошли до последней крайности. Не так ли? Скотине и той

легче живется. Вот хотя бы вы... Седобородый, почтенный человек, а вынуждены в этакую непогоду скитаться по раскисшим дорогам. Вам надо продать вязанку дров; чтобы еле-еле накормить семью. Справедлива такая жизнь, а?

Старик вздохнул, однако продолжал стоять на своем: — Что делать? От судьбы не уйдешь. Надо терпеть. Однако заговорился я, старый. Надо в кишлак возвращаться. Дождь покупателей разогнал.

Дехканин взвалил на спину вязанку дров и, согнувшись, медленно побрел по грязи.

Бури-Див ощутил боль в сердце. Вот так, согнувшись, живет весь народ! Безропотно ссылаясь на судьбу... Эх, перевернуть бы весь эмират! Но что могут сделать два этих кулака, пусть крепких, больших? Один человек, потеряв рассудок, убежал прочь. Другой, согнувшись под вязанкой дров, ушел, молча покорившись своей горькой доле. Кулаки бессильны. Нечего их сжимать... А если покарать хотя бы нескольких сановников, сарбазов?

И Бури-Див зашагал к Арку. У мрачных ворот стоял, посмотрел.

Нет, не получится. Надо искать другие пути, чтобы помочь людям.

Крытый коридор у входа в Арк погрузился в крошечную тьму. Изредка раздается глухой стук шагов. Это проходит стража и замирает на своих постах. Гнетущую тишину нарушают лишь стоны заключенных.

Уже два дня Равшан томится в обхане — заплесневелом от сырости каменном мешке. В могиле, наверное, и то лучше. Темень, сырость, полчища клопов. На земляном полу хлюпает вода.

Равшан сидит в углу на изодранной старой циновке, прислонившись к стене.

— Мы еще рассчитаемся с вами, собаки! — шепчет Равшан. — С тобой, Закирбай, с тобой, Бузрукходжа. С тобой, проклятый эмир! — Узник хотел встать, забыв, что прикован цепями к стене. — Ничего! Все равно рассчитаемся. Что с того, что вы морите меня голодом? За все ответите.

Затем он стал думать о Гульбадам. Где теперь она?

По-прежнему скрывается в доме Абдурахмана, или?.. Чем заняты Абдурахман, Зайниддин, отважные, сильные люди? Вот такими, как они, и нужно быть в жизни, в борьбе! Абдурахман сумеет постоять за себя и за людей, за их свободу... Свобода!

Послышался чей-то голос:

— Выводи!

— Сейчас, таксыр! Зайниддин, выходи.

— Зайниддин! Зайниддин! — прошептал Равшан. — Неужели схватили этого льва? Нет, нет, не может быть!

Равшан прислушался. Но, кроме тревожного стука своего сердца, ничего не услышал.

Он мысленно видел Зайниддина, его задумчивые, печальные глаза. Как тогда сказал Зайниддин? «Крепитесь, трудности еще впереди. Готовьтесь к решающей схватке!»

Равшан снова прислонился к стене. Закрыв глаза.

В Бухаре было беспокойно. Люди почти открыто высказывались против существующих порядков. Все чаще вспыхивало недовольство дехкан и ремесленников. Эмират напоминал беспомощное судно, захваченное штормом, которое как скорлупку швыряют могучие волны. Кто знал, что случится завтра? Куда вышвырнет эту скорлупу? Хуже всего — неизвестность. Сановники дрожали, лихорадочно прикидывая, как улучшить подходящий момент и постараться спасти свою жизнь.

Единственный путь к наведению порядка эмир Алимхан видел в уничтожении всех революционных сил. Только это! Однако на каждую жестокость теперь народ отвечал новым недовольством, открытым неповиновением.

Пришлось пойти на хитрость. Было решено издать фирманы о реформах. Нужно же чем-нибудь успокоить народ. Реформы — праздник. Пусть люди выходят на демонстрации. Конечно, революционеры появятся тоже. Вот тогда-то их и можно будет спокойно взять!

Весной 1918 года эмир издал фирман о реформе. В тот же день в нескольких местах прошли собрания революционно настроенной молодежи. На них обсуждался вопрос о проведении демонстрации протеста. Зайниддин высмеял реформу и, разумеется, высказался против демонстраций.

— Эмир со своими приспешниками только и ждет, чтобы мы вышли на улицу. Ему так хочется схватить бунтовщиков!

Многие поддержали Зайниддина. Но нашлись и другие. Они продолжали доказывать, что демонстрация сплачивает людей, выражает их волю...

Собрание не пришло к определенному решению.

В субботу рано утром Зайниддин направил одного паренька к магазину «Баракат». Там собирались манифестанты. Если демонстрация все же начнется, паренек должен был немедленно оповестить об этом Зайниддина. Тогда оставаться в Бухаре — значит наверняка угодить в руки эмирских сарбазов.

Зайниддин не выходил из своей худжры, ожидая вестей. Но в начале одиннадцатого со стороны медресе Кукельдаш донеслись истошные крики. Зайниддин выглянул на улицу. Да, так и есть. Толпа мракобесов во главе с муллами...

— Во имя шариага!..

— Во славу эмира!..

Немного погодя раздался стук в калитку. Вернулся посланный Зайниддином паренек. Он был бледен, в растерзанной одежде.

— Демонстрация началась... Ой-бо!... Люди эмира встретили наших дубинками. Многих забили насмерть. Меня стиснули в толпе, и я не мог вовремя предупредить вас. Всех разогнали! А некоторых схватили сарбазы.

— Немедленно разыщи Абдурахмана, скажи, пусть выводит всех наших из города,— приказал Зайниддин и глухо добавил:— Доигралась! Ведь говорил... Иди, парень, не мешкай.

— Хорошо, муаллим. Берегите себя. Слово бешеные собаки снуют муллы. Кричат о священной войне.

— Постараюсь. Не мешкай же, торопись.

Зайниддин всю ночь просидел в худжре. Выйти он уже не мог. Надеялся на чудо, а вдруг пронесет? Но чуда не произошло. Утром послышался топот десятков ног. У худжры собрались фанатики, мракобесы. Раздался крики:

— Открывай!

— Здесь он?

— Да, здесь... Главный бунтовщик!

— А может быть, его уже нет? Может, сбежал?

В соседней худжре жил слушатель медресе, некто Ходжи. Он обращался с Зайниддином как с самым близким человеком, чуть ли не с родственником. И вдруг этот «родственничек» вышел и объявил:

— Человек, которого вы ищете, закрылся в своей худжре. В прошлую ночь здесь собирались бунтовщики. Были и большевики из Самарканда. Берите главаря!

Затрещала под ударами ветхая дверь. Зайниддин метнулся к окну, прыгнул вниз. Но и здесь его караулили. Схватили, швырнули наземь. Толпа мулл и байских сынков набросилась с ожесточением...

На помощь Зайниддину бросился было Бурн-Див. Но и этот великан был бессилен что-либо поделать.

Зайниддина швырнули в щегольский фаэтон. Брызги крови попали на парчовый халат сановника. Тот расвирепел.

— Ты еще осмелился испачкать мне халат! — завопил он и, тяжело дыша, обрушил новые удары.

Полумертвого Зайниддина доставили в Арк и бросили в одну из камер.

Вскоре привели еще двух соратников Зайниддина, затем — окровавленного парня...

До вечера еще около сотни людей были брошены в обханы и зиндан.

...Тюремщик окликнул Зайниддина:

— Вставай.

Узника, освободив от цепей, прикрепленных к стене, заковали в кандалы и поволокли к воротам Арка. Здесь уже выстроились стражники эмира. Кушбеги в парчовом халате, увидев Зайниддина, спросил:

— Это тот самый бунтовщик, который мучил народ?

— Да, тот самый, главарь безбожников.

Кушбеги бросил взгляд на список и кивнул тюремщику. Зайниддина затащили на помост, повалили, обнажили спину. Два палача попеременно стали бить по спине палками...

Стиснув зубы, Зайниддин молчал. Он не спускал сверкающих глаз с кушбеги, тот не выдержал, отвернулся. Зайниддин порой терял сознание. Но, придя в себя, вновь и вновь смотрел на кушбеги.

Наконец Зайниддин впал в глубокий обморок. Его поволокли за ноги и швырнули в зиндан.

Со стороны Регистана раздались вопли:

— Во имя шариата!

Тюремщики выводили из камер новых и новых узников. На третий день заключения Равшан услышал то-ропливый голос Бузрукходжи:

— Помилуйте, мой эмир, я виноват... мы с некоторым опозданием захватили богоотступников, мутивших народ. Мой эмир, помилуйте меня... О мой эмир!

— Встань. Нечего ползать на коленях. Последователи большевиков, орудующие в священном городе Бухаре, появились и в кишлаках. Это ли не свидетельство твоей бездарности? Даю тебе еще одну возможность доказать свою верность. Каждый схваченный бунтовщик публично раскается. Понятно! Это нужно!

Бузрукходжа издал радостный возглас, но эмир снова спросил его:

— Задержан ли бунтовщик по имени Равшан, который учинил смуту и в пригородном кишлаке?

— Мой таксыр, он здесь, — Бузрукходжа кивнул на обхану.

— Пусть сгниют его кости. Арестуйте всех его друзей.

— Приказание великого эмира будет исполнено.

Послышались звуки удаляющихся шагов. Некоторое время спустя прозвучала команда:

— Выводите!

Дверь открылась с натужным скрипом. Равшана схватили, выволокли в крытый коридор. По бокам встали два тюремщика, и все двинулись к воротам Арка.

Регистан заполнен народом. При виде устремленных на него глаз Равшана охватила дрожь. В толпе вдруг послышались возгласы: «Освободите невинного!», «За что терзаете юношу?» Но сарбазы, словно сорвавшись с цепи, бросились на крик, и все утихло.

Старший тюремщик повернулся лицом к открытой двери над воротами Арка — оттуда наблюдал эмир — и отвесил глубокий поклон. Затем он зачитал высочайший указ о том, что сегодня заключенный будет подвергнут наказанию — семидесяти пяти ударам плетью.

В ответ в толпе снова послышались гневные голоса.

Равшан держался внешне спокойно. Двое тюремщиков скрутили ему руки, третий сорвал с него рубаху. Появился палач с огромными усами. Засучил рукава, для пробы хлестнул в воздухе тяжелой ременной плетью.

Потом внимательно осмотрел плеть толщиной в руку. И снова хлестнул, покрутив над головой. Он обстоятельно готовился к своей работе...

Регистан замер, в страхе затаил дыхание. Только где-то вздохнули:

— Еще совсем мальчик.

— Выдержит ли?

— Бедные родители!

Слова сочувствия донеслись до Равшана, и они ободрили его. Им овладела какая-то необычная смелость. Люди рядом. Люди с ним. Значит, нужно держаться твердо.

Он с ненавистью посмотрел на тюремщиков. Ему показалось, что у одного из них дрожат колени.

Юноша закрыл глаза. Палач издал горлом шумное «хак!» и хлестнул плетью... Наверное, большинство присутствующих на Регистане отвернулись.

После десяти ударов по лицу палача покатались капли пота... Каждый удар полосовал тело Равшана. разбрызгивая кровь. Но он молчал, словно окаменев.

Двадцать пять... тридцать... тридцать пять... сорок... сорок пять... Равшан начал герять сознание. Напрягая последние силы, он широко открыл глаза, взглянул во круг... И люди закружились, потонули в тумане... Он силлся открыть глаза шире и вдруг провалился во мглу. Уже не слышал, как тюремщик надрываясь объявлял счет:

— Семьдесят три, семьдесят четыре, семьдесят пять!

Палач отошел в сторону, стал утирать с лица, с шеи пот, а старший тюремщик, тот, что зачитал высочайший указ, теперь обратился к толпе, призывая помолиться и пожелать великому эмиру долгих лет жизни и счастья.

Равшана поволокли за ноги в обхану. Снова раздался голос старшего тюремщика:

— Каждый, кто осмелится сбивать с пути подданных владыки правоверных, красть девушек из его гарема. Будет предан такому позору.

Люди расходились, низко опустив головы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Обстановка в городе накалялась. Каждого подозреваемого в связи с большевиками хватали и жестоко наказывали. Однако недовольство росло. Своей жестокостью эмир лишь подливал масла в огонь.

Абдурахман знал, чего мог стоить один опрометчивый шаг. Другьям он советовал как можно реже показываться в городе. А сам, как говорится, ходил по лезвию ножа.

Вот и сегодня предстояла поездка. Вчера он встретил у ворот Хандан-буви. Несмотря на поздний час, она ждала его.

— Что случилось, бабушка?

— Все в порядке, сынок, все в порядке. Надоело сидеть, вот и вышла встретить тебя, — сказала Хандан-буви, стараясь скрыть волнение. В комнате она подала внуку касу машинчирри — машевой кашн. Сама присела рядом и, задумавшись, смотрела в окно.

Абдурахман редко видел бабушку в таком состоянии. Не иначе в доме произошло что-то серьезное. За веселый нрав в махалле все ее звали Хандан-буви.¹

Абдурахман ел неохотно и наконец отодвинул касу.

— Что случилось, бабушка?

Хандан-буви задумчиво теребила кисточки дастархана, разостланного на сандале.

— Сынок, Гульбадам почти ничего не ест, целыми днями плачет. По ночам мечется, стонет. Я несколько раз пыталась расспросить ее, но она молчит. Или отвечает: «Просто так, нездоровится». Вчера я усадила ее рядом с собой и сказала: «Ну, говори откровенно, иначе не буду называть тебя дочкой». Гульбадам, бедняжка, расплакалась. Я погладила ее по голове, поцеловала, утешила, как могла. Но она не успокаивается. «Почему отец не идет? Или случилось что-нибудь с ним, не скрывайте от меня, бабушка». Потом бросилась ко мне на шею. Слезы подступили к горлу. Я еле сдержалась.

— Вы бы сказали, бабушка, что за ее отцом следят. Нельзя им встречаться пока. Нельзя.

— Э, чего только я не говорила! Истосковалась она,

¹ Х а н д а н — смех.

сын. Сходил бы ты к нему, справился. Если жив, пусть бы навестил дочь. И еще бедняжка все время плачет: «Нет известий и от Равшана-ака». Я спросила ее: «Кто такой Равшан-ака, доченька?» Опустила глаза, прошептала: «Родственник».

Абдурахман подвинулся к бабушке, положил руку на ее сухонькое плечо.

— Пожалуйста, скажите Гульбадам, что завтра на рассвете я пойду в Халач, все разужаю. Успокойте девушку. Отдохните и сами, ладно?..

На другой день Абдурахман добрался до кишлака. Солнце уже взошло, поля нежилась под его лучами. Убогие дома, окруженные развалившимися низенькими дувалами, напоминали древние надгробия. Тучи мух кружились над свалками. Гнетущая картина.

Абдурахман направился к дому Гульбадам. Где дом? Нет его! Вместо дома — груда мусора. Снесли!

Абдурахман остановился у соседних ворот.

— Рахман-тога! Эй, Рахман-тога!

— Сейчас... — донесся из глубины двора глуховатый, немощный голос. Рахман-тога, открыв ворота, увидел Абдурахмана, и на глаза его навернулись слезы.

— Пожалуйста, сынок, проходите. Как вы живете? Есть вести от Равшанджана? Как поживает Гульбадам?

Сколько вопросов! Как на них ответить? Что сказать? Абдурахман почувствовал невероятную тяжесть на сердце. Он даже не представлял, какой тяжелой будет эта встреча. Приближаясь к супе, Абдурахман вздрогнул, услышав вопли:

— Отпустите меня, палачи! Я — эмир, я повелитель, слышите?

Рахман-тога покачал головой.

— Бедному Хадикулу совсем плохо. Дочь отняли. И дом. До балки, до маленькой дощечки унесли... Мы с Бури-Дивом привезли Хадикула из города. Вот он все время так и кричит. Нужно же... Беда за бедой. Ведь уже несколько дней, как он ослеп после избиений.

Абдурахман молчал, крепко стиснув ладонями виски. Наконец поднялся. Нужно идти... Идти в ту каморку, откуда доносился голос безумного Хадикула.

Хадикул сидел в углу на растрепанной курпаче.

Услышав шаги, он встал и ошупью двинулся навстречу.

— Нет! Не пушу! Здесь идет большой пир, бестолковые! Если вздумаете шутить с эмиром, сниму голову и вышвырну, как зеленую дыню. Уходи! Не приближайся!

Дрожащие руки Хадикула шарили в воздухе, будто кого-то искали.

Рахман-тога медленно, отдельно сказал:

— Хадикул, слышите? Приехал Абдурахман. Абдурахман приехал. Успокойтесь, Хадикул!

Но тот продолжал кричать:

— Как ты посмел войти к эмиру?! Вон отсюда!

Вышли, молча сели на айван. Как постарел Рахман-тога! Глаза покраснели, слезятся, голова, борода, даже густые брови совершенно побелели, глубокие морщины избороздили лицо... Худые плечи выпирают из-под старой рубахи.

Рахман-тога налил остывшего чаю в пиалу и подал гостю. Перехватив его взгляд, сказал:

— Оказывается, жизнь, прожитая в страданиях, может сломить и слона, сынок. Столько несчастий постигло кишлак. Не выдержали мы. Вот... жена моя... Мать Равшана... Сколько горя она перенесла! Бедняжка работала день и ночь. Пряла,гнула спину в поле, собирала хворост. И не выдержала...— Рахман-тога поник. Провел платком по глазам. Надломленным голосом продолжал:— Остался только сын. Закирбай, будь он проклят, лишил меня клочка земли, заставлял пойти к Бузрукходже, мол, все в его руках... Бог с ним, хотя бы освободил Равшана.

— Как же, Рахман-тога? Ведь Равшана в зиндан отправил сам Закирбай!

— В отчаянии человек теряет рассудок, сынок. Закирбай вручил мне несколько золотых монет, заставил приложить палец к клочку бумаги. А затем сказал: «Идите к Бузрукходже, скажите, что вас направил Закирбай, положите перед ним золото и откровенно расскажите о своем горе, даст бог, вы и вернетесь вместе с Равшаном...» Так сказал Закирбай. А когда я вернулся, он уже землю захватил. Бумагу-то я пальцем припечатал!... Нет сил, сынок, пребывать тут в скудости и одиночестве. Оставить Хадикула жалко. Живем кое-как.

Увидеть бы Равшана!.. Когда бедный Хадикул хотел выдать Гульбадам за Равшана, я сказал, что нет у нас и горсти зерна, чтобы устроить свадьбу, попросил подождать. Зачем было ждать? Чего было нам ждать? Слышно ли что-нибудь о светлых днях, сынок?

— Эх, Рахман-тога, не у вас одного, у всех дехкан тяжелая жизнь. Терпели долго, осталось немного. Наши самаркандские братья помогут. Революционеры уже дошли до Кагана. Осталось полтора таша¹. Вот эмир и бесится. Потерпите, Рахман-тога. За Гульбадам не беспокойтесь. О Равшане мы справляемся. Надеюсь, скоро освободим его.

— Нет, сынок, этот Закирбай, будь он проклят, кажется, узнал, что Гульбадам скрывается в городе. Недавно он приходил ко мне, выматывал душу. «Если знаешь, немедленно скажи».— И обещал:— «Тут же освобожу твоего Равшана». Так говорил он мне. Но ничего не добился, тогда пригрозил: «Переверну вверх дном всю Бухару, но найду ее. Будешь плакать о сыне, да поздно». Вот что сказал. И ушел.

— Наверное, припугнул только...

— Нет, сынок. Верьте мне, я уж вижу, он что-то замышляет...

Абдурахман вытащил деньги, засунул под курпачу. Пытался это сделать незаметно, но Рахман-тога увидел.

— Не надо, сынок. Я обижусь, мне известно ваше положение. Не надо...

— Рахман-тога, — твердо сказал Абдурахман, — нас много, найдем выход. — Он обнял старика. — Не отчаивайтесь.

— Счастливого вам пути, сынок. Будьте для наших детей старшим братом, спасите их.

— Хорошо, Рахман-тога.

— Да возблагодарит вас бог, пусть земля, которую вы берете в свои руки, превращается в золото, пусть сбудутся все ваши желания, сынок... Наша опора — вы...

Рахман-тога вновь поднес платок к слезящимся глазам.

¹ Т а ш — около 7—8 километров.

Гульбадам никогда не забудет тот первый день заточения, который провела в конюшне Закирбая. С наступлением сумерек пришла незнакомая старуха. Она заплела Гульбадам мелкие косички, подвела глаза сурьмой, нарядила в дорожные одежды. Потом позвала Бузрукходжу.

Тот удовлетворенно поцокал языком. Да, эта красавица произведет впечатление на эмира. Бузрукходжа на мгновение закрыл глаза, улыбнулся, словно слышал звон золотых монет. Открыл кошелек и бросил перед старушкой горсть серебра и меди.

— Будьте щедры, мой хозяин. Я ведь готова позаботиться и о красавице из Шафиркана. Откройте пошире ваш кошель.

— Ну и ну, старуха, об этом тоже узнала? Вот ты какая! От тебя не скроешь! Сквозь заборы, что ли, видишь? Ладно уж, старуха, бери...

— Будьте спокойны, мой хозяин, даром, что ли, поседела моя голова, хи-хи-хи...

Арба с Гульбадам еще до рассвета миновала Галаджуй и наконец остановилась у Самаркандских ворот. После тщательной проверки, учиненной стражниками, одна створка ворот со скрипом отворилась. Гульбадам очутилась в Бухаре... На другой день в покое, где обычно преподносили дары высшему повелителю, Гульбадам наказывали, как она должна вести себя.

Все происходило будто во сне.

— Когда войдешь к эмиру, не забудь отвесить земной поклон, деревенщина! — учили ее женщины.

Гульбадам вдруг бросилась к ним в ноги, с горькими слезами стала умолять:

— Отпустите меня. Я пойду к отцу, дорожные матушки мои!

Одна из женщин толкнула Гульбадам носком.

— Встань, глупая, если не замолчишь, дубинкой приведут в себя...

И лакированные ичиги удалились.

У Гульбадам горело все тело, словно ее жгли горячими угольями, голова кружилась. В глазах потемнело.

— Равшан!..

Она увидела вновь... Как он схватил сарбазу!

— Равшан!

И девушка, ослабев, упала на парчовую курпачу.

Но стоило ей прийти в себя, как снова перед глазами — Равшан. Он осторожно взял из рук Гульбадам розу...

— Равшан!

Девушка бросилась к двери. Заперто! Накрепко.

Она отпрянула, в изнеможении опустилась на курпачу.

Снова Равшан. Его голос:

«Гульбадам, Закирбаям скоро придет конец. Будет дехканин хозяином на своей земле».

Гульбадам поднялась, подошла к окну. Мысленно ответила: «Я пойду за вами, Равшан-ака! Я буду с вами».

Постепенно сгущались сумерки. Кто-то снял дверную цепочку. Гульбадам резко повернулась. У нее уже не было страха. Она решила бороться.

Но в комнату вошла рабыня лет шестнадцати-семнадцати. Гульбадам успокоилась. Прислужница зажгла лампу, скрылась. Вскоре появилась миловидная, но не молодая женщина. Гульбадам молча следила за ней. Женщина подошла к свету и стала рассматривать себя в зеркало. Достав флакончик для сурьмы, она вытащила карандаш и, слегка прикрыв глаза, осторожно подвела их. Затем, поправляя золотое ожерелье на шее, обратилась к девушке:

— Подойди ко мне, Гульбадам, не бойся. Я знаю, о чем ты думаешь. Ну, подойди-ка поближе, доченька.

Гульбадам неохотно приблизилась, взглянула на нее исподлобья.

— Запомни, что скажу.

Гульбадам, не скрывая ненависти, воскликнула:

— Нет! Нет! Пусть меня лучше разорвут на части, но не заставят идти к вашему эмиру. Я ненавижу его... Ведьма! Уйди с моих глаз, сводня!

— Тише! Слушай, что скажу, неразумная! Радуйся!.. Абдурахман в это дело вмешался. Есть такой человек. Знать его не хочу, но с ними мой сын... И я обязана тебе помочь... Ну, ладно. Может быть, за это аллах простит мне все грехи. Может, помилует.

Гульбадам, ничего не понимая, во все глаза смотрела на женщину, которая придвинулась поближе и шепотом втолковывала:

— Поздно вечером придут к тебе две служанки, скажут: «Идемте в баню». Не говоря ни слова, иди за ними. Когда они захотят повести тебя налево, ты повернешь направо, войдешь в крытый проход. Невольницы попытаются тебя остановить. Иди, не обращая на них внимания. Не бойся. Если покажется кто-нибудь, они лишь для виду будут тебя окликать. Держись смело. У больших ворот я буду ждать...— Женщина встала и уже у двери шутливо добавила:

— Если благополучно выберешься отсюда, даст бог, сама возьму тебя в невестки. Уж больно хороша!

Гульбадам тяжело дышала. Что все это значит? Откуда появилась женщина? Ее слова принесли радость. Но можно ли им верить? Не окажется ли все очередной западней? Но ведь хуже быть не может. Пусть! Какая-то сила звала к смелым поступкам. Пусть. Она должна вырваться к Равшану, к отцу... Каждый шорох заставлял Гульбадам бросаться к окну.

Как сдержать бешеное биение сердца? Оно словно рвется на простор, на волю...

Девушка распахнула окно.

— Гульбадам, немедленно закрой! — раздался за спиной женский голос. — Две служанки взяли ее под руки. — Испугалась?

Голоса добрые... Но сколько за последнее время обманывали Гульбадам! Она машинально пошла за ними. Во дворе еле слышно прошептала:

— Нет, нет, мне сюда!

И пошла направо. Невольницы последовали за ней. Когда раздавались далекие шаги, они говорили:

— Ну, хватит, Гульбадам, не упрямясь!

Однако покорно следовали за девушкой.

Вот и крытый коридор Арка. Нет сил идти... Гульбадам невольно остановилась.

— Не бойтесь, Гульбадам, идите смело. Аимхан-ая хочет освободить нас. Благодаря вам уходим и мы, — прошептала одна из невольниц.

Девушки дошли до середины коридора и вдруг замерли, услышав окрик:

— Кто там? Стой!

— Ох, эти ваши шутки! Перепугали насмерть моих девушек!

Недовольный голос продолжал:

— Нет! Не шутки! Аимхан-ая, что вы? Хотите погубить меня?

— Не бойтесь...

Аимхан-ая, звеня кошельком, вручила его стражнику. Тот поднес кошелек к свету фонаря, показал своему напарнику.

— Чистого золота монеты. Разве обманет нас Аимхан-ая?

Кошелек моментально исчез за голенищем, и стражник отступил в сторону.

Аимхан-ая жестом подозвала Гульбадам, прошептала:

— Там, дальше, еще один караульный. Но ты держись. Выйдешь сразу, как я скажу. Поняла? На, возьми вот это. Быстренько надень. Ночью в парандже ходить нельзя. Вот тебе мужская одежда.

Гульбадам быстро сложила паранджу, передала Аимхан-ая и замерла в ожидании указаний.

Аимхан-ая приказала ей постоять, а сама на цыпочках приблизилась к воротам.

Гульбадам и невольницы стояли не дыша. Прежней уверенности в спасении уже не было. Этот крытый коридор своим могильным мраком быстро рассеивал все надежды. Разве можно вырваться отсюда!

Вначале Аимхан-ая говорила шепотом. Стражник отвечал тоже приглушенно. Но вот раздраженные отрывистые слова донеслись до девушек:

— Сказал же я вам, Аимча, нет. Чего вы еще хотите?

Сжались девушки. Теперь не вырваться! И вдруг:

— Помогите!

Это крикнула Аимхан.

Сарбазы бросились к воротам. Но из маленькой калитки наперерез метнулись три тени и набросились на сарбазов. Перепуганные девушки прижались к стене. Что происходит? Кто эти незнакомцы? Чем кончится схватка? Ничего не видно в проклятой темноте. Только крики, лязг металла.

Страшна неизвестность. А со стороны Урды раздался голос:

— Нарзи, иди отдыхай, я пришел!

Нужно же, смена караула.

— Нарзи!

Крик настойчивей, громче.

— Я здесь.

Знакомый голос... Может, это Равшан?

Пришедший на смену сарбаз остановился. Настороженно прислушивается. Он не может понять, в чем дело. Гульбадам увидела, как тень бросилась навстречу сарбазу. Кто это? И что может сделать один?

В крытом коридоре даже осторожные шаги раздаются гулко. А сейчас идет бой. Звенит металл. Это взбудоражит дворец...

Спокойный голос Аимхан-ая:

— Как выйдешь из ворот, поверни влево. Иди прямо к маленькой мечети. У Навбазара. Постучись в третью калитку. Поняла? В третьи ворота. Высокий дом из жженого кирпича. Когда откроют, скажи: «Я пришла к Хандан-буви». Все будет в порядке. Ну, иди. Быстрее, быстрее...

Гульбадам жалостливо и благодарно смотрит на нее. Аимхан-ая поняла этот взгляд по своему:

— Ладно... Иди и жди меня у этой мечети.

Невольницы выскочили первыми и торопливо разошлись в разные стороны.

За ними — трое незнакомцев, одетых в одежду сарбазов. Растворились во тьме. А в крытом коридоре остались лишь недвижные тела стражников.

Тихо в городе... Луна плывет над ним, спящим, усталым. В бледном свете особенно красивы маки, склонившиеся на крышах. Как щедро луна заливает светом крыши Бухары с их весенними цветами.

Гульбадам не видела этой красоты. Она бежала. Наконец-то показались торговые ряды в конце улицы. Теперь можно повернуть.

Гульбадам подошла к супе мечети, присела и облегченно вздохнула. Казалось, что беды навсегда остались позади. Сердце продолжало бешено стучать. Но теперь нет радости, от ожидания чего-то необычного.

Подошла Аимхан-ая.

— Вон там, напротив. Видишь?

Кивнув, девушка направилась к третьим воротам.

Потемневший от времени кирпичный забор. Постучала. Послышался женский голос:

— Кто там?

— Мне нужна Хандан-буви.

Звякнула цепочка.

— Пожалуйста, доченька, не стесняйся, проходи. Чувствуй себя как дома!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Добрая Хандан-буви была постоянно с Гульбадам. Как могла утешала девушку, даже, словно ребенку, рассказывала ей сказки, пыталась отвлечь от невеселых мыслей. И все равно Гульбадам места себе не находила — все время думала об отце, о Равшане. Где-то сейчас они, что с ними!

То она часами сидела, словно придавленная тяжкими мыслями, то вдруг ее охватывала жажда деятельности — начинала хлопотать по хозяйству, подметать, поливать двор. И тогда Хандан-буви понимающе вздыхала. Бедняжка хочет забыться...

И сегодня Гульбадам молча хлопотала в доме: прибралась, поставила кумган, развела огонь. Когда все сели за дастархан, словно невзначай, подошла к воротам и осторожно выглянула на улицу.

Кругом тишина... Гнетущая тишина.

В полдень она услышала голос Абдурахмана:

— Бабушка, скажите Гульбадам, пусть переоденется и выйдет.

Затаив дыхание, девушка ожидала Хандан-буви. Может, только послышалось?

— Сейчас, сынок.

Хандан-буви шла к ней. А вслед, с мужской половиной дома, вновь голос Абдурахмана:

— Рахман-тога передал ей привет. Сказал: «Когда настанет час, непременно приду».

Для Гульбадам это был голос самого отца. Она не выдержала, подошла к двери:

— Жив-здоров ли папа? Вы его видели?

— Да. Жив.

— Спасибо, Абдурахман-ака. А как... Как Равшан? Что с ним?

Ответ Абдурахмана ошеломил ее.

— Да, кстати, передайте Равшану, что завтра я уезжаю в Самарканд. Обязательно передайте. Это — за-

встное слово. Он тогда все поймет. Вы знаете, где зиндан, сестричка?

Гульбадам молчала.

— Что, удивлены? Понимаю. Ладно, коли не знаете, где зиндан, пойдете со мной. Но только, так... не обращая на меня внимания. Когда дойдете до зиндана, сами догадаетесь, что это тюрьма. Договорились?

— Да! — прошептала Гульбадам и направилась к воротам. Абдурахман остановил ее.

— Возьмите... — и протянул сверток с монетами.

— Подойдете и сразу же бросьте Равшану как подаяние. Так много никто не подает. Осторожно сообщите ему, что деньги предназначены тюремному сторожу.

— Хорошо...

Гульбадам казалось, что она грезит. На улице было немногочленно. Несколько прохожих возвращались из мечети. Немилосердно пекло солнце. Никуда не спрячешься от его лучей. Гульбадам дошла до мечети, взглянула сквозь чачван, чтобы не упустить из виду Абдурахмана. Она уже не чувствовала жары. Скорее, скорее! Только бы не потерять из виду Абдурахмана.

У ворот Арка ей стало страшно. Дрожь пробежала по телу. А вдруг схватят!

Скорее, скорее.

Вон, на противоположной стороне, на холме, показался зиндан. Мрачный, словно в трауре по своим же заключенным.

И снова в страхе сжалось сердце. Как она встретится с Равшаном? Не выдаст ли ее волнение? Только бы удержаться на ногах. Только удержаться!

— Берегись!

Это всего-навсего арба, за ней всадники. Ничего страшного нет.

До зиндана Гульбадам шла за арбой. Абдурахман повернул в торговый ряд.

А ей надо дальше.

Вот и ворота зиндана.

Девушка увидела закованных в цепи заключенных, сидевших у стены. Сегодня пятница. По пятницам им разрешено собирать подаяние. Да, это те горемычные, о которых рассказывал Равшан-ака. Горе согнуло их...

Она вспомнила слова Равшана. Он говорил ей о свободе, о том, что цепей не будет. Он говорил... И он

сейчас здесь! Нужно отыскать... Где же бедный Равшан?

Вот он! Незнакомое, заросшее щетиной лицо. Лоб в морщинах. Гульбадам подошла ближе... Глаза! Его глаза! Они ликуют, безмолвно кричат от радости...

Гульбадам бросила сверток с монетами.

— Благослови вас господь, красавица! — голос дрогнул. Юноша узнал Гульбадам.

Так хочется сказать ему о своей любви, о том, сколько пришлось выстрадать!

Тюремный сторож увидел монеты. Издалека увидел. Такое приношение! Он двинулся к заключенному. И Гульбадам громко произнесла:

— Эти деньги для тюремного сторожа.

Сторож ослабилась, сказал узнику:

— Давай-ка их сюда. Уж не хочешь ли ты, несчастный, присвоить их, мои деньги?

И, нагнувшись, отобрал у Равшана монеты. Оглядев ветхую паранджу, спросил у Гульбадам:

— Кем вы приходите к нему? Мать, что ли? — Не дождав ответа, добавил: — Долго не разговаривать!

Сторож отвернулся, присел на камень и стал рассматривать монеты, каждую в отдельности. Даже прикусил одну. Не фальшивые ли? Нет, все в порядке. Довольный, улыбнулся и спрятал добычу за пазуху.

Гульбадам стояла перед Равшаном. Боялась даже назвать его по имени.

— Как чувствуете себя? — спросила она. Другие слова не приходили в голову.

Равшан не знал, что ответить. Долго смотрел на ее чачван. Молчал и улыбался. Гульбадам тихо добавила:

— Абдурахман-ака передает привет, завтра он уезжает в Самарканд.

О многом говорило это слово — «Самарканд».

— Спасибо, от меня тоже передайте привет.

— Он побывал в нашем кишлаке. Ваш отец и мой — живы. Они тоже передают привет.

— Спасибо за добрые известия. Я очень беспокоился. Как вы сами поживаете?

— За меня не беспокойтесь. Жду свободы, о которой говорили вы. Когда выберетесь отсюда, стану вашим другом, во всех делах помощницей.

— Спасибо. Осталось немного ждать. Улыбнется нам счастье.

— Ну, хватит! Эй, вам говорю!— крикнул сторож. — Гульбадам и Равшан стояли, не в силах двинуться. — Оглохли, что ли?

Нужно расставаться. Равшан повернулся и, тяжело ступая, звякая кандалами, направился к лестнице зиндана. Оглянулся, посмотрел на Гульбадам.

Держался, крепился он. Но сейчас почувствовал ком в горле, ноги стали ватными. Он обернулся еще раз, и тут тюремный сторож ударил его в плечо прикладом. Равшан упал.

Гульбадам стояла на шевелясь....

Зной спадал. Подул прохладный ветерок. Улицы стали многолюдней. Гульбадам приблизилась к Арку. Вновь ее обуял страх. А вдруг схватят!.. Нет, ничего страшного. Стража не обращает на нее внимания. Четыре оборванных мешкаба — водоноса поливают площадь. Девушка подождала, пока у мешкабов в бурдюках не кончилась вода, скользнула мимо страшных ворот.

Едва дошла до мечети, услышала голос глашатая:

— Эй вы, люди города, не оставайтесь в неведении, слушайте. Мы уже уведомили о том, что из гарема великого эмира исчезли четыре невольницы. Получены точные сведения: одна из бежавших, богоотступница Гульбадам, дочь Хадикула, скрывается в Бухаре. Тому, кто знает о месте ее пребывания и не сообщит об этом сегодня же в Арк, отсекут голову. Имущество казненного будет изъято в пользу эмира... Эй вы, люди города, не оставайтесь в неведении.

Гульбадам словно оказалась в большой бурной реке. Течение понесло, закрутило... Оглянулась. Прохожие как ни в чем не бывало спешили по своим делам. Привыкли к подобным сообщениям. К глазам подступили горькие слезы.

— О боже, — прошептала она. — Каким пыткам ты подвергаешь несчастную рабу свою! Разве не хватает тех несчастий, которые уже обрушились на нас?

Слезы катились по щекам... К кому она пойдет? В чьем доме найдет кров и защиту? Эта мысль не давала

покою. Оставаться по-прежнему у Хандан-буви — значит подвергать смертельной опасности и добрую старушку, и Абдурахмана-ака. Нет, нет, нельзя больше жить у них. Только зайти попрощаться...

— Кто там? — спросил знакомый добрый голос Хандан-буви.

Стоило старушке открыть ворота, как Гульбадам бросилась к ней. Расплакалась.

— Возьми себя в руки, моя хорошая! Что с тобой? Скажи же, доченька, — утешала Хандан-буви, но Гульбадам ничего не слышала.

Наконец девушка сбивчиво, торопливо рассказала о случившемся. И снова заплакала.

— Никуда ты не пойдешь, доченька. Будешь жить здесь. Я сама отвечу, если придут люди эмира.

— Нет, я должна уйти. Должна.

— Пусть вернется Абдурахман-ака, доченька. Он скоро придет. Сказал, что сходит в ближайший кишлак.

— Нет, бабушка, пока он вернется, перевероят весь город. А найдут меня, что же будет с вами? Нет, бабушка!

— Куда ты пойдешь, доченька? В кишлак — нельзя. Подумай. Нет у тебя никого.

Гульбадам присела на супу и тотчас почувствовала, что силы оставляют ее...

Вспомнилась одна из невольниц. Она сказала, что будет выдавать себя за нищенку, просить милостыню.

«Вот так и я», — твердо решила Гульбадам.

— Прощайте, бабушка, я пошла. Спасибо вам за все. Если бы я смогла вам служить...

— Деточка моя, куда же ты? Хоть бы подождала Абдурахмана.

— Нет, бабушка. Глашатай требовал сегодня же сообщить...

— Мало ли что брешет глашатай. Доченька, оставайся, родненькая, пойдешь завтра...

Но Гульбадам уже просталась с Хандан-буви, которая широким рукавом вытирала слезы.

...Все дальше и дальше от ворот Арка уходит Гульбадам. Крепостная стена змеей обвивает город. Все дальше... В поле... Здесь легче дышать. Чистый степной воздух напоминает о родном кишлаке, где она родилась

и выросла, напоминает о родных. И хоть на миг позволяет забыть свои тревоги.

Мимо промчался всадник, оставляя за собой клубы пыли. Гульбадам сошла с дороги, споткнулась, упала. Отряхиваясь, вдруг вспомнила о Равшане. Ей стало обидно до слез: как это грубый тюремщик свалил Равшана ударом приклада! «До каких пор нам страдать! Когда же придет свобода?»

Гульбадам шла и шла. Вдали показались сияющие в багровых лучах заката росписи Чор-Бахра.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Равшан поднялся, осмотрелся.

Комнатка была тесной, темной. Но это, конечно, не зиндан. Здесь тепло, уютно.

— Ну вот! — раздался радостный голос Абдурахмана. — Наконец-то встал.

— Где я? — хрипло спросил Равшан.

Очень хотелось пить. Словно угадав его желание, Абдурахман налил в пиалу чаю.

Равшан жадно выпил. Чай уже остыл. Но это был настоящий, крепко заваренный чай.

— Сейчас принесут горячий.

Удивительный человек Абдурахман. Как ему удается даже угадывать желания.

— Горячий лучше! Силы восстанавливает, — продолжал Абдурахман. — А ты нам нужен сильный, бодрый...

Он похлопал по плечу Равшана.

— Находишься ты у друзей. Ни одна эмирская ищейка тебя не найдет. Если сунется, этими руками задушим.

Равшану нравилось слушать Абдурахмана. Какие-то крепкие слова. Уверенно, твердо звучат. С ним легко, с Абдурахманом. У него можно учиться, за ним можно идти в любую схватку с врагом.

Вот и сейчас он разговаривает так, будто ничего не случилось. А ведь вытащили Равшана из тюрьмы. Из этой страшной ямы.

— Как вам удалось? — спросил Равшан. — Я ничего не помню. Шум, драка, удар по голове...

— Это чтобы ты в следующий раз не высовывал голову раньше времени... — серьезно сказал Абдурахман. — Тебе же крикнули, предупредили.

— Ничего не слышал, — сознался Равшан.

— Ну, ладно, хватит об этом. Важно, что ты на свободе. Две эмирских ищейки уже не поднимутся. В остальном все в порядке. И наш уважаемый Зайниддин на свободе... Вот так-то!

В комнатку скользнул мальчишка. Молча поставил чайник и скрылся.

— У нас много друзей, — заговорил Абдурахман. — И с каждым днем становится их больше. Власть эмира висит на волоске. Правда, к волоску, чтобы его оборвать, нужно добраться. А добраться нелегко.

Он налил пиалу горячего чая, протянул ее Равшану.

— Каждый из нас должен отдать все силы. Если понадобится, и жизнь во имя свободы.

— Я давно готов! — Равшан сжал кулаки. — Хочу мстить им за все. За все...

— Мстить? — укоризненно переспросил Абдурахман. — Опять ты о своем. Мсть — плохой советчик в твоем деле.

— В моем? — шепотом переспросил Равшан.

Он почувствовал, что сейчас услышит от Абдурахмана что-то очень важное.

— В твоем, — повторил Абдурахман. — Мы просим тебя выполнить одно задание.

Равшан даже приподнялся, напрягся весь.

— Ты садись, садись... — легко толкнул в плечо Абдурахман. — Пей чай и слушай...

— Слушаю... — тихо произнес Равшан.

— Тебе нужно будет пробраться в Самарканд. Дам тебе адрес. Ты легко найдешь нашего друга Алексея. Помнишь, я о нем рассказывал? Он сейчас красный комиссар, большой человек. Комиссар Красной Армии.

— Я найду его! — пообещал Равшан. Пообещал торпливо, словно боялся, что Абдурахман передумает.

— Я верю, — успокоил Абдурахман и продолжил: — Передашь Алексею нашу бумагу. Очень важную бумагу. Если попадешься в руки ищейкам, уничтожь ее. Не уничтожишь, тогда полетят десятки голов. Ясно?

— Да.

- А на словах расскажешь о Бухаре...
— О чем? — не понял Равшан.
— О Бухаре, о себе, о Гульбадам, об отце, о зиндане.
— Зачем? — удивился Равшан.
— Им надо знать, как мы живем. Большевикам, Красной Армии надо знать. Без их помощи мы ничего не сможем поделывать с властью эмира.

Наступил день, когда Равшан должен был выйти из города. В рваной одежде бедняка, с таким же потрепанным хурджуном ему предстояло пройти по дороге в Каган, а оттуда проехать в Самарканд.

— Железная дорога...— объяснял Абдурахман.— Главное — не испугаться паровоза.— Он был в хорошем настроении. Даже шутил.

Зайниддин вытащил конверт, подержал перед глазами Равшана.

— Знаешь что это такое?

— Объяснил... — просто сказал Абдурахман. — Все знает!

— В ней наша судьба. Судьба народа.

Конверт спрятали в халате, за поблекшей заплатой. Абдурахман ловко ее зашил.

Равшан понимал, как трудно будет пройти по городским переулкам, очутиться за воротами. А там... Кто пристанет к бедному человеку на большой дороге?..

— О Гульбадам не беспокойся. Мы узнали, она в Чор-Бакре, в тихом месте.

— Спасибо вам,— тихо произнес Равшан.— Я пойду. Его не провожали.

Равшан шел по пустынным переулкам Бухары. За глинобитными заборами пряталась от чужих глаз нищая жизнь, прятались беды. Равшан хорошо знал о них по себе. Но знал уже и о силе, которую нужно пробудить, поднять против кровавых законов эмирата.

Бухара... Десятки налогов... На землю, воду, заборы, дома, деревья... Даже на дым, на калитку... Что же творится на этом свете? Когда же сгинет жадный, кровавый эмир?

Из-за полуоткрытой калитки выглянул старик. Равнодушно взглянул на Равшана пустыми, бесцветными глазами.

Если бы он знал, куда и зачем идет Равшан... Он идет в Самарканд, к сильным, честным людям, идет за помощью.

Возможно, скоро даже в таких потухших глазах вспыхнет искра радости...

У ворот хмурый стражник равнодушно посмотрел на Равшана. Бедный хурджун, ветхая одежда не заинтересовали стражника. Но другой, помоложе, кивнул Равшану: ну-ка скинь хурджун.

Этому молодому стражнику или было скучно, или не гнушался он никакой добычей. Рука нырнула в переметную суму, ловко нащупала сухую лепешку, горсть изюма, завернутого в платок, глиняную миску.

Миска появилась на свет божий.

— Купил? — спросил стражник.

— Купил, — ответил Равшан.

— На какие деньги?

— Клевер продал. Сноп.

— Сколько стоит?

— Что? — не понял Равшан.

Он должен выглядеть таким вот непонятливым киш-лачным парнем.

— Клевер!

Равшан знал цену. Но назвал меньше, чем стоил сноп люцерны.

— Дурак!.. — радостно расхохотался стражник. Он даже хлопнул себя по колену. — Ох, дурак!

Хмурый стражник скривил губы. Наверное, попытался улыбнуться.

— И все деньги отдал за чашку? — не унимался молодой.

— Еще добавил.

— Дурак... Дурак... — стонал стражник.

Чашку он аккуратно положил рядом с собой. Больше нечего взять с кишлачного нищего парня.

— Ну, иди! — внезапно оборвав смех, грозно разрешил стражник. — Чего стоишь?

Равшан посмотрел на чашку. Но стражник не заметил этого взгляда.

— Или может ты большевистский шпион? А?

Равшан пожал плечами.

— Иди!

Абдурахман был прав, снаряжая Равшана в дальний путь. Именно он подсунил дешевую вещь, которую должны были отобрать стражники. Так и случилось...

Равшан вылетел за ворота «благородной, святой Бухары» счастливым человеком... До чашки ли тут? Хорошо, что выпустили, хорошо, что цел остался. Могли бы запросто так и избить...

Так, облегченно вздыхая, наверное, вылетает отсюда любой кишлачный житель. Если повезет, то пронесет с собой какую-нибудь купленную на базаре мелочишку или спрятанную за щеку единственную таньгу.

Через час Равшан твердо шагал по дороге. Он знал, что у Кагана, железнодорожной станции, теперь редко встретишь эмирских ищеек.

— Там уже другой порядок... — тепло сказал Абдурахман. — И не бойся русских, подходи. Рабочие помогут, подвезут до Самарканда.

«Рабочий», — про себя произнес Равшан. Что еще рассказывал о них Абдурахман?

Лет пятнадцать назад в Кагане на хлопкоочистительном заводе вспыхнула забастовка. Рабочие не хотели мириться с порядками эмирата, с порядками хозяев... «Смелые люди»... — подумал Равшан.

Сейчас он шел к ним. Как его примут?

Рослый узбек в замасленной одежде, старательно вытирая ветошью руки, расспрашивал:

— Что же пешком? Все четырнадцать километров?

Равшан впервые услышал это слово «километры».

— Не знаю... — сказал он.

— Ах, да... — узбек улыбнулся и что-то сказал своим русским друзьям. Те тоже улыбнулись, и в ответ понимающе закивали. — Это наши товарищи... — представил он русских. — Без них нам, брат, туго будет. Задушит эмир.

— Так говорит Абдурахман, — осмелел Равшан.

— Ты знаешь Абдурахмана? — удивился узбек.

— Я от него. Мне нужно в Самарканд. К русским... К товарищу Алексею.

Последние слова Равшан произнес с трудом.

— Вот оно что! Мы поможем тебе добраться до Самарканда. Даже дадим провожатого.

— Спасибо...

— Зови меня Садыком. Давно меня так зовут. Уже тридцать лет.

— Спасибо, Садык-ака.

Садык сочувственно осмотрел Равшана.

— Плохо у вас там, в Бухаре?..

— Очень плохо. Меня Абдурахман спас. Из зиндана...

— Оно и видно. На сегодня хватит. Отдохнешь.

— Нельзя отдыхать! — привстал Равшан.

— Надо, надо. Утром поедешь. А сейчас пошли. Во дворце будешь отдыхать.

Они двинулись к каменному зданию, рядом с которым прохаживался рабочий с винтовкой.

— Этот дворец царь Николай подарил эмиру, — весело рассказывал Садык. — А теперь мы здесь хозяева. Наша рабочая власть. Сейчас найдем тебе комнату и ты отдохнешь.

Не смеется ли Садык?

Нет, не смеется. Рассказывает серьезно, спокойно...

Какая же у них власть. Если в эмирском дворце они отведут комнату для Равшана. И он будет в ней спать...

Равшан молчал, с удивлением осматриваясь.

Взглянув еще раз на рабочего с винтовкой, он невольно подумал: стражник.

А «стражник» улыбнулся и подмигнул:

— Здравствуй, товарищ!

Самарканд залит солнцем. По улицам проходили красноармейцы с винтовками, совсем молодые, такие, как Равшан.

Над зданиями полыхали красные флаги.

Большой, необычный город Самарканд. Равшан впервые увидел женщин с открытыми лицами. Люди пели песни...

И не вели стражники замученных арестантов.

«Это и есть та жизнь, о которой рассказывал Абдурахман...» — невольно подумал Равшан.

Он забыл об усталости. Радостно, взволнованно ду-

мал о странном стуке вагонных колес, о беселых, необычных спутниках — обо всем новом, с чем пришлось столкнуться в последние два дня.

Дом, куда его привели, тоже был похож на дворец. Но здесь у входа стоял уже не рабочий с винтовкой, а вооруженный «кизил аскер», «красный солдат», красноармеец.

Другой мир, другие люди. Кажется, Равшан даже приоткрыл рот от удивления. Не свистят плети, не ползут на коленях рабы. Не слышно слез и причитаний...

— В этом доме,— сказал сопровождавший его узбек,— три года назад была провозглашена Советская власть. Понимаешь, наша власть!

Равшан кивнул: понимаю. Но сам многое не мог себе объяснить. Вот он ночевал в эмирском дворце, построенном бывшим русским царем. Сейчас входит в другой дворец.

— А было здесь воинское собрание... — продолжал сопровождающий.— Собирались, значит, офицеры и генералы... А сейчас мы и наша власть.

У одной комнаты они остановились.

— Здесь товарищ Алексей. Комиссар.

Равшан приготовился увидеть богатыря. А встретил его небольшого роста человек, перепоясанный ремнями. Совершенно седой. А лицо не старое. Очень мало морщин.

— Вы ко мне? — спросил он по-узбекски.

Говорил комиссар неплохо. Только как-то с остановкой. Осторожно, не торопясь.

— К вам. Из Бухары гость. От товарища Абдурахмана.

Сопровождающий подтолкнул Равшана.

— Вот доvez, товарищ комиссар. Мне надо возвращаться. Он все, наверное, и расскажет.

— Как в Кагане? — спросил комиссар.

— Все в порядке. Рабочие готовы выступить в любую минуту.

— Передавайте всем привет, — заключил комиссар.— Простившись с сопровождающим, повернулся к Равшану.— Ну, садись. Сейчас угощу чаем. А ты расскажешь.

— Письмо? — напомнил Равшан.

— Прочтем и письмо...

Кажется, этот человек все делал не торопясь, обдумывая каждое слово, каждое движение.

Такая уверенная обстоятельность свойственна знакомым Равшану работающим дехканам. Они никогда зря не расходуют свои силы и слова.

На другой день комиссар повез Равшана к красноармейцам.

— Все расскажешь по порядку. Как мне... О своем отце расскажешь, о любимой девушке. И не робей... Это такие же простые люди. Они поймут тебя. С ними, наверное, ты и вернешься в Бухару.

Равшан ожидал увидеть пять-десять человек... А их были сотни... Люди стояли на площади и с интересом рассматривали кишлачного парня.

Равшан невольно попятился.

— Что ты? — улыбнулся комиссар. — Они ждут тебя. Разве не видишь... Рассказывай.

— Не могу... — прошептал Равшан.

— Можешь, дорогой. Надо. Они должны знать. Обязательно должны. Им предстоит воевать с эмиром.

Комиссар помог Равшану подняться на деревянный помост. В Бухаре с таких помостов глашатаи читают эмирские указы о новых налогах и казнях.

— Товарищи! — комиссар поднял руку и легкий рокот голосов утих. — Товарищи, к нам из Бухары пришел простой сельский парень. Он еще очень молод. Но все испытал. Его били, у него отняли отца, отняли невесту, отобрали дом... Он бежал из эмирского зиндана. Это страшная яма, куда эксплуататоры загоняют неугодных людей... В чем провинился Равшан? Он хотел спасти невесту из эмирских лап.

Гул возмущения прокатился по рядам красноармейцев.

— Из Бухары к нам идут простые люди. Они рассказывают о тяжелой доле народа, — продолжал комиссар. — Пришел и Равшан. Он хочет остаться с нами, чтобы вернуться с оружием в руках... И освободить Бухару от ненавистной власти эмира.

Красноармейцы зааплодировали. Тогда Равшан осмелел. Он шагнул вперед и крикнул:

— Люди Бухары ждут вашей помощи! Очень ждут...

Вечером комиссар разъяснял Равшану положение в его родной Бухаре.

— Абдурахман и Зайниддин принадлежали к партии младобухарцев, буржуазно-националистической партии.

Равшан не понимал этих слов.

— Ну как тебе сказать. Многие из них утверждают, что стоят за народ. Но не хотят ликвидировать эмират. Пусть, говорят, остается эмир. Но мы ограничим его власть. Меньше налогов будет.

— Эмир — зверь... — твердо сказал Равшан.

— Зверь... — согласился комиссар.

— Его нужно уничтожить.

— Так думаем и мы, большевики. Поэтому в нашу партию и переходят твои друзья Абдурахман и Зайниддин.

— Они и ваши друзья, — добавил Равшан.

— Большие друзья, — кивнул комиссар. — Ну, ты пей чай. И спать. Завтра пойдешь в полк. Будешь учиться стрелять.

— Не учиться, воевать хочу. Вы же сказали.

— Воевать будем... — вздохнул комиссар. — К сожалению, будем. Эмир ведь сам ворота Бухары не открывает? Не откроет. А жаль. Это значит, кто-то погибнет и у ворот Бухары.

— Лучше погибнуть. Но так жить нельзя! — горячо воскликнул Равшан.

— Ты прав, парень. Прав... — задумчиво произнес комиссар. — Не можем мы оставить твой народ. И за его свободу придется платить кровью... Ну, хватит, давай спать. А военному делу учиться надо. Чтобы побеждать.

Комиссар подошел к окну.

— Хорош август у вас. Ночь темная, уже прохладная. А звезды... Звезды какие огромные!

Равшан тоже подошел и взглянул на небо.

Из эмирского зиндана он все пытался взглянуть на небо, но напрасно... Давно Равшан не любовался звездами. Он невольно вспомнил Гульбадам. Как она там? Что делает?

Словно догадываясь о его мыслях, комиссар спросил:

... Значит, невеста в безопасности?

— Да, укрывается среди странников на кладбище Чор-Бакр.

— Хотя бы месяц... — словно про себя сказал комиссар.

— Месяц? — переспросил Равшан. — И мы...

— Все может быть, Равшан, — комиссар положил руку на плечо юноши. — Все может быть. И твое письмо, то, которое ты принес... Мы его тоже отправили в Москву.

— В Москву? — удивился Равшан.

— Много уже таких писем, много, парень. Надо решать с эмиратом... Раз и навсегда.

— Надо!

— Вот мы, большевики, и решаем... А ночь хороша. Вот такое спокойное небо будет и над твоей Бухарой. И станешь ты любоваться красивыми звездами. Введете с Гульбадам.

Равшан смущенно опустил голову.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Уже погасли последние лучи, но здания, накаленные за день, еще горячо дышали, обдавая все вокруг жаром. Казалось, над городом поднимается пар. Люди еле двигаются, вялые, сонные. Во дворике тоже духота...

— Уф-ф, невозможно терпеть... Что за осень выдалась, Зайниддин? — сетовал Абдурахман.

— Если вы не переносите обычной жары, то как же выдержите приближающуюся огненную бурю, мой друг? — улыбнулся Зайниддин.

— Эх, началась бы буря. Ее жар — целебный.

— Теперь, как бы ни бесился эмир, ничто не спасет его. Военные приготовления Алимхана только подливают масла в огонь. Народ негодует. А что делается в наших кишлаках? В Гиждуванском уезде прикончили эмирских амлякдаров вместе с сарбазами. Явились они, как всегда, чтобы обобрать дехкан, и получили по заслугам... А в городе что делается? В кварталах Мирзасачак, Мирдустим, Гавкушан, Газиян ремесленники оказали открытое сопротивление людям эмира! Ну, ка-

кие же самые ретивые сарбазы и их юзбаши — сотники смогут приостановить эту волну?

— Зайниддин! Мы тоже не должны сидеть сложа руки.

— Не имеем права, Абдурахман. За большое дело взялись бухарские коммунисты. Что решил их съезд в Чарджоу? Принято решение о начале вооруженной борьбы, о восстании против эмирата. Мы же обратились к Красной Армии за поддержкой. Обо всем этом узнал руководитель правительства Советов — сам Ленин. Говорят, он уже направил командира Фрунзе в Самарканд.

— Вот это новость! Словно крылья!..

— Готовьте крылья к полету! Вечером и вы отправитесь в Самарканд. Вернетесь уже вместе с красноармейцами.

Абдурахман слушал, не скрывая своей радости.

— Спасибо, Зайниддин, спасибо. Сам, сам приведу красноармейцев.

— Среди них много и наших парней. Как, интересно, там Равшан?

— А что? — Абдурахман, подумав, твердо заключил: — Он может стать хорошим аскером.

— Да, — согласился Зайниддин. — Жизнь подготовила таких парней к борьбе. — Он сжал кулак. — И эти джигиты выйдут победителями.

— Обязательно.

— Как его невеста?

— По-моему, хорошо спрятана. Чор-Бакр, — тихий уголок, — ответил Абдурахман.

— Сейчас тихих уголков нет, — вздохнул Зайниддин. — Бурлит наш край. Проследили бы за Гульбадам. Поручи кому-нибудь...

— Попрошу мать.

Они понимали, как сложно в эти дни, когда решается судьба Бухары, всего народа, сберечь жизнь одного человека. Очень сложно... Неизвестно, за каким углом ждет тебя меткая пуля или сверкающее лезвие ножа.

— И себя береги... — Зайниддин неловко обнял друга. — Береги.

— Доберусь до Кагана... А там...

— Вот именно, до Кагана. Это самая страшная дорога.

Они простились.

Вечером Абдурахман благополучно вышел из Бухары. Скоро стражники закроют ворота. Потом опустится ночь. Еще одна страшная ночь.

Сколько их пережила Бухара! Надо пережить и эту! Обязательно пережить.

Рассвет близится.

Жара. К тому же еще ветер. Он словно просеивает уличную пыль через невидимое решето. Как старается! Город стал сумрачным, хмурым. Непогода рождает среди жителей слухи о грозных временах, о скором светопреставлении.

Но чаще вспыхивают совсем другие разговоры, заставляющие обращать взоры к Кагану.

Никогда слова не были такими сильными, опасными. Они походили на волны, в которых колыбался город. Нет! Это не пустые слова!.. В Кагане новая власть! В Кагане Красная Армия! Эмир уже не в состоянии управлять государством.

Бурлят соседние кишлаки. Нужно вовремя бросить одно слово и вспыхнет восстание.

Что сделал эмир с хозяйствами дехкан!

Дом Равшана заброшен... Полное запустение. Кучки мусора, мелкого хвороста. В комнате, где недавно держали Хадикула, потолочная балка провисла, с крыши сыплется сухая глина. После смерти Хадикула Рахман-тога болел. Совсем опустил руки. Для чего жить? Что впереди? Подобные же муки и смерть? Дом заброшен. Уцелел только айван да комнатка возле него. Рахман-тога лежит, укутавшись в изодранную курпачу. Уже около двух месяцев так лежит...

Собрав несколько таньга, раз в неделю приходит из города Бури-Див. Рахману-тога все хуже и хуже...

Появился Закирбай. В руке плеть, глаза налиты кровью. Наклонился, зло кричит, брызгает слюной:

— Скажешь или нет, где Гульбадам, негодяй?

Рахман-тога не в силах подняться. Едва шевельнулись пересохшие губы.

— Ах вот как! Не желаешь разговаривать! — За-

кирбай сорвал с Рахмана-тога курпачу, стал хлестать плетью.

Даже крикнуть не мог Рахман-тога, только закрыл глаза. Закирбай пнул его носком сапога. И снова стал хлестать, при каждом ударе приговаривая:

— Вот тебе! Вот тебе!

Во дворе слышались шаги. Недовольный аксакал повернулся: кто еще там?

В комнату вошел сарбаз.

— Меня направили к вам почтенный Бузрукходжа. Немедленно езжайте в Чор-Бакр. Девушка находится там.

— Вон оно что! — Закирбай устало опустил руку с плетью. — Хоп, поехали.

Едва бай уехал, появился Бури-Див. Увидев избитого старика, упал на колени. Недвижим Рахман-тога. Побрызгал в лицо водой... Рахман-тога слегка приоткрыл глаза, прошептал:

— Закир... Чор-Бакр...— и снова потерял сознание.

Бури-Див бережно переложил его голову с коленей на курпачу. Укрыл старика и бросился прочь.

Он бежал не разбирая дороги. Только у перекрестка остановился и, увидев пламя, радостно вздохнул:

— Значит, начали молодцы!

...Бури-Див побежал к конюшне Закирбая, вывел оттуда белого коня. Сын аксакала выскочил из дома... Что-то кричит... Плевать! Бури-Див хлестнул коня и помчался по улице.

Соединенная толпа дехкан из кишлаков Имамкази-хан и Халач грозно движется вперед. Во главе Исмабобо, размахивая в воздухе дубинкой. Бури-Див не скрывал радостного чувства. Пламя бушевало... За огненными языками уже не видно дома Сафарбая. Вот она расплата! Крики дехкан, возбужденные, яростные. Вот она буря! Бури Див залюбовался великим зрелищем... Но вспомнил, что надо спешить. И свистнула плеть. Рванулся конь. «Закир... Чор-Бакр...»— эти слова о многом говорят. Надо спешить!

Закирбай примчался в Чор-Бакр. Во дворе, окруженном высокими строениями, отдал приказания сарбазам:

— Я пойду вниз. Осмотрю ханаку. Вы проверьте все. Да только поживее! Ну! Шевелитесь!

— Хорошо, таксыр.

...Сарбазы по винтовой крутой лестнице Чор-Бакра стали один за другим забираться на крышу.

Там стояла Гульбадам. Ветер трепал темно-русые длинные волосы. Она стояла, сжав кулачки. В эту минуту она не была похожа на ту девушку, которую увели сарбазы, вырвав из отцовских рук, на ту, которая падала со слезами в ноги мучителям. Сейчас она была готова на все... Все, что в ее силах...

Гульбадам подняла большой камень...

Первый сарбаз только успел ступить на крышу, как девушка с силой ударила его по голове. Схватила новый камень, бросила во второго сарбаза, который уже поднялся на последнюю ступеньку лестницы. Третий сарбаз, увидев, как покатилося по ступенькам окровавленное тело, повернул назад. Закирбай не успел разобраться в чем дело и упорно взбирался вверх. Вот она — Гульбадам! Он бросился к ней.

Девушка стояла не шевелясь. Закирбай приближался, обнажив клинок.

Руки его заметно дрожали. Глаза бегали по фигуре девушки.

— Ну... Ну... Наконец-то попалась... Не успокоюсь, пока не поцелую тебя... Ты должна заплатить за то золото, которым я осыпал твою дорогу. Ну... Ну... Иди сюда...

— Не смей подходить, негодяй! Пусть отсохнет твоя рука, поднявшая меч. Пусть твое уродливое тело сгниет в могиле, убийца!

— Что? Что? Замолчи, пока сабля не упала на твою шею... Не губи свою молодую жизнь! Ну, спускайся вниз, безродная, рожденная от рабыни!

Закирбай сделал еще два шага вперед. Гульбадам попятилась. Ее глаза искали камень, но, кроме выгоревших, иссохших от зноя трав, вокруг ничего не было. Гульбадам отступала... И вдруг край ветхой крыши обвалился — девушка вскрикнула и рухнула вниз.

Закирбай, невольно подавшись вперед, глянул туда... Все!..

Торопливо, не в силах сдержать дрожь в коленях, стал спускаться.

На распростертое тело девушки даже не взглянул. Побоялся! Бросился к коню, вдел ногу в стремя. Но железные руки свалили его, обхватив за короткую шею. Это была хватка Бури-Дива.

— Подлец! Убийца! Хватит ли твоей крови, чтобы расплатиться за все твои злодеяния, кровавый шакал. Ну, говори! И это дитя ты тоже убил?!

Бури-Див сдавил ему горло. Глаза Закирбая налились кровью, он беспомощно взмахивал руками, прося пощады. Бури-Див чуть ослабил хватку и бай упал ему в ноги.

— Буриджан, не погуби меня! До самой смерти буду содержать тебя, поженою тебя, Буриджан! Умоляю, целую твои ноги, Буриджан!

— Мои ноги не для того, чтобы их лизали шакалы... Видишь вот этот нож? А, узнаешь?

— Эй-эй-эй! Оставь это, Буриджан. Ой, ой, не надо!

— Раз ты, увидев нож, теряешь дар речи, зачем же ты другим вручал его, трус? Помнишь, в ту страшную ночь ты заставил меня накуриться анаши... Вот тот самый нож! «Унеси из дома Гульбадам, а кто встретится, режь!» — сказал ты тогда. Я эту девушку сделал сиротой... Я был слеп. Ты и подобные тебе превратили меня в зверя... Теперь я буду мстить за каждую каплю этой крови. Я дал обет уничтожать таких, как ты. Я прикончу тебя, подлый трус, там, где ты пролил кровь этой безвинной девушки!

Бай охнул и, схватившись обеими руками за живот, как куль, повалился на землю. А Бури-Див, отбросив нож далеко в сторону, осмотрелся. Подошел к ветхому старинному надгробию, приподняв несколько кирпичей, отложил их в сторону.

Могила для Гульбадам вскоре была готова. Великан перенес легонькое тело и стал закладывать кирпичами. Затем, набрав возле арыка глины, замазал щели. Прочитал молитву...

Наступил вечер. Тихий, безмятежный вечер. Кладбище погружалось в темноту.

Бури-Див встал с колен. Он шел, ведя коня на поводу, и размышлял об искалеченной своей жизни. Разве отомстишь за все горе, за кровь сполна? Хватит ли на это сил?

Он повернулся, взглянув на минарет, величаво вышавшийся над мазаром.

Бури-Див Вскочил на коня...

А через два дня, в самом конце августа, произошли незабываемые события в истории древней Бухары.

Не успели разлиться солнечные лучи над городом, не успела вспыхнуть голубизна нового утра, как Бухара поднялась на ноги от грохота пушек. Раскаты гулко доносились со стороны Кагана.

На «священную войну», к которой так долго готовился эмир, вышла кучка мулл и ученики медресе, толпы фанатиков, сарбазы...

Но это уже была агония. Эмират корчился в предсмертных судорогах.

И вдруг ошеломляющая весть:

— Эмир-то сбежал!

Красноармейцы, интернациональные полки, созданные из туркестанской бедноты, восставшее население эмирата пробивались к городу.

— Эмир-то наш сбежал! Для чего ж нам стараться! Пора уносить ноги! — кричали сарбазы и сами мчались в сторону Самаркандских ворот.

Но на улицы, в тесные переулки Бухары уже врывались красноармейцы. Скакали кавалеристы, бежали бойцы с винтовками наперевес.

Рядом с одним из командиров бежал Равшан.

— Сюда! Сюда! Здесь ближе... — указывал он дорогу. — Сразу к Арку, к дворцу.

Равшан был в красноармейской форме. Гимнастерка еще топорщилась на нем. Некоторые бойцы с сомнением поглядывали на хрупкого горячего парня. По неопытности, да еще в горячке, нарвется на первую пулю.

Но Равшан держался уверенно. Он успел уложить двух здоровенных сарбазов.

— Стой! — раздался голос командира. — Видишь, Равшан?..

Отборные сарбазы эмира укрепились здесь. Их было много. За рядами солдат хмуро высились серые стены Арка.

Равшан огляделся. Сколько он в последнее время бродил по этим переулкам...

— Товарищ командир! — воскликнул Равшан. — Можно обойти. Выйдем к зиндану, к тюрьме... Выручим людей. Оттуда к Арку!

— Молодец, Равшан! За мной, товарищи! — крикнул командир.

Из соседней калитки выбежал старый, но еще крепкий мужчина.

Он держал в руках узловатую палку.

— Эй! Джигиты!

Взглянув на Равшана, старик на бегу спросил:

— Узбек?

— Да, отец.

— Постой... постой... — старик на миг приостановился. — Где-то я тебя видел...

— Может, у стены дворца, — засмеялся Равшан. — Там я просил подаяние. Вместе с другими арестантами.

Старик удивленно посмотрел на Равшана и хрипло сказал:

— Там, в зиндане, мой сын...

— Мы его освободим!

Они бежали вдоль рыхлых глинобитных стен. Открывались калитки, ворота... К красноармейцам присоединялись стар и млад. С палками, кетменями, ножами они тоже устремились вперед, чтобы навсегда покончить с ненавистными кровопийцами.

Утихала стрельба... Выводили пленных. Сановники, стражники, сарбазы теперь уже не выглядели грозными. Куда и девалась спесь!

Бурлила Бухара... Толпы людей вылились на площади и улицы.

— Равшан!

Да это же Бури-Див кричит. Равшан узнал великана и радостно бросился к нему.

— Бури! Милый Бури!

— Подожди! Подожди! — замахал руками богатырь. Что с ним стало! Как жалко он выглядит. — Слушай меня, Равшанджан, слушай. Делай что хочешь со мной...

— Бури! — предчувствуя недоброе, вскричал юноша.

— Равшанджан! — Бури-Див говорил торопливо, словно боялся, что его перебьют и он не успеет все вы-

сказать... Неожиданно подавленным голосом заключил: — Я... я убил мать Гульбадам, Равшанджан!.. Закир заставил меня накуриться анаши... Дал мне нож... Этим ножом я только что прикончил его самого... И еще... Гульбадам в Чор-Бакре. Убил ее Закирбай. Я похоронил...

Бури-Див рванул лоскут полы яхтака и протянул Равшану. Толпа подхватила Бури-Дива, увлекла с собой. Он успел крикнуть:

— На нем капля крови Гульбадам! Отомсти за отца, за мать, за Хадидула-ака! Отомсти!..

Его голос удалялся.

— Бури! Бури-и-и!..

Толпа хлынула новой волной.

— Бури-ака!!!

Сотни людей... Нет, наверное, тысячи.

Людское море клоочет, бушует.

Удивительно, как в этой суматохе Абдурахман отыскал Равшана.

Красноармейская форма на нем сидела ладно, не то что на Равшане. Словно специально подыскали.

Абдурахман расправил складки гимнастерки, откашлялся. Не умел он начинать такой разговор, не умел успокаивать.

— Слышал! Знаю! — глухо сказал Абдурахман. — Ну, что поделаешь...

Равшан не отвечал.

— Не успели мы... — продолжал Абдурахман. — Что поделаешь... Не сразу эта сволочь успокоится. Будут цепляться за власть. Нам еще придется...

Он заговорил горячо, юноша отвлекся от своих грустных мыслей, удивленно глядел на Абдурахмана. А тот объяснял:

— Надо гнать их. Всех до одного с нашей земли. Я решил остаться в Красной Армии.

Они сидели в тени, на камне. Сидели, не выпуская из рук винтовок. Словно бой еще не окончен. Просто стих на минуту. И, как все вокруг, любовались красным флагом.

Он трепетал высоко над Регистаном, над всей Бухарой.

Люди смотрели на флаг, радовались обнимали друг друга, не скрывали слез радости. Но многие тоже сжимали оружие, кто винтовки, а кто просто палки.

— Товарищи! — раздался сильный, уверенный голос. — Товарищи! Прошу внимания.

Кто-то встал на повозку и поднял руку.

— Наш Алексей! — подтолкнул Абдурахман юношу. — Узнаешь?

— Узнаю, — кивнул Равшан.

— Подойдем поближе...

— Товарищи! — продолжал комиссар. — Вчера командующий Фрунзе послал в Москву телеграмму Владимиру Ильичу Ленину. Слушайте! — В руках у комиссара трепетал листок. Медленно, подчеркивая каждое слово, комиссар читал:

— «Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом соединенными усилиями Красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победоносно развевается Красное знамя мировой революции»...

— Слышишь? — подталкивал Абдурахман. — Понимаешь?

Равшан все слышал и все понимал...

После короткого митинга Абдурахман неожиданно предложил:

— Хочешь я поговорю с Алексеем, чтобы тебя отпустили дня на два?

— Куда? — хмуро спросил Равшан.

— В кишлак... Ну... — Абдурахман с трудом подыскивал слова. — Ну и... в Чор-Бакр.

— Рано! — твердо сказал Равшан. — Еще рано. Очистим нашу землю от врагов... Потом.

Абдурахман внимательно посмотрел на Равшана. Перед ним стоял воин. Не было прежнего мальчишеского лица. Глубокие складки легли на лбу...

— Ты прав, Равшан. Много еще у нас дел. Не окончился бой.

Где-то послышалась музыка. Песня... Песня в Бухаре!

Абдурахман и Равшан невольно прислушались...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Равшан-бобо долго смотрел на куст ярких роз.

Наконец перевел взгляд на меня.

— Я больше не встречал Бури-Дива. Остался кусок его яхтака с каплей священной крови моей любимой. Трудно было перенести все это. После армии уехал в Уратепа. Около двадцати лет прожил там. Много работал. Участвовал в создании колхозов. Состарился и вернулся в Бухару. Любовь к Гульбадам оставила глубокую рану. День и ночь думаю о ней.

Равшан-бобо вздохнул. Он поднялся, срезал розу с пышного куста и подал мне.

— Возьмите, сынок. Цветок я привил, как меня научила Гульбадам. Память о ней.

Я бережно взял розу.

— С тех пор я здесь,— продолжал старик.— Не знаю, в какой могиле лежит Гульбадам. Только знаю, что она здесь. Пусть душа ее будет довольна — я живу в Чор-Бакре. Останусь до конца моих дней. Весной и осенью помогаю ухаживать за колхозным садом. Делаю прививки роз, сажаю новые деревья, ухаживаю за ними. Остальное время провожу здесь.

Я посмотрел на Равшана-бобо. Ему за семьдесят... Большие страдания, большое горе перенес человек... Но он еще бодр.

— Ну, надо прилечь, сынок. Надо вздремнуть хоть немного,— сказал Равшан-бобо и стал стелить на супе постель.

Уже рассветало. Медленно разгоралась золотистая полоска рассвета.

Караматов Сагдулла.

Дорога уходит в горы. Повесть (Пер. с узб. Г. Семенихина; Предисл. Б. Пармузина) — Т. Ёш гвардия, 1979. 212 с.

ББК 84Уз7

Уз2

Сагдулла Караматов

ДОРОГА УХОДИТ В ГОРЫ

Повести

Перевод с узбекского

Редактор В. Новопрудский
Художник А. Багдасарян
Худож. редактор К. Алиев
Техн. редактор Г. Ахмеджанова
Корректор Э. Наджатова

ИБ 432

Сдано в набор 7/VI-79 г. Пописано в печать 26/VI-79 г.
Печ. л. 6,625. Усл. печ. л. 11,13. Уч.-изд. л. 11,23. Формат
84×108^{1/32}. Печать высокая. Бумага типографская № 1. Гар-
нитурa „Литературная“. Тираж 60 000. Договор № 73-78.
Цена 90 к. Зак. № 40.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана „Ёш гвардия“.
700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Типография № 1 Ташкентского полиграфического производ-
ственного объединения „Матбуот“ Государственного комитета
УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли. Ташкент, ул. Хамзы, 21.

К $\frac{70303-87}{356(04)-79}$ 46—79